

Наталия Полянская

Три цвета счастья

История
С КОШКОЙ

Annotation

У Марьяны и трехцветной кошки Фельки обычная жизнь с кучей проблем: мама тяжело больна, брат вляпался в темную историю, денег едва хватает на всех.

Очень кстати давний знакомый предлагает Марьяне хорошо заработать, присматривая за его квартирой. Девушка, конечно, соглашается – деньги нужны. Да и парень уж очень привлекательный! Иван Райковский – первая и, возможно, единственная любовь Марьяны.

Пока Фелька очаровывает всех жителей новой квартиры, а Марьяна обустраивает быт Райковских, Иван, озабоченный положением девушки, пытается разобраться, как получилось, что хрупкая Марьяна осталась в своей семье за старшую? Может, ее родственники что-то скрывают? А может, тайна от Марьяны есть у него самого?..

- [Наталья Полянская](#)
  -
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
  - [Часть вторая](#)
    -
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

Наталья Полянская

Три цвета счастья

*Моей свекрови,
которая никогда не сдаётся*

© Полянская Н., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть первая
Черный

Глава 1

Это всё автобус. Он должен был прийти – и не пришел. Почему так? Почему так происходит, когда тебе очень нужен именно этот автобус, в двадцать тридцать две, и ходит он раз в полчаса? Как можно даже опаздывать на минутку, не говоря уж о полном пропадании в неизвестной вселенной, если ты ходишь раз в полчаса?

На остановке былолюдно, то и дело подскакивали деловитые маршрутки, выплевывавшие людей и жадно заглатывавшие новых. Подкатило несколько автобусов, но всё не те. Марьяна не могла стоять на месте – ходила туда-сюда, останавливалась, вглядывалась в поток транспорта до рези в глазах, пока наконец не углядела свой номер. Уже не пропавший автобус, следующий. Почти тридцать минут потеряно.

Конечно, Марьяна написала эсэмэску (мама не любит, когда звонят после шести – громкая трель телефона ее нервирует, а тихий сигнал она не слышит), однако всё равно чувствовала себя виноватой. Абсурдно, ведь она – не водитель автобуса, она не отвечает за расписание транспорта. Чувство вины рождалось где-то под ребрами и тихонько жгло там, и Марьяна боялась, что однажды прожжет пальто.

Хотя... оно ведь старое, и дыра уже есть – в кармане. Никак руки не доходят зашить.

В автобусе повезло: удалось сесть, да не просто, а к окну, откуда тебя не выковыряют без усилий. Ноги гудели, и Марьяна вытянула их, как смогла, отвернулась от набившихся в салон людей и стала смотреть в окно. Стекло немного запотело, пришлось провести по нему рукавом. Открылся город, наполненный спешащими домой людьми, машинами, намертво застрявшими в пробке на поворот, и бледными неуверенными фонарями. Асфальт блестел после недавнего дождя, и прилипшие к бордюрам кленовые листья казались сморщенными и жалкими, как трясущиеся руки старухи.

Ехать было минут пятнадцать. Марьяна задремала в духоте и едва не пропустила свою остановку, но вовремя встрепенулась и протиснулась к выходу. Теперь супермаркет на углу (где, конечно же, очередь), и побыть у мамы, и потом – домой. А дома – спать, спать, спать... Завтра суббота и – о, счастье! – не Марьянино дежурство.

Подъезд был ярко освещен, в крохотной будочке консьерж разогревал чайник и пахло пирожками.

– Добрый вечер, Станислав Георгиевич!

– Добрый, Марьяна Михайловна!

В старом доме, где когда-то давали квартиры за особые заслуги, жильцы друг друга знали. Конечно, приезжали и новые – кто-то продавал квартиру, кто-то умирал, и дети с внуками сдавали жилплощадь, но основной состав оставался прежним. Как и консьерж, вот уже двадцать лет охранявший вход, словно добродушный цербер с усталыми глазами.

Лифт застрял где-то на верхних этажах, и на третий Марьяна поднялась пешком. Отличная физическая нагрузка – пару раз в неделю по лестнице с тяжелыми сумками. Марьяна как-то предложила маме заказывать доставку продуктов на дом, но Лия Николаевна с возмущением отказалась. Она была подозрительна и неохотно пускала в квартиру даже сантехника, которого знала давным-давно. А уж курьер из непонятного интернет-магазина!..

Марьяна открыла дверь своим ключом, вошла, прислушалась и улыбнулась. Из гостиной доносились звяканье ложечек, тихий шорох и голоса.

– Вот не права ты, Арина. Ничего хорошего не получится из этого.

– Почему же не получится, Лиечка? Надо просто все обдумать, обсудить, а там уж дальше пойдет как по маслу.

– Рискованно очень...

– Так ведь без риска и не бывает выигрыша.

Марьяна хлопнула дверью, и голоса в гостиной умолкли. Затем мама спросила:

– Это ты, Марьяна?

– Я, мам, кто же еще...

Оттащив пакеты на кухню (позже можно будет разобрать), Марьяна зашла в гостиную. Тут всё было обычно и привычно: круглый стол посреди комнаты, утопающие в полумраке советские шкафы, уютная лампа под зеленым абажуром, освещающая лежавшие на скатерти карты. Рядом притулилось блюдечко с баранками и сухарями с изюмом, стояли две тонкостенные фарфоровые чашечки, а также заварочный чайник под специальным стеганым колпачком. За окном, полузакрытым тюлевыми занавесками, – сентябрьский вечер, почти ночь.

– Здравствуй, Марьяна, – кивнула ей лучшая мамина подруга.

– Привет, тетя Арина. Что у вас за сложности? Расклад не сходится?

– Да вот, выбрали новый, но ему надо серьезные вопросы задавать, и тогда ответы будут серьезные.

– Как сегодня себя чувствуешь? – Марьяна чмокнула маму в щеку и

уселась на свободный стул, разглядывая расклад карт Таро. Сложный был расклад, заковыристый, с ответвлением, тянущимся к чайнику в колпачке.

– Да нормально, всё хорошо, – привычно отмахнулась мама. – Ты продукты принесла?

– Да, всё по списку. Молоко только не «Дарьинское», а «Бодрая корова».

– «Дарьинское», конечно, лучше... но ладно. – Мама взялась за чашку и отпила глоток. Марьяна смотрела, как чуть подрагивает изящная рука. – Положишь в холодильник? А мы пока расклад закончим.

– Хорошо, – кивнула Марьяна, поднимаясь. И правда, нечего засиживаться. Разложить продукты, пробежаться по комнатам с тряпкой – стереть пыль, сегодня больше ни на что сил не хватит, – и ехать домой. Народу в метро уже поменьше, можно спать или читать...

Пока Марьяна шуршала пакетами на кухне, знакомой до последнего уголка, мама и Арина в комнате негромко переговаривались. Опять насчет расклада у них мысли не сошлись. Вот, казалось бы, сколько лет, а всё то же самое!

Арина Петровна Шавкута была маминой закадычной подругой, Марьяна даже сказала бы – заклойтой. Иногда они шумно ссорились, категорически не сходясь во мнениях, а так как каждая полагала себя экспертом во всех вопросах в мире, споры бывали жаркими и насыщенными. Однажды Арина Петровна во время спора так стукнула кулаком по столу, что бублики рассыпались и сдвинули с места карты, и мама сказала, что это не к добру, и точно: назавтра лопнула лампочка на этаже, Арина Петровна споткнулась в темноте и набила шишку на коленке. Всё из-за бубликов.

Познакомились подруги давным-давно, когда мама еще гастролировала, а Арина Петровна оказалась врачом, к которому она однажды пришла на осмотр с легкой простудой. Там они поругались (мама пыталась объяснить Арине, как нужно лечить пациентку, а Шавкута полагала, что и сама знает), потом помирились, потом выяснилось, что живут они в соседних подъездах... С тех пор Арина Петровна начала заглядывать на огонек. Жила она одна, в анамнезе имелся развод с мужем, не выдержавшим медицинского темпа жизни, и семья Ковалевых оказалась отдушиной. Пока был жив отец, Арина Петровна приходила раз или два в неделю, а потом уже – почти каждый вечер, если была свободна.

Марьяна не знала, как справилась бы сейчас, если бы не она...

Под негромкие голоса из гостиной («Нет, Арина, эту не сюда, а вот сюда!») Марьяна разложила продукты в холодильнике, высыпала

круглобокую картошку в специально предназначенный для нее ящик, перемыла посуду в раковине и вытерла кухонный стол. Потом осмотрелась и решила, что до воскресенья квартира без уборки переживет. А это открывало невиданные возможности: можно прямо сейчас уже ехать и лечь спать до двенадцати!

– Марьяна, хотела поговорить с тобой, – сказала мама, когда девушка снова заглянула в гостиную. – Проверила сегодня обувь, и зимние сапоги... В общем, чинить их уже бесполезно. Нужно будет новые покупать.

– Вот черт. – На сапоги Марьяна не рассчитывала. – Точно не продержатся?

– Они каши просят. – Мама едва заметно поджала губы. – Ты же знаешь, что мне нельзя простужаться.

– Да, конечно.

– Кожаные надо покупать, и непременно прошитые, а не проклеенные, – авторитетно заявила Арина Петровна. – Тогда и протекать не будут, и носиться не один год.

– Так ведь кожаные стоят тысячи три, не меньше! Скорее, даже пять!

– Так ведь, Лиечка, с твоим здоровьем выбирать-то не приходится! Придет зима, и что делать будешь? Из дому не выйти!

– Мне, может, из дому выходить и не надо. Марьяна чаще приезжать будет, продукты привезет, а что еще нужно?

– А как же? В Манеже в декабре выставка открывается, куда ты пойти хотела. В тапках пойдешь?

– Ну, проживу без выставки.

– А в поликлинику?

Марьяна решила, что пора положить конец этому бесполезному спору.

– Мам, сапоги мы купим. Съездим на следующей неделе в торговый центр и купим. Или сделаю заказ в «Модном местечке», они привозят на дом все выбранные модели с примеркой. Очень удобно! Меряешь, покупаешь, что подошло, а остальное отдаешь курьеру.

– Курьеру? Нет, зачем курьеры...

– Я могу приехать и с ним общаться, – предложила Марьяна.

– Тогда сразу и осенние, и зимние надо смотреть, – заявила Арина.

Марьяна молча кивнула.

– Я поеду. Дома еще дела, и кошку кормить надо.

Мама вздохнула, как всегда при упоминании Фельки.

– Отдала бы ты ее. Дома почти не бываешь, зачем тебе...

– Бываю. – Продолжать этот разговор Марьяна не видела смысла. – В воскресенье загляну.

– Ты всё, что нужно, оставила? – Мама в упор посмотрела на нее, и Марьяна вдруг снова почувствовала себя маленькой девочкой – как будто сумасшедший ученый направил на нее луч изобретенного им прибора и мгновенно низвел до уровня ковра.

– Да. В ящике, как обычно.

– Хорошо, – кивнула мама. – Иди.

И потянулась за картой.

В метро и правда народу поубавилось. Даже вечер пятницы, обычно богатый на гуляющую публику, не преподнес неприятных сюрпризов. Марьяна села в углу вагона, рядом со старичком и его клетчатой сумкой, и прикинула, чего больше хочется – спать, читать или думать.

Думать не хотелось, но было нужно.

Сапоги. На сапоги, тем более две пары, она и вправду не рассчитывала. В прошлом году Марьяна точно так же предлагала маме заказать доставку или сходить в торговый центр, но мама уверяла, что там бешеная накрутка цен, а на рынке всё то же самое. Пошли на рынок, купили сапоги – и что? Результат закономерен. Марьяна догадывалась, что так будет, и притом обманывала себя надеждой, что в этот раз мама окажется права. Мама оказалась не права, но признавать это не станет, да и толку от ее признаний? Сапоги они из воздуха не материализуют.

Значит, надо срочно заказывать доставку, пока мама не уперлась и снова не устремилась на рынок. Прямо на воскресенье, благо, все магазины теперь чуть ли не круглосуточно работают. Как говорил папа: жарь карася, пока свеж!

Осенние сапоги – это минимум четыре тысячи, потому что уже сезон наступил, а зимние – минимум семь, потому что сезон скоро наступит. Даже если по минимуму считать, выходит одиннадцать тысяч. Почти половина Марьяниной зарплаты в кафе. Заначка, конечно, есть, но... Она на крайний случай. А сапоги – крайний случай или нет?

Марьяна задумчиво посмотрела на свои ноги в черных ботах. В народе такие называются «говнодавы» и, несмотря на прозвище, служат владельцам верой и правдой много лет. Марьяна свои купила давным-давно, когда однажды ездила с экскурсией в Германию. Стоили они, по немецким меркам, копейки, а не разваливались уже который год. Даже признаков разложения не подавали. Но мама такие носить не станет.

По всему выходит, в заначку придется залезть. Значит, завтра надо не спать до полудня, а встать пораньше и поискать, где бы еще в субботу подзаработать. Вот и ладно, вот и с планами определились.

Глава 2

Район встретил Марьяну тишиной, разбавленной шелестом берез. Несколько лет назад повезло купить квартиру в строящемся доме, и, хотя хватило только на крохотную однушку, всё равно это было свое жилье. Район Марьяна выбирала «где подешевле», а в итоге не прогадала. Сейчас близко подтянули метро, к которому бегала бодрая маршрутка, – или же можно было прогуляться пешком двадцать минут.

Дом, в котором Марьяна жила, был всего лишь трехэтажным, неуловимо напоминавшим английский таунхаус. Квартал обнесли забором, создав иллюзию приватности, распределили парковочные места, и квартиры резко подскочили в цене. Однако прижившиеся тут первые покупатели не спешили расставаться с недвижимостью, хотя желающих находился вагон и маленькая тележка.

Рядом вырос высотный микрорайон без всякого забора, где с парковкой было туго, зато всё отлично с инфраструктурой. Хочешь купить мешок цемента, батон хлеба или бутылочку сухого красного? Пожалуйста, вот тебе все магазины, а вот и детский сад в подъезде, а вот и школа за углом. На углу на всякий случай поставили церковь, звон колоколов которой доносился до Марьяниного дома по воскресеньям. Словом, всё в наличии: и материальное, и духовное.

Марьяна влюбилась в свой районный мирок и не променяла бы его ни на что. Хотя в свое время ей пришлось выдержать настоящую битву с мамой, категорически не желавшей, чтобы дочь от нее съезжала. И ещё та история... Нет, сейчас не стоит об этом вспоминать. Как бы там ни было, Марьяна съехала. Завела пушистый коврик у кровати и растение алоэ, неприхотливое, толстенькое и самодовольное.

А потом и Фелька появилась.

Марьяна отперла дверь и тут же включила свет. Кошка сидела на тумбочке у входа, недовольно щурясь, и при виде хозяйки мяукнула.

– И тебе привет, – согласилась Марьяна. – Сейчас руки помою и буду тебя гладить, договорились?

Фелька всем своим видом показала: договорились. Ритуал она знала прекрасно.

Марьяна быстро переоделась, вымыла руки и подхватила кошку. Фелька тут же заурчала, ткнув носом хозяйке в волосы.

– Ну, как тут было? Ты же за старшую оставалась. Какие

происшествия за день?

«Наглый воробей прилетал, – сообщила Фелька мурчанием. – Сидел на подоконнике и чирикал, думал, я его ловить буду. А я на провокации не поддаюсь».

– Молодец, – похвалила Марьяна. – А еще что?

«Дети соседские на лестничной площадке кричали. Я слушала, чтобы нашу дверь не тронули».

– Они не тронут, они приличные.

«Я спала. Мне снился сон про то, как ты приходишь и меня кормишь».

– Сон у тебя – вещей, – сказала Марьяна и посадила кошку на кухонный стул. – Сейчас будем ужинать. Я голодная, как тигрица.

Квартира – всего-то тридцать пять квадратных метров – состояла из крохотной кухни, куда благодаря ловкости рук вместили плиту, посудомойку, холодильник и небольшой стол, вытянутой комнаты с широким окном и ванной с туалетом. Обычно в такие маленькие квартиры устанавливали душевые кабины, но Марьяна настояла: ей нужна именно ванна – и никак иначе! Очень уж девушке нравилось валяться в горячей воде, забрасывать в нее купленные в «Лаше» специальные шарики, выпускавшие смешные пузырьки и вкусно пахнущие. А Фелька любила сидеть на бортике и иногда трогала воду лапкой – проверяла, чтобы Марьяна не сварилась.

В старой квартире на Водном, где жила мама, всё было заставлено мебелью. С детства Марьяне казалось, что этой мебели слишком много и что шкафы набиты барахлом, от которого можно избавиться. Вещи надвигались отовсюду, от их объемного присутствия Марьяне делалось душно – насколько именно, она осознала, уже съехав. Но мама существовала по принципу «вдруг пригодится», частенько свойственному представителям старшего поколения. Все, что еще потенциально годилось в использование, не выбрасывалось. Когда Марьяна переезжала, мама попробовала отдать ей «на хранение» часть барахла, однако пространство собственной квартиры удалось отстоять. И сейчас Марьяна, придя домой, начинала отдыхать сразу – всё тут было сделано под нее, а значит, помогало.

Стены, оклеенные светлыми обоями с еле заметным цветочным рисунком. Большой книжный шкаф, где собраны любимые томики – несмотря на наличие электронной читалки, Марьяна обожала бумажные книги и иногда радовалась покупке новинок. В последнее время, конечно, нет, а вот раньше... В коридоре отгородили место и устроили там небольшую кладовку с полками и стиральной машиной, а также бельевой

шкаф. Марьянина одежда и обувь хранились в небольшом шкафчике в углу. На стенах – несколько ее любимых фотографий в рамках. Раскладной диван (слава «Икее»!). Фелькина лежанка. Вот, в общем-то, и всё.

От барахла Марьяна избавлялась нещадно, боясь, что оно погребет ее и задушит. В квартире царил идеальный порядок, да и что там убирать-то, эти тридцать пять метров... Даже Фелька, существо изначально игривое, прониклась Марьяниними идеалами, об обои и диван когти не точила, ну а шерсть... В доме, где живет кот, шерсть – это приправа.

Фельке Марьяна выдала вечернюю порцию мягкого корма, а себе сварила пару сосисок и спагетти – быстрый и вкусный ужин. И недорогой. Если приходится считать каждый рубль, цена пачки сосисок и упаковки макарон имеет значение. Когда-то Марьяна надеялась, что уж к тридцати-то годам достигнет приемлемого уровня дохода, сможет себе позволить не смотреть на цены в магазинах мучительным взглядом человека, подсчитывающего общую сумму покупки... Тридцать ей исполнилось два месяца назад. Ну... Не всем мечтам суждено сбыться.

Толку-то думать о том, что не получилось. Сосиски вкусные, соус отличный. Надо решать задачи, которые есть сейчас.

– Ладно, Фелька, – сказала Марьяна, устраиваясь за компьютером, – посмотрим, что мы можем сделать.

Мамины сапоги, грядущая осень, когда на всех нападает очередной мутировавший вирус, непредвиденные расходы – все это означает, что надо найти еще одну подработку. Марьяна благодарила высшие силы, кем бы они ни были, за то, что живет в Москве. Тут всегда найдется работа, надо только поискать. И для экспертов, и для топ-менеджеров, и для таких серых мышей, как она сама. А может, не одна работа, а несколько. Лучше несколько. Так надежнее.

Конечно, иногда хочется спать, отдохнуть и встретиться с друзьями, но... Обстоятельства сильнее.

Марьяна давным-давно была зарегистрирована на двух сайтах, периодически приносивших ей доход: «Сделай. ру» и «Воркспейс». На первом заказчики просили помощи в разных делах, как простых, так и сложных. Кому-то нужно было отвезти документы на другой конец города, а по времени не получалось никак, кому-то – срочно убрать квартиру перед приходом тещи, а кому-то купить коробку конфет и доставить до двери. За все эти услуги люди готовы были платить деньги, и, если успеть ухватить несколько заказов, можно заработать неплохую сумму за день. На втором сайте – «Воркспейсе» – помощь требовалась в основном виртуальная. Написать отзыв или комментарий в социальной сети, помочь привлечь

подписчиков, отредактировать статью, расшифровать аудио и перевести его в текст... Последние задания Марьяна выполняла часто, так как обладала отменной памятью и хорошо воспринимала информацию на слух. Она уже заработала себе неплохой рейтинг и надеялась, что и сейчас что-нибудь интересное подвернется.

Так и есть. Вот интервью на расшифровку, а вот задание на завтра – с утра пораньше забрать из торгового центра пакет с одеждой и привезти по указанному адресу. Марьяна сделала вид, что засучивает рукава, и нажала кнопку «принять в работу».

Антон позвонил, когда Марьяна, распрощавшись с клиентом, неторопливо шла по улице к метро. На субботу больше никакой работы ногами не наклюнулось, но и полученные четыреста рублей грели душу и кошелек. А дома, может, удастся снова выловить что-то во Всемирной сети, закинув туда удочку.

Марьяна не торопилась. Сентябрьский день выдался прохладным, зато солнечным; золотая осень уже потихоньку подкрадывалась к Москве, и клены пламенели огненными верхушками, трогали прохожих первыми желтыми листьями. Скоро и октябрь, а там уже и Новый год на подходе. Пока же – высокие облака на голубом небе, просохший под солнечными лучами асфальт и хорошее настроение.

Марьяна раздумывала, не расщедриться ли и не купить ли стаканчик кофе за сто рублей, чтобы сделать утро окончательно идеальным, когда в сумочке зазвонил телефон.

– Привет, – сказал Антон похоронным тоном, и Марьяна вздохнула.

– Привет.

– Ты где? На работе?

– Нет, у меня выходной сегодня. Я завтра дежурю.

– Удачно! – оживился Антон. – А территориально ты где? Дома?

– На Щукинской.

– Давай на Пушкинской встретимся через полчаса? Поговорить надо.

Марьяна снова вздохнула.

– Ну давай.

Кофе расхотелось. Она знала, о чем пойдет речь, знала и не очень желала слушать. Но от реальности не сбежишь, а Антон – ее реальность. От братьев не отрекаются.

На Пушкинской по поводу хорошего дня былолюдно, однако Антона Марьяна отыскала без труда. Брат стоял, прислонившись спиной к колонне, и слушал музыку в наушниках. Вид у Антона был отсутствующий, и он

дернулся, когда сестра тронула его за плечо. Выглядело это, наверное, странно: высокий молодой человек подскакивает, когда к нему прикасается хрупкая девушка.

– Спасибо, что приехала. Пойдем посидим где-нибудь?

– У меня не на что, – отказалась Марьяна.

– У меня есть пятьсот рублей. На кофе хватит.

– А может...

Антон скривился.

– Слушай, в нынешней ситуации пятьсот рублей – как слону дробина. Давай хоть кофе попьем по-человечески.

Брат был младший, любимый и, как и многие младшие, немного безалаберный. «Немного – это ты, Марьянка, смягчаешь, – бывало, говорила ей лучшая подруга Лена. – Бездельник он у тебя. Бездельник и шалопай». Марьяна соглашалась: конечно, бездельник, конечно, шалопай. Но свой.

Из грохочущего нутра метро они поднялись на поверхность. Солнце ласково облизало щеки и смущенно спряталось за облако, полупрозрачное, кисейное. Мимо спешили веселые парочки, и Марьяна засмотрелась на одну: девушка в полосатых гольфах и парень с дредами. Экзотические птички, выживающие в холодном климате. Как-то вы будете зимой?..

Антон привел сестру в небольшое кафе, где столики стояли далеко друг от друга и почти никого не было. Марьяна ожидала заоблачных цен, однако оказалось, что всё не так плохо. И свою чашку кофе она заполучила.

Они с Антоном устроились в углу, за кадкой с вечнозеленым (потому что пластиковое) растением. Марьяна отхлебнула кофе, почувствовав вкус пенки на губах, и сказала:

– Рассказывай.

– Да что рассказывать. – Брат смотрел не на Марьяну, а на стол, будто что-то важное было вышито кривыми стежками на клетчатой скатерти. – Всё то же самое, Марьяш. И чем дальше, тем хуже.

– В каком смысле?

– В таком, что они денег требуют, – зло сказал Антон, и Марьяна хотела ему напомнить, что она ни в чем не виновата, и незачем на нее срываться, однако промолчала. Прекрасно понимала: Антон не на нее злится, на себя. – И чем дальше, тем чаще. Я говорю, что отдаю, сколько могу, но они... они говорят, что надо быстрее.

– Антон, ты им объясни, что мы максимально...

– Да всё я объяснял! – заорал он шепотом, и Марьяна вздрогнула: глаза у брата были бешеные. – Объяснял им тысячу раз! А они говорят:

в следующий раз сто тысяч не принесешь – посмотрим, как твоя Катька орет. Причем не потому, что оргазм получает!

Марьяну передернуло.

– Антон...

– Это цитата была, если непонятно, – зло продолжил брат. – Остальное я тебе цитировать не стану, пожалею твои уши. В общем, дело плохо, Марьянка. Надо деньги где-то доставать.

Кофе утратил всякий вкус и казался теперь жижей, зачерпнутой из лужи.

– Кредит мне не дадут. Я уже пробовала.

– А мне тем более. Марьян... – Антон заглянул ей в глаза, и она поняла, что сейчас будет. – Может, все-таки квартиру, а? Разом бы отдали.

– Нет.

– У мамы можешь пожить... Я тебе верну потом, снова купишь...

– Нет.

– Брата тебе не жалко? – Антон засопел. – И Катьку. Я ж ее люблю.

– Катька, конечно, девушка симпатичная, – согласилась Марьяна. – Но сегодня у тебя она, а завтра, допустим, Светка. Или Ритка. А квартира у меня одна. И это не я в неприятности влезла, Антон. Я тебе помогаю, чем могу. Так что – нет, и не проси. К тому же мама... Ты ведь знаешь, сколько ей денег требуется. Лечение обходится очень дорого. И если я когда-нибудь решусь продать квартиру, то деньги в первую очередь пойдут для мамы. Ты сам должен это понимать. Ты же ей тоже приносишь...

– Да... – Антон с силой потер ладонями лицо. – Извини. А насчет мамы... Да сколько я там приношу. Процентом десять того, что нужно, остальное – ты...

Он ссутулился, сразу сделавшись будто меньше ростом. Марьяне было его жалко до слез. Разговор повторялся не раз и не два, только вот теперь Антон говорит, что ситуация стала хуже. Блин...

– Послушай. – Марьяна взяла брата за руку. – Если хочешь поскорее с этим долгом расплатиться, ищи еще работу.

– Да меня не берут никуда! Потому что без образования! А учиться сейчас долго и не на что. Даже если на бюджет пройду, знаешь, сколько сессии стоят? Всем преподавателям на лапу нужно давать. Это несколько лет – учиться, карьеру строить... Они меня раньше пристукнут.

– Я не об этом. Подработку ищи, как и я.

– Да где ее найдешь...

– Я тебе показывала – где. Много чем можно заняться.

– Тебе легко говорить. Тебя в антикафе взяли, и ты умеешь как-то... ну,

крутиться. А я музыку писать умею, только она не нужна никому. Продюсеру тоже нужно дать на лапу, чтобы он крутил меня.

– С продюсерами мы завязали.

– Да, конечно... Марьян, а может, у кого-то занять можно, а? Ну вдруг?

– Я миллионеров не знаю. А ты?

– Знал бы, занял бы.

– Почему *эти* тебя прижали? Что-то случилось?

– Говорят, проценты накапали. Ну и... Червонцу деньги на что-то нужны. Вот он и трясет должников.

– Ох, Антон... – Марьяна покачала головой. – Ну как ты во всё это влип, а?

– Ты прекрасно знаешь, как. Я просто хотел заниматься тем, что я люблю.

– В общем, так, – подвела черту Марьяна. – Оба ищем работу, где платят больше. И если тебе что-то для меня подвернется, звони. Как-нибудь выкрутимся.

– Мне бы твой оптимизм, – буркнул брат.

Глава 3

В детстве у Марьяны был синий мяч, который она обожала.

Мяч был небольшой, блестящий и тугой, как арбуз. На боку его был отпечатан желтый кот с хитрыми глазами и усами врасстырку. Кот как бы косился на всех: а что это вы тут делаете? Пришли со мной поиграть? Давайте поиграем, я на всё готов!

Несколько лет Марьяна выходила во двор играть именно с этим мячом. Хулиганов у них в округе не водилось, и все дети знали, что это Марьянин мяч, и пару раз, когда она его забывала во дворе, приносили ей домой. Желтый кот путешествовал с ней по сказочным странам и участвовал в дивных приключениях. Марьяна думала, так будет всегда. Она вырастет, поедет в Америку (почему-то именно туда ей очень хотелось попасть) и возьмет с собой желтого кота. «Посмотри, – скажет ему Марьяна, – вот горы! А вот ковбои! А вот индейцы! Давай поиграем с ними!» И кот будет счастлив.

Ей было восемь лет, а Антошке – три, когда он толком разглядел мяч. Сначала долго ревел, выпрашивая его у Марьяны, а когда та отказалась навеки подарить свою любимую игрушку младшему брату, разозлился. Утащил отвертку, которой папа привинчивал зеркало к стене, и изо всех сил ударил по мячу. Попал желтому коту прямо в хвост.

Марьяна закричала. Ей казалось, что желтый кот тоже вопит от боли, а хозяйка не может ему ничем помочь. На вопли прибежали родители, папа быстро оценил ситуацию, отобрал у Антона отвертку, пока сын не заехал ею себе в глаз, и взял пострадавший мяч. Пообещал Марьяне, что дыру заклеит.

– Будет как новенький.

– Но ведь не в этом дело, – произнесла мама, наблюдая за детьми будто сверху. – Марьяна, разве тебе сложно поделиться с братом игрушкой?

– Пусть берет мою любую игрушку, – всхлипывала девочка. – Хоть кукол всех, хоть паровоз. Но мяч – мой!

– Это эгоистично, Марьяна. Ты должна хотя бы дать Антону поиграть.

– Это МОЙ мяч!

– Поэтому ты поделишься с младшим братом. – Голос мамы сделался железным, и Марьяна съежилась. – Иначе мяча в доме не будет. Совсем.

Марьяна пришла в ужас. Свои угрозы мама исполняла всегда, поэтому дальше не стоило упираться.

– Хорошо... Пусть он поиграет им завтра...

– Вот и замечательно, – кивнула мама. Отец не вмешивался: он искал в коробке клей, чтобы залатать дырку.

Мяч был починен, на следующий день торжественно вынесен во двор. Антон бегал с ним туда-сюда, прижимая к груди, за ним гонялись другие малолетки. Марьяна наблюдала за братом, а мама – за Марьяной. Лия Николаевна вышла проследить, что дочь исполнит свое обещание.

А потом Антон изо всех сил швырнул синий мяч в сторону проезжей части. Машины носились туда-сюда, и мячик успел лишь пару раз подпрыгнуть, прежде чем оказался под колесом. Громкий хлопок, клочья... Теперь уже ничто не подлежало восстановлению.

Антон испугался и заревел. Марьяна молча стояла на месте, опустив руки.

– Ну... так бывает, – сказала Лия Николаевна и прижала к себе плачущего сына. – Не расстраивайся, Антоша. Это всего лишь игрушка.

– Это был мой мяч, – прошептала Марьяна.

– Ты, похоже, действительно эгоистка, – покачала головой мама. – Посмотри, как расстроился Антон. Он же маленький. Он ни в чем не виноват.

Марьяна развернулась и молча пошла домой. Она не хотела смотреть, что осталось от синего мяча.

С тех пор к вещам она не привязывалась.

Сейчас, когда ей исполнилось тридцать, Марьяне иногда казалось, будто внутри нее кричит от боли желтый кот. И ничем, ничем ему не поможешь.

По дороге домой Марьяну одолела хандра. Уже не радовал ни солнечный день, ни заработанные четыреста рублей, которые финансовой погоды совершенно не делали. Да, она сейчас найдет еще какую-то подработку в сети и заработает пятьсот, шестьсот, семьсот рублей... Капля камень точит, это верно. Папа часто повторял. Но перед Антоновым долгом эта поговорка тушуетя и пасует. Больно велик.

Антон, как и полагается по классике, был маминым любимчиком – младшим, балованным и ничем перед нею не виноватым, в отличие от Марьяны. Вина Марьяны была связана с ее рождением, положившим конец маминой певческой карьере. А Антон ничем мамину жизнь не подпортил, поэтому всегда был в приоритете.

Кроме того случая с мячом, который Марьяна помнила, но давно относилась философски, Антон пакостей ей особых не делал и младшим братом был довольно сносным. Клей в шампунь не наливал, усы во сне

фломастером не пририсовывал, наоборот, охотно участвовал в затеваемых сестрой приключениях. Когда подрос, читал вместе с нею книжки вслух и сражался на веточках-шпагах. Веточки давно остались в прошлом, а хорошие отношения никуда не делись.

Просто дети выросли разными. Марьяна к своей жизни относилась ответственно, старалась подстелить соломку, распланировать настоящее и позаботиться о будущем. Что, кстати, сыграло ей на руку: неизвестно, в какой финансовой яме они бы всей семьей сейчас находились, если бы не Марьянины запасы. Мама иногда называла ее хомячихой; Марьяна это слово терпеть не могла, но маме возражать бесполезно. Да, и правда, у нее имелись запасы. Раньше. Теперь подушка безопасности истончилась, из нее во все стороны торчат перья и нитки. Надо срочно залатать, но как, если брат попал в неприятности?

Мама об этом, конечно, не знала. Тревожить ее не решился бы ни один из детей. Около года назад Антон без предупреждения приехал домой к Марьяне в ее выходной, и по виду брата та поняла, что всё плохо. В таких случаях говорят: «Главное, что здоров», – и еще: «Спасибо, боженька, что взял деньгами». Марьяна была агностиком и не знала, кто в итоге эти деньги взял, потому что тип по имени Червонец на боженьку никак не походил. Скорее, на пакостливого черта, нашептывающего гадости на ухо.

Антон был творческим человеком. Мама отдала его в музыкальную школу, как и Марьяну, но, в отличие от дочери, способностей не обнаружившей (еще одна монетка в копилку родительских разочарований), Антон обладал идеальным слухом. Он окончил школу по классу пианино, параллельно выучился на гитару, потом самостоятельно освоил бас. А вот голосом брат обладал приятным, но не выдающимся. К тому времени, как Антон был готов становиться звездой, мамины связи в мире шоу-бизнеса утратили актуальность, да и сам бизнес изменился до неузнаваемости. Поэтому брат решил пробиваться самостоятельно. Он познакомился с группой, чей музыкальный стиль был ему близок, вписался туда в качестве гитариста и начал жить богемной жизнью. В институт Антон не пошел (зачем, если впереди карьера на сцене?), завел себе стайку поклонниц и был всем доволен.

Так продолжалось несколько лет, а потом Антон обнаружил, что карьера его за это время не сдвинулась ни на миллиметр. Группа, в которой он первоначально состоял, распалась, он перешел в другую, где можно было не только играть, но и петь. «Динамическая свекла» – так называлось сие музыкальное объединение – выступала в клубах, иногда в маленьких залах при отелях, но в принципе была не очень востребована, так как

исполняла не попсу, а иронические композиции в роковой полировке. На корпоративы участников группы не приглашали, ибо – неформат, широкая публика их не знала, а для раскрутки и нормальной записи альбома не хватало денег.

В деньги-то они и уперлись. Посоветовавшись с солистом Вадиком, длинноволосым любителем блондинок, Антон принял решение где-нибудь занять. Попытался у Марьяны, но та решительно отказала. Кредит, естественно, ни один банк не дал. И тогда Антон вспомнил про своего одноклассника Витьку Червонцева по прозвищу Червонец, у которого деньжата водились в старших классах очень хорошие. Остальное было делом техники...

Антон и компания подсчитали, какая сумма нужна для того, чтобы поехать в гастрольный тур и записать альбом на приличной студии. Вышло больше миллиона рублей. Червонец хмыкнул, но согласился достать деньги, так как водил дружбу с хищными рыбами неизмеримо большего размера, для которых миллион – раз плюнуть. Получив на руки деньги и выдав Червонцу расписку, ребята едва не ошалели от радости. Всем сказали, что деньгами их ссудил неизвестный меценат (мамы, сестры и жены не одобрили бы Червонца и его приятелей), спланировали тур, записали альбом, съездили по городам и весям и...

И ничего. Билеты на гастролях продавались плохо, грамотно вложиться в пиар «Динамическая свекла» не сумела. К тому же денег казалось так много, что музыканты тратили их бездумно. Тот парень, что считался у них менеджером, ничего на самом деле в этом не понимал. Поэтому в Москву группа вернулась не то что без заработка, а поиздержавшись. Альбом «не выстрелил», именитые продюсеры по-прежнему воротили нос. А Червонец звонил Антону и ласковым голосом напоминал, что процентики-то капаят, надо бы отдавать...

Антон, запаниковав, пришел к сестре и всё выложил. Марьяна пришла в ужас. Она костерила брата на чем свет стоит, но исправить ситуацию это уже не могло. Тогда Антон впервые заикнулся о том, что сестра могла бы продать квартиру и тем самым его спасти. Марьяна даже помыслить об этом не желала. Квартира у нее появилась благодаря папе, который хотел, чтобы та была именно у дочери. Как тогда мама бесилась! Но условия завещания оспорить было невозможно. И Марьяна ни за что не переехала бы обратно на Водный. Тем более что там Фелька не сможет нормально существовать – мама не любит кошек.

Марьяна взяла еще одну подработку, чтобы помочь Антону выплачивать долг. Брат сдуру оформил расписку только на себя, поэтому и

тряс Червонец именно его, а остальные музыканты почти не давали денег. «Ты занимал, ты и отдавай». На этой почве Антон с ними разругался, и «Динамическая свекла» торжественно его выставила, оставив с огромным долгом и без поддержки.

Сейчас Антон играл по клубам, где на вечер требовался гитарист или пианист, исполняющий всё, что закажут зрители, платили за это немного, но всё же платили. И долг медленно уменьшался, слишком медленно – из-за растущих процентов. И вот Червонец говорит, что нужно побыстрее всё возвращать. Как? Марьяна не знала.

Но одно она знала точно: сейчас она приедет домой, обнимет Фельку, и жизнь станет чуточку лучше.

Кошка, как обычно, встречала Марьяну, сидя на тумбочке. Не помыв рук, не сняв пальто и ботинок, Марьяна подхватила Фельку на руки, обняла и зарыдала. Сказывались напряжение и усталость прошедших недель, а разговор с Антоном стал вишенкой на торте. Еще же и мама...

Фелька была кошкой понятливой. Вот уже полтора года, как этот пушистый антидепрессант помогал Марьяне держаться. И если бы ее дома не встречала кошка, Марьяна, наверное, свихнулась бы.

– Ты ж моя пушистая, – всхлипывала она Фельке между ушей, – ты ж мой талисманчик! Вот почему иногда жизнь такая гадостная? Как я устала, Фель, как я устала...

Выплакавшись, Марьяна отпустила кошку, которая тут же принялась вылизываться, вытерла слезы, которыми горю не поможешь, переделась в домашнее и заварила себе чай. Следовало поразмыслить, что делать дальше.

Первым делом Марьяна написала в соцсетях всем знакомым, которые потенциально могли бы помочь с работой, – не заваялось ли у них местечко, где исполнительный работник мог бы принести пользу? Потом прошерстила два своих любимых сайта, но, к сожалению, актуальные и денежные задания были разобраны, а для многих (например, нарисовать лендинговую страницу) у Марьяны не хватало знаний и умений. Посмотрела доски объявлений: официантки, менеджеры по продажам, промоутеры... Много денег там не поднимешь.

Марьяна по образованию была социологом – когда получала диплом, всё нравилось, а когда выпустилась, поняла, что по специальности работать совсем не хочется. Потому и трудилась сейчас администратором в антикафе, потому и бралась за разные возможности, пытаюсь нащупать истинно свое. И нащупала недавно, но... Как и везде, требовался

стартовый капитал. Которого у Марьяны не было.

Ладно, не стоит сейчас думать об этом. Надо думать, где заработать. Замкнутый круг.

Фелька устроилась рядом, обернула лапы хвостом и задумчиво смотрела в монитор. Когда была мелкой, часто ловила курсор когтями, а потом остепенилась. Марьяне нравилось, что кошка не отходит от нее далеко. Фелька словно излучала тепло.

Она была трехцветной. Кошка счастья – так их зовут. На Фельке рыжие и черные пятна располагались неравномерно: уши – черные, на носу рыжее пятно и подбородок рыжий, а дальше – россыпь мелких черных пятнышек. Словно веснушки. Интересный окрас, приправленный яркими голубыми глазами. Какие предки намешались в родословной уличной подборанки, оставалось только гадать.

Глава 4

Поняв, что ей нужна моральная поддержка, Марьяна написала в «WhatsApp» Ленке: «Не спишь еще? Может, скайп?» Подруга ответила буквально через несколько секунд: «Давай. Как раз Аню уложила».

Трехмесячная дочка Лены и так не особо мешала скайп-сеансам, но тут подруга отвлекаться на нее не будет.

– Привет. – Появившаяся на экране компьютера Лена поставила перед собой чашку с чаем и радионяню. Вид у молодой матери был поразительно бодрый. – Ты как мысли читаешь. Я думала тебе позвонить сегодня.

В Новосибирске был уже вечер, а к Москве только подкрадывались сумерки. Марьяна поправила веб-камеру над монитором и кивнула:

– А я думала, как жаль, что не изобрели телепорт. Я бы к тебе сейчас с удовольствием метнулась.

– Или я к тебе. Чувствую себя сырьевым придатком. Грудное вскармливание – скорей бы оно закончилось! – вздохнула Лена. – Ну что, Марьяш? Как ты там? Как... мама?

Лена Седова была единственной закадычной подругой Марьяны еще со школы. Только вот год назад вышла замуж и уехала в Новосибирск.

– Поближе найти никого не могла? – ворчала Марьяна, хотя на самом деле была за подругу очень рада. И даже выступала свидетельницей на ее свадьбе с Михаилом – немногословным, приземистым, кругленьким и очень-очень добрым.

Теперь оставалось созваниваться по скайпу и переписываться в мессенджерах. Слава технологиям.

– Мама – по-прежнему. Да и что там изменится... Хорошо, что лекарства есть. – Марьяна постучала пальцами по столу. Фелька встала, потянулась и запрыгнула на спинку компьютерного кресла.

– О, мировая кош! – обрадовалась Лена, Фельку обожавшая. – Погладь ее от меня.

– Непременно.

– Что-то ты дохлая, – пристально разглядывая подругу, заявила Ленка. – Или это скайп тебя так плохо транслирует?

– Нужен совет. Или мозговой штурм. Или и то, и другое.

– Излагай. – Лена решительно отхлебнула чаю.

От подруги у Марьяны тайн не было. Лена знала всё – и о маме, и об Антоне, и о Павле, которого вообще не стоит вспоминать. Поэтому

изложение событий много времени не заняло.

– Продать квартиру – это он сильно, – сказала Лена, когда Марьяна закончила говорить. Даже плохое изображение в скайпе не могло скрыть, насколько подруга злится. – А он не хочет продать что-нибудь свое, например? Чтобы осознать: за свои проступки нужно отвечать самому.

– Ну вот он такой. Не понимает.

– А должен бы! – Лена к Антону всегда относилась с подозрением. – Он здоровый лоб, Марька, он – мужик! Он должен решать ваши семейные проблемы, а не ты. Кто у вас официально глава семьи?

– Официально – мама, – криво усмехнулась Марьяна.

– А по факту – ты, – рубанула Ленка. – И что? Нравится тебе роль ломовой лошади?

– Честно говоря, не очень. Но что делать? Это мои родные, какие есть, и я их люблю. Мама так вообще ни в чем не виновата.

– Угу. – Ленка задумчиво потеревила нижнюю губу. – Мы с тобой это сто раз уже проговаривали, не буду повторяться. Всё равно толку нет. И-го-го! – она ткнула пальцем в экран, то есть в Марьяну. – Ладно. Мозговой штурм, говоришь... Тебе нужна хорошая работа или выигрыш в лотерею.

– Лотерея – это было бы прекрасно. Только с моим везением...

– Вот не надо про везение Бога гневить, Марьяша, – серьезно сказала Лена. – Ты жива, здорова, в своей квартире, на двух ногах, не пьешь, не болеешь, не сидишь на наркоте, даже работа есть. И кошка. Дальше перечислять счастливые моменты твоей жизни?

– Спасибо, нет. Я осознала.

– Молодец. Но о выигрыше – я это серьезно. Предположим, лотерея – не вариант. А если конкурс какой-нибудь? Ты когда-нибудь выигрывала конкурсы?

– В школе было, помнишь? – хихикнула Марьяна. – Конкурс выразительного чтения.

– Вот! Значит, у тебя есть позитивный опыт. А в Интернете полно сайтов со списками разных конкурсов. Ты посмотри, может, какой-то тебе подойдет?

– Ты думаешь, у меня есть реальные шансы выиграть что-то, кроме почетной грамоты? – скептически спросила Марьяна. – Там серьезные люди сидят. Если конкурс стихотворений – то настоящие поэты, если фотографий – то настоящие фотографы.

– Ну вот, давай себя не принижай! – возмутилась Ленка. – У тебя отличные снимки!

– Может быть. Но у тех, кто выигрывает, обычно техника за много

тысяч рублей, которая дает глубину, четкость и фактуру. А не мое старье.

– А кто мне рассказывал, что снимать можно даже на тапочку, главное – идея?

– Ну... да. Но конкурсы...

– Марьяна, – серьезно произнесла Ленка, – тебя по голове ударили? В чем дело? Почему я рассказываю тебе о возможностях, а ты мне возражаешь, как будто не хочешь ничем заниматься? Ты мне позвонила мозговой штурм устраивать или желаешь, чтобы я послужила жилеткой? Ты четче ставь задачу. Я – жилетка? Тогда бедненькая ты, несчастненькая, что ж тебе делать! Поплачем! А если я – подруга, с которой можно посоветоваться в трудные времена, так начинай думать.

Одна из вещей, за которые Марьяна обожала Ленку, – это умение говорить правду в глаза по запросу и видеть суть вещей. Словно взглянув на себя со стороны, Марьяна поразились: а ведь и правда, почему у нее в голове сплошное «но»? Почему хотя бы не собрать информацию о том, что предложила Лена?

– Извини. – Марьяна потерла лоб. – Что-то я и правда... Это разговор с Антоном меня с толку сбил. Конкурсы – хорошая идея, тем более что их и правда миллион.

– И не только российских, заметим. У тебя же английский хороший, поищи международные конкурсы. Иностранцы, бывает, на призы еще более щедры. А вдруг выиграешь! Налоги какие-то придется заплатить, но это подспорье.

– Да. Спасибо, Лен.

– О'кей, с этим разобрались. Обсудим другие идеи...

Час спустя, выключив скайп и отправившись ставить чайник, Марьяна пребывала в гораздо более оптимистичном настроении.

Да, нужно много денег, но... это всего лишь деньги, за которые можно купить здоровье и спокойствие своей семьи. А если получится заработать больше, чем обычно, то можно будет позволить себе маленький отпуск. Дешевую горящую путевку, например. Марьяна сто лет не отдыхала и подозревала, что ее организм одобрил бы перерыв в трудовой деятельности.

Пока же предстояло сделать эту трудовую деятельность еще более насыщенной. Налив себе чаю и взяв для подкрепления блюдечко с имбирными цукатами, Марьяна снова устроилась перед компьютером и начала серфинг по Всемирной сети.

Сайты со списками конкурсов отыскивались легко. У Марьяны едва в глазах не зарябило – чего тут только не было! Отдельно – конкурсы для

детей, конкурсы дизайна и рисунка, песни и пляски... то есть музыки, отдельно – по профессиям, гранты, стажировки, олимпиады... Оказывается, была масса мест, где можно побороться за звание лучшего, не вставая с дивана. Ну, почти.

– Конкурс социальной рекламы в сфере интеллектуальной собственности, – читала Марьяна названия внимательно слушавшей Фельке. – Конкурс творческих работ «Идеи Д.С. Лихачева и современность». Конкурс на лучшую пьесу по мотивам сказок Габдуллы Тукая... Кто такая – или такой? – Габдулла Тукай?!

Почитав условия конкурса, Марьяна выяснила, что Габдулла Тукай – татарский поэт, торжественно оповестила об этом Фельку и, немного переживая, открыла самую интересную для себя вкладку. Фотоконкурсы. Длиннющий список – тут тебе и российские, и международные премии.

– Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай! – пробормотала Марьяна, внимательно вчитываясь.

Лена настаивала, чтобы подруга начала именно с этого. С того, что вот уже несколько лет приносило Марьяне чистую, незамутненную радость (и ни копейки денег, но тут Марьяна от своего хобби многого не ждала). Фотография – причем не просто фотография, а макро.

Одним мерзким весенним днем лет пять назад, когда с неба лило, под сапогами хрустел подтаявший ледок, а люди спешили поскорее скрыться в метро, чтобы хоть там немножечко согреться, Марьяна сидела в кафе. На душе у нее было пакостно, потому что тогда только закончилась история с Павлом, началась с мамой... впрочем, ладно, это совсем не нужно вспоминать. Девушке срочно требовалась инъекция кофе и тортика в организм. Марьяна ковыряла ложечкой «наполеон», отхлебывала американо и листала Инстаграм.

Ей хотелось чего-то красивого, что отвлекло бы от повседневной жизни и увело туда, где царит истинная гармония, и она ввела тэг *#красивыефотографии*, выдававший, как в рекламе, «неизменно превосходный результат». Марьяна смотрела на закаты, раскинувшиеся над южными морями, на милых ёжиков в вязаных шапочках, на изумительные цветы и вдохновляющие портреты. А потом она увидела нечто – и застыла, вглядываясь, как будто не веря, что такое вообще бывает.

Это была капля. Просто капля, лежавшая на темной поверхности, – то ли пенек, то ли ветка. В капле отражалось перевернутое голубое небо, листья дерева, а еще что-то голубое, изогнутое, словно всплеск. Или душа. Душа дождевой капли – вот как подумала об этом Марьяна.

Под фотографией стоял тэг *#macroworld* [\[1\]](#). Марьяна нажала на него...

и пропала.

Оказалось, люди снимают мелкие объекты в большом увеличении. Капли, внутренности цветка, края листиков, крылья насекомых... Было множество сообществ, в подавляющем большинстве – иностранных, где составлялись подборки изумительных макрофотографий. Марьяна смотрела на деловитых божьих коровок, улиток, путешествующих по мху, капли на лепестках и бутоны, настолько хрупкие, что о них подумать было жалко, не то что прикоснуться... Смотрела, и весь реальный мир, существовавший вокруг нее, с недоделанной весной, незадавшейся личной жизнью и непонятными перспективами в будущем – отодвигался на задний план.

Несколько месяцев Марьяна смотрела, смотрела, изучала, читала... К ее удивлению, оказалось, что в России направление макрофотографии почти не развито. Да, появлялись отдельные мастера, создававшие мини-серии очень хороших снимков, однако всерьез никто этим не интересовался. Дикая природа – пожалуйста, этого в стране завались. Репортажные фотографии? Да легко, чуть ли не каждые выходные где-нибудь какой-нибудь митинг. Портреты и свадьбы? Казалось, что фотограф в стране – каждый третий. А вот красивое макро снимали в основном за рубежом.

Марьяна не сразу пришла к ощущению, что ей нравится не только рассматривать такие снимки, но, пожалуй, понравилось бы их делать. Она почитала о том, как такое осуществить, и приуныла. На всех форумах, где тусовались фотографы, о макрофотографии писали или коротко, или никак. Недлинные инструкции сводились к следующему: покупай отличную технику за много денег, не пожалей десятки тысяч на специальные объективы и насадки для них, и тогда, если тебе повезет, что-то у тебя и получится.

Много денег у Марьяны не было. И крутого фотоаппарата не имелось. Был старенький Canon 550D да заваялся где-то папин объектив «Гелиос», еще советский, заслуженный и полностью исправный. Когда-то Марьяна купила кольцо-переходник для него, и «Гелиос» служил ей верой и правдой. Но сгодится ли он для макросъемки? По всему выходило, что нет. Да и так красиво, как у тех инстаграмных фотографов, у нее всё равно не получится...

Прошло почти два года, прежде чем Марьяна решилась попробовать. Она сходила на рынок и купила с рук очень старый макрообъектив, который тем не менее свою функцию выполнял исправно. А еще за триста рублей нашла специальные насадки на объектив фотокамеры в смартфоне,

которые тоже могли обеспечить макросъемку. И началось...

Марьяна ползала на коленках за божьими коровками. Она ловила лягушек и умоляла их посидеть спокойно хоть минуточку, чтобы она могла настроиться и сделать фотографию мечты. Лягушки почему-то позировать не желали, и Марьяна недоумевала, как у иностранных фотографов это получается – заставить земноводное сидеть спокойно? Чучела они набивают, что ли? А из божьих коровок – из них тоже?..

Потом Марьяна сообразила притащить насекомых домой. На широком подоконнике фотографировать стало легче. Для черного фона девушка взяла обычную пластиковую тарелку, а для подсветки – фонарик. Передвигая все это туда-сюда по миллиметру, гоня божью коровку по листочку, Марьяна пыталась добиться того, что рисовало ей воображение. Красивого, волшебного снимка, на котором есть история – открытий, любви, путешествий... То самое, что когда-то нашептывал и обещал ей синий мяч.

Понемногу у нее начало получаться, и Марьяна даже рискнула показать пару снимков Лене. Подруга пришла в восторг и потребовала еще. Марьяна делала еще. Сама она видела, как далеки ее работы от совершенства, и никуда их не выставляла.

А потом у нее появилась Фелька, и Марьяна стала фотографировать кошку. И целиком, и в деталях.

Оказалось, что это очень здорово. Что у Фельки смешной розовый нос, вокруг которого воинственно торчат усы, хотя кошка отличается характером ласковым и даже воробьев жалеет. Что переливы света на черной, белой и рыжей шерсти кардинально отличаются по цвету и фактуре. Что если сфотографировать крупным планом розовую пятку, можно умиляться до вечера, а наутро поумиляться еще.

В этом году весной, когда Фелька уже окончательно подросла и из нескладного кошачьего подростка превратилась в гибкую красавицу, Марьяна купила шлейку и решила вынести любимицу на травку. Дома огораживали большой двор с березами, траву тут тщательно подстригали, как знаменитые английские лужайки, а свет был не в пример лучше, чем в квартире. И пятки среди маргариток оказались особенно дивными. А когда на эту пятку Марьяна посадила майского жука и успела заснять, прежде чем Фелька возмутилась, получилось и вовсе замечательно.

Всё это до недавнего времени было просто хобби. Но сейчас Ленка высказала здравую мысль: почему бы не попробовать выиграть какой-нибудь конкурс? И даже если приз не получить – все равно засветиться. Подруга обещала помочь Марьяне создать тематический Инстаграм,

правильно расставить тэги и продвигать его. «Пора выходить из сумрака».

– Может, и пора, – пробормотала Марьяна, разглядывая огромный список конкурсов, требующий тщательного изучения. – Как думаешь, Фелька?

Кошка, как раз вылизывавшая фотогеничную пятку, не ответила. Но Марьяна знала: Фелька готова к любым свершениям.

Глава 5

Антикафе, в котором работала администратором Марьяна, называлось «Совы и котики», и там не было ни тех, ни других.

Располагалось оно исключительно удачно – в двух шагах от метро «Новокузнецкая». Несколько лет назад владелице удалось купить это помещение у разорившегося хозяина за сущие копейки – именно купить, а не арендовать, что чертовски важно, когда у тебя свой бизнес! Екатерина Васильевна быстро оценила обстановку, поняла, что поблизости нет уютного местечка для коворкинга и посиделок, и из множества форматов выбрала именно антикафе. За первый час посетители платили сто пятьдесят рублей, а за всё время после – два рубля в минуту.

Хозяйке бизнес нравился, может, поэтому он процветал, а сотрудники и посетители ходили сюда с удовольствием. Живых сов и котиков тут не имелось (заполучить разрешение на их содержание и выдержать кучу санитарных проверок – тот еще квест), но они имелись в оформлении, выдержанном в теплых тонах. Помещение было громадным, около двухсот квадратов, и его разбили на комнаты. Была тут библиотека, множество пуфиков и удобных стульев, столы круглые и прямоугольные... Можно устроить презентацию, совещание, отпраздновать день рождения или подать заявку на выставку картин. Посетителям бесплатно предлагались печенье, чай и кофе хороших сортов. А художница, хорошая знакомая Екатерины Васильевны, расписала часть стен, и вот там котики и совы присутствовали повсеместно.

Марьяна устроилась сюда практически сразу после открытия – она как раз подыскивала хорошую работу, на которую можно ходить с удовольствием и куда возьмут даже несостоявшегося социолога. До этого Марьяна вводила данные в таблички одной фирме – ничего сложного, но скучно ужасно. Екатерина Васильевна сразу после собеседования взяла Марьяну администратором и не пожалела. Девушка умела договариваться даже с самыми ворчливыми посетителями, даже с теми, кому всё было «дорого» и «не так». А подобные встречались частенько. При таком-то потоке людей...

Антикафе открывалось в десять и работало до одиннадцати вечера, администраторы трудились сменами. Иногда Марьяна оставалась допоздна, а иногда, как вот сегодня, приехала в половине десятого, чтобы всё проверить, подготовить и заварить кофе. Помощница, студентка Анечка,

подрабатывавшая тут по полдня, подбежала к двери одновременно с Марьяной.

– Привет! – Анечка просто лучилась жизнерадостностью – солнечный зайчик, концентрация позитива, как на фото с ведром котят. – Какая погода сегодня хорошая, да?

– Привет. Да, отличная.

В воскресенье, когда Марьяна ездила убираться к маме (покупку сапог решили отложить на следующие выходные – как раз зарплату выдадут), шел нудный мелкий дождь. А утро понедельника радовало румяным небом и температурой плюс пятнадцать. Хорошо же!

– Мы в субботу с друзьями в Коломну съездили, – поделилась впечатлениями Аня. – Там так здорово! Листья на деревьях еще почти не желтые, и будто лето.

– Лето прошло, – вздохнула Марьяна, вешая пальто на крючок у двери и разуваясь. В антикафе везде был ковролин, посетителям предлагалась сменная обувь или же ее можно было принести с собой.

– Ну-у, если оно закончилось в Москве, то внутри может не заканчиваться никогда!

– Это статус из «ВКонтакте»?

– Ага, – бесхитростно созналась Анечка. Марьяна засмеялась.

Екатерина Васильевна умела подбирать людей – неподходящие тут не задерживались. Два других администратора, Леша и Карина, тоже работали тут практически с открытия.

Быстро пробежавшись по комнатам и убедившись, что Леша оставил вчера чистоту и порядок, Марьяна устроилась за стойкой администратора, а Аня, пообещавшая заварить кофе на себя и коллегу, ушла на кухню. Понедельник, сегодня будет много бумажной работы, и воду для кулера должны привезти...

Рядом возникла чашка, из которой умопомрачительно пахло, и Марьяна кивнула:

– Спасибо.

– Слушай, – заговорила Анечка, – а помнишь, ты мне на телефоне фотки показывала своей кошки? Которые ты сама делаешь?

– Ну... показывала, наверное.

– А не хочешь у нас в выставочной комнате устроить, собственно, выставку?

Марьяна удивленно подняла голову от бумаг.

– Откуда у тебя такая мысль?

– Это не у меня. – Анечка смешно сморщила нос. – Это у Екатерины

Васильевны. Она заезжала вчера и вдруг начала нас с Лешей спрашивать, не увлекаемся ли мы чем-нибудь таким. А то, говорит, посторонних художников и фотографов мы рекламируем, а своих-то! Ну, мы с Лешей не подходим, я не творческая совсем, а ему сноуборд выставлять как-то странно. И тут я про тебя вспомнила. И Екатерине Васильевне сказала. Она с тобой поговорит.

– Аня! – простонала Марьяна.

– А что? – пошла в наступление напарница. – Фотки же классные! И тематика наша – котики! Чем плохо?

– Ничем. Извини, ты права.

Марьяна еще не отошла от выходных – сначала Антон с его новостями, потом воскресная поездка к маме, особой радости не добавившая. Радость доставляло то, что мама чувствует себя неплохо, но сели за подсчет денег на лекарства и... Со вчерашнего вечера Марьяна вновь размышляла, как украсть миллион. Сайты с конкурсами она по-прежнему изучала, однако эта идея уже не казалась такой хорошей. Что она там выиграет? Почетную грамоту разве что.

– Если Екатерина Васильевна захочет, тогда и обсудим. Спасибо, Аня!

– Да всегда пожалуйста! Было бы здорово такую выставку устроить. У тебя красивая кошка, и снимаешь ты классно... Я пошла пылесосить.

«Мне бы твою уверенность», – подумала Марьяна, провожая взглядом беззаботную помощницу.

Иногда Марьяна чувствовала себя легкой, как перышко, а иногда (и в последнее время – всё чаще) – будто придавленной гранитной плитой. Вроде и лопатка в руках есть, и пытаешься выкопаться, а потом обнаруживаешь, что не лопатка у тебя, а чайная ложка. Мечты так и остаются мечтами, хотя ты делаешь всё, что от тебя зависит, чтобы их осуществить. Идешь до предела своих возможностей и – ничего. Небольшие успехи, тут подзаработала денег, там удалось что-то ухватить...

Ей тридцать лет. И если всё и дальше пойдет так, не особо меняясь, то через десять лет она будет всё там же – с работой, средств от которой хватает только на жизнь себе и близким, неосуществленными мечтами и сорока... ну ладно, как минимум одной кошкой. Можно сказать, что так живут множество людей. История, типичная до зубного скрежета.

«У тебя есть шанс что-то изменить в этом унылом механизме, – сказал Марьяне внутренний голос. – Может, особого таланта у тебя и нет, но имеется хотя бы любимое дело, которое тебе нравится и в котором ты научилась немного разбираться. Представь, что ты не умела бы ничего такого – фотографировать, писать, рисовать, не обладала бы ничем, что

могло выбить тебя из заезженной колеи. А ты обладаешь. Так почему ты мнешься и мучаешь себя сомнениями, когда у тебя есть реальный шанс что-то поменять к лучшему? Ведь ты ничего не теряешь, кроме времени на заполнение заявки в конкурсе, например. Лена права. Хватит ныть».

Марьяна отхлебнула кофе и решительно взялась за бумаги. Сначала работа, а вечером – конкурсы и поиск новых возможностей.

Телефон зазвонил в середине рабочего дня. Марьяна трудилась как проклятая: сегодня было как-то особенно много посетителей. В комнате для праздников проходил детский день рождения, там бесилась малышня и слышались бодрые возгласы аниматоров. В библиотеке чинно сидели с книжками читатели, на кухне весело переговаривались студенты, пришедшие в антикафе обсуждать курсовой проект. Трое серьезных мужчин при ноутбуках и галстуках заняли круглый стол в синем зале, обложились бумагами и вели совещание, время от времени с кем-то созваниваясь по скайпу. Жизнь кипела.

Увидев на экране имя звонившего – Антон, – Марьяна подавила желание не отвечать. Звонит – значит, жив, а приятных новостей от брата она сто лет не слышала. Вдруг в этот раз? Оптимизм не пропьешь.

– Да, Антош? Только быстро, я на работе, и у меня завал.

– Марьянка, я быстро! – голос брата был веселым. – Слушай, тут такое дело. Мы говорили про более денежную работу, и я ее тебе нашел!

– Звучит прекрасно, – язвительно сказала добрая сестра, – а себе?

– И себе ищу, не сомневайся. Но на эту именно девушка нужна!

– Только не говори, что устроил меня в стриптиз-клуб, – понизив голос и отвернувшись от бизнесменов, проговорила Марьяна. – Я плохо танцую.

– Не-ет, – засмеялся Антон, – всё прилично! Даже очень! Помнишь Ивана Райковского? Ну, сына дяди Эдуарда и тети Светы.

– Да, – сказала Марьяна после паузы, – помню.

– Ну вот. Я на него в Фейсбуке подписан. И увидел у него геолокацию, что он в Москве. Написал ему. Слово за слово... В общем, ему нужна то ли уборщица, то ли домработница, и он готов заплатить чуть ли не вдвое больше, чем тебе в твоём кафе платят. И с тобой готов поговорить. Сказал, чтобы я тебя спросил, не против ли ты, и тогда он позвонит. Я сказал, что не против, но он настаивал тебя спросить.

– Он же в Штатах живет.

– Постоянно – да. А сейчас у него в Москве какие-то дела. Если б у тебя был Фейсбук, ты и сама бы знала.

– Я как-то его делами не особо интересуюсь. Антон, ты, конечно,

впереди паровоза побежал. У Ивана работа наверняка временная, а тут – постоянная. И потом...

– И потом – суп с котом! – перебил ее братец. – С тебя убудет поговорить? Марьян, ну пожалуйста. Ну он же хорошие деньги платит, и маме лекарств купим, и мои проблемы решим... хоть часть. А?

Марьяна молчала. Связываться с Иваном – себе дороже, но какие еще варианты? Надеяться, что подвернется мифическая работа мечты, где заплатят сто миллионов? Угу, конечно.

– Мне нужно поговорить с начальницей, – сдалась Марьяна. – Если я пойду разговаривать с Иваном, ни о чем ее не предупредив, это будет подло. Так что давай я сначала с ней побеседую, а потом тебе перезвоню. Договорились?

– Ладно. Только не затягивай. Если он при деньгах – а он при деньгах! – то наверняка может по-быстрому обратиться в агентство, и ему там кого-нибудь в два счета подберут. Марьян, на тебя вся надежда.

– Да, – буркнула девушка, выключая телефон, – как всегда.

Появившуюся в антикафе через час начальницу Марьяна решительно утащила в ее кабинет и закрыла дверь.

– Екатерина Васильевна, поговорить надо.

– Что-то случилось, Марьяна? – нахмурилась та.

– В общем, да. Я ищу подработки постоянно, у меня мама болеет, а лечение очень дорогое. – На работе Марьяна о своих семейных проблемах не упоминала никогда, так что для Екатерины Васильевны это всё было новостью. – И мне, возможно, сейчас предложат что-то временное, на несколько месяцев, но с довольно большим окладом. Я пока не знаю всех подробностей. Это старый знакомый, и мы пока с ним даже ничего не обсуждали, я сначала решила с вами поговорить... Не хочется вас подводить...

– Давай я обрисую ситуацию, – перебила ее Екатерина Васильевна. – Тебе надо заработать побольше, ты и меня оставлять не хочешь, и беспокоишься, что я кого-то на твое место найму?

– Да, – с облегчением кивнула Марьяна, в очередной раз поблагодарив мироздание, что начальница ей досталась исключительно понимающая.

– Не скажу, что меня радует эта новость. Но беспокойство твое беспочвенно. В жизни всякие ситуации случаются, а хороших работников пойди поищи. – Екатерина Васильевна задумалась. – Можем сделать так. Возьмешь отпуск за свой счет на то время, что тебе понадобится для этой денежной подработки. Я пока на твое место возьму временного

администратора. Ну, или посоветуемся и поделим твои обязанности и часы между Лешей, Мариной и Аней. Ты мне скажешь, когда возвращаешься, или предупредишь, что вернуться не сможешь. Так будет честно, как считаешь?

– Это очень удобно, Екатерина Васильевна. Спасибо вам большое!

– Это тебе спасибо, что ценишь свою работу, – улыбнулась начальница. – Мама... серьезно болеет?

– Довольно-таки.

– Ладно, – не стала выпрашивать подробности Екатерина Васильевна. – Тогда еще один вопрос к тебе. Аня вчера проболталась, что ты фотографировать умеешь и свою кошку снимала красиво. Предлагала тебя в участницы нашей следующей фотовыставки. Покажешь свои работы?

– Ой, да что там... – немного смутилась Марьяна. – Просто фотографирую кошку. Сейчас...

Она достала телефон, нашла папку со снимками Фельки и протянула аппарат начальнице. Та задумчиво пролистала снимки и подняла взгляд на Марьяну.

– Seriously? Сама?

Та кивнула.

– У меня фотоаппарат старый, я из него выжимаю, что могу.

– Неплохо выжимаешь. Распечатай десять самых, на твой взгляд, удачных, и повесим на стены.

– Ой... ладно. Спасибо.

– И... удачи, Марьяна. Пусть мама выздоровеет, и всё будет хорошо.

«Удача – это мне пригодится», – подумала Марьяна, выходя из начальничьего кабинета. Особенно с Иваном Райковским.

Глава 6

Иван перезвонил практически сразу после того, как Марьяна сообщила Антону, что согласна рассмотреть его предложение. Голос в трубке казался смутно знакомым, как будто доносился из давних беззаботных времен, когда каждый день светит солнце и все вокруг, включая тебя, невероятно счастливы. А может, так оно и было...

– Марьяна, здравствуй. Антон мне дал твой номер.

– Да. Привет...

Что ему сказать, Марьяна не знала. В последний раз они с Иваном виделись много лет назад, жизнь развела их качественно и надолго. И что бы там ни было раньше, теперь это был бы совсем другой человек. Оба изменились, и Марьяна понятия не имеет, кто этот человек, чей смутно знакомый голос в телефонной трубке она сейчас слушает, и что ему сказать.

Но всё оказалось легко – Иван говорил сам.

– Антон сказал мне, что тебе нужна временная подработка. А так удачно совпало, что она у меня есть, и я бы предпочел человека знакомого и надежного. И тут Антон мне пишет. Я подумал, это знак судьбы. Ты не против встретиться?

– Не против, я предупредила начальницу.

– Тогда я предлагаю не тянуть кота за хвост. Во сколько ты освобождаешься сегодня?

– В пять. – Марьяна взглянула на настенные часы – они показывали половину четвертого. Мимо пронесся трехлетний орущий гном, за ним – ошалевший аниматор.

– Ты где работаешь?

– На «Новокузнецкой».

– Не против доехать до «Красных ворот» и встретиться в «Якитории»? Она там сразу у метро.

Марьяна внутренне расслабилась. Она опасалась, что Иван назначит встречу в пафосном месте – там за «Якиторией» белый, как лебедь, ресторан «Лермонтов», например. А куда ей в «Лермонтов» в ботах...

– Конечно.

– Давай в шесть? Я займу столик.

Ивана Райковского Марьяна знала, сколько себя помнила. Во всяком случае, так было раньше.

Эдуард и Светлана Райковские дружили с родителями Марьяны и

Антон. Это были папины знакомые, не мамины, не имевшие никакого отношения к миру музыки и потому вызывавшие у мамы легкое отторжение. Она всегда была с ними вежлива, но нейтральна. А вот папа с дядей Эдуардом были закадычными друзьями, часто ездили вместе на рыбалку и до хрипоты спорили о научных вопросах.

Маленькая Марьяна у Райковских бывать очень любила. У них была большая старая квартира, похожая на их собственную, только более просторная и вместо старых шкафов и сервизов набитая книгами и всякими странными штуками, которые тетя Света и дядя Эдуард привозили из командировок. Они были учеными, причем учеными, которых выпускали за рубеж – видимо, в советские времена в орнитологах и биологах, обменивающихся опытом с иностранными коллегами, не видели ничего опасного. Райковские бывали даже в Африке, о чем свидетельствовали страшные маски и засушенная экзотическая тыква, про которую Иван говорил, что это голова пигмея. Лет до десяти Марьяна ему даже верила.

Иван был старше ее всего на год, но иногда казалось – на все пять. Он много читал и был жутко умный и при этом – не занудный. Будучи студенткой, Марьяна как-то повстречалась пару месяцев с молодым научным сотрудником, работавшим в подмосковном НИИ, и с изумлением выяснила, что не все ученые головы так интересны. Иван даже сложные вещи рассказывал своей подружке так, что она слушала, раскрыв рот. Когда родители купили ему первый компьютер, Иван с головой ушел в программирование, увлекшее его раз и навсегда, и высшее образование получал тоже по этому направлению.

Потом между Райковскими и Ковалевыми что-то произошло – Марьяна так и не узнала, что именно, но общаться они стали гораздо меньше. И Иван, ставший студентом, как-то отстранился, стал реже звонить и на Марьянины звонки отвечал не слишком охотно. Позже у него появилась девушка, и Марьяна отступила. Зачем навязываться человеку, который тебя не хочет видеть? Ну и что, что она была в него щенячьей влюблена лет с тринадцати? Влюбленность со временем истончилась, знакомство стало детским воспоминанием, и Марьяна заставила себя больше об Иване не думать. Хотя в детстве и юности казалось: такая дружба не может просто исчезнуть. Видимо, может.

От Антона Марьяна знала, что Иван уехал в Америку, что, кажется, женился там, а может, просто себе кого-то завел – американскую красотку вроде Камерон Диас, с озорной улыбкой и платиновыми волосами. Марьяна не следила за жизнью Ивана. Знала только, что родителей его уже нет в живых, как и папы. Они умерли лет десять назад, еще до папиной

смерти, оба с разницей в полгода – инфаркт у дяди Эдуарда, рак у тети Светы... Марьяна помнила, как папа переживал, хотя к тому времени мало общался со своими старыми друзьями. Кажется, после того Иван в Америку и уехал.

Уже несколько лет Марьяна ничего о нем не слышала и даже почти забыла, что в ее жизни существовал когда-то такой Иван Райковский. И вот он звонит, разговаривает смутно знакомым бархатным голосом и предлагает работу, которая может Марьяне помочь.

Судьба – шутница.

Метро по случаю окончания рабочего дня было набито битком. Марьяна вырвалась из вагона и с облегчением поднялась на улицу. К вечеру небо снова нахмурилось, набухло, готовясь разразиться слезами; порывистый ветер гонял по асфальту отобранные у деревьев листья. Хотелось завернуться в плед, сварить какао и не вылезать из кресла. Марьяна быстро добежала до «Якитории» и потянула на себя дверь.

«Как я его узнаю?»

Оказалось – без труда. Иван выбрал столик недалеко от входа так, что Марьяна его сразу увидела. Он наблюдал за входящими, встал, помахав ей, когда она вошла. А когда девушка приблизилась, без лишних церемоний сгреб в охапку, как бывало раньше, и тут же отпустил.

– Привет. Я очень рад тебя видеть.

Он вроде бы и не сильно изменился внешне, но был совсем другим. Российские парни так не выглядят. Одежда обычная – джинсы, футболка, толстовка, – но кажется, будто это все только что сняли со стенда в дорогом магазине. Классная стрижка, кожа чистая, и улыбка стопроцентно американская – ровные белые зубы. А еще Марьяна отметила то, чего не услышала по телефону: еле заметный акцент.

– Я тоже рада тебя видеть, Иван.

Он терпеть не мог, когда его называли Ваней, только родителям это позволял, а остальным – никогда.

– Или как тебя теперь зовут? Айвен?

– Американцы – да, – кивнул он. – А наши как звали Иваном, так и зовут. Но если хочешь, чтобы я для тебя стал Айвеном, запросто.

– Нет, я по старинке.

– Хорошо. Ты голодная? Я есть хочу, как зверь. Давай закажем самый громадный сет роллов? Я угощаю.

Сев за стол, Марьяна открыла меню, увидела самый огромный сет, ощутила, как рот наполняется слюной, и кивнула.

Пока официант принимал заказ, девушка молчала и только заказала себе еще свежавыжатый сок: кофе, выпиваемый на работе литрами, разве что из ушей не лился к концу дня. А когда заказ был сделан, поинтересовалась у Ивана:

– Значит, ты в Россию вернулся?

– Ненадолго. – Он откинулся на спинку диванчика и расслабленно положил руки на стол. – У меня здесь контракт на четыре месяца, к Новому году должны закончить. Если постараемся, может, и раньше, тогда домой – на Рождество. На то Рождество, что перед Новым годом, а не после.

– Значит, домой – это теперь туда, – улыбнулась Марьяна. Она думала, что увидит Ивана, и всколыхнется былое, или же какие-то чувства непрошенные накатят... Но нет. Перед нею сидел человек, к которому она когда-то очень хорошо относилась, человек, определенно добившийся успеха. И Марьяна ощущала, что рада за него. Просто рада. – Совсем прижился?

– Там работа, дом... Можно сказать, что и прижился.

– Как ты туда попал вообще?

Иван откровенно удивился.

– А ты разве не знаешь?

– Ну... Мы с тобой почти не общались к тому времени, как ты уехал. Год, по-моему, не созванивались. Мне Антон сказал, что ты в Америке, но без подробностей.

В последний раз Марьяна звонила Ивану, когда умерла тетя Света. Хотела приехать, но постеснялась и просто позвонила. Выразила соболезнования, Иван сухо поблагодарил и положил трубку.

– А, да... наверное. – Он поморщился. – Я то время плохо помню. Ты же знаешь – сначала папа умер, потом мама сгорела за полгода... Я в таком шоке пребывал, что несколько месяцев из памяти вообще будто выветрились. Ходил, ел, дышал, а зачем – не понимал. Потом немного оклемался и думаю: надо обстановку сменить. Я тогда последний курс заканчивал, ну и решил – чем черт не шутит, подамся на грин-карту! Кое-какие программы я уже продавал, в одной фирмочке работал, но в Штатах для программистов условия все же получше. Заполнил заявку и – выиграл! С первого раза! Люди годами пытаются, а мне вот так повезло.

– Повезло, – согласилась Марьяна, глядя на него во все глаза. Ее грело изумительное чувство чего-то родного. Иван ничем не показывал, что помнит о каких-то обстоятельствах, которые развели их семьи, и разговаривал так, как раньше, когда они с Марьяной были лучшими друзьями.

– Ну вот. Дальше был квест «собери документы и докажи Америке, что ты ей нужен». На собеседования пришлось ходить, спрашивают там: зачем вам в США? А я честно отвечаю: родители умерли, особо ничего меня тут не держит, а у вас, сами понимаете, возможностей много. Они посмеялись и одобрили мне въезд. – Иван прищурился, вспоминая. – Я квартиру продал и уехал.

– Продал? Я думала, ты ее сдаешь.

– Нет, Марьян. Не смог бы я ее сдавать со всем содержимым и жить бы в ней не смог никогда. Вывез на склад всё имущество, законсервировал, а квартиру продал.

– Не жалеешь?

– И тогда не жалел, и сейчас – нет.

Иван таким был всегда. Уж если решил, не передумает.

– И прямо сразу уехал?

– А чего было ждать? – он пожал плечами. – Университет я окончил, мог претендовать на какую-либо работу в США. Я еще из России начал рассылать резюме. Взяли меня в одну фирмочку в Калифорнии. Приехал я туда из нашего невнятного августа, а там – лето, океан, хорошо! Снял квартирку небольшую, начал работать, приживаться...

– А если бы не прижился?

– Значит, стал бы искать место, где мне хорошо. Всё просто.

– Да, – эхом повторила Марьяна, – всё просто.

– Потом снова рассылал резюме, перешел в другую компанию, а затем меня пригласили в офис «Гугл» в Сан-Диего. И взяли!

– Так ты теперь в «Гугле»? – искренне восхитилась Марьяна. – Как здорово!

– Да. Проекты в основном штатовские, однако и российские случаются. Я уже прилетал пару раз, но всего на несколько дней. А теперь вот на четыре месяца. Снял квартиру тут неподалеку, – он неопределенно махнул рукой. – Работаю. И... мне понадобился человек, который бы за этим домом присматривал. И еще кое за кем. Я даже не успел никого из знакомых спросить, а тут Антон мне пишет. Я очень обрадовался, Марьяна. – Иван чуть подался вперед, сложил руки на столе. – Мы с тобой мутно расстались, но... Ты ни в чем не виновата же, просто... К черту. Мне нужен надежный человек, которому я могу довериться.

– А что нужно делать? – Марьяна тоже наклонилась вперед, глядя Ивану в глаза. – Программировать я не умею, и не проси.

Он широко улыбнулся своей яркой американской улыбкой.

– С программированием я сам справлюсь. Квартира большая, ну и...

Нужно организовать уборку, доставку продуктов. Помочь мне с российскими реалиями, я как-то отвык. Может, буду просить тебя куда-то документы отвезти или еще чем-то помочь. В общем, мне нужен такой координатор, администратор. Антон говорит, ты как раз администратором работаешь.

– В антикафе.

– Значит, и с моим домом прекрасно справишься. Деньгами я тебя не обижу. – Иван сказал, как именно не обидит, и у Марьяны глаза полезли на лоб. – Не смотри так, я еще не назвал два условия, ты, может, и не захочешь.

– М-м... Надо танцевать перед тобой на шесте? – Образ стрип-клуба, возникший в беседе с Антоном, упорно Марьяну не покидал. – Прости... Глупая шутка.

– Шест отменяется. Ко мне нужно не приезжать на работу, у меня надо жить. Это раз.

Официант, дождавшись паузы в разговоре, быстро поставил перед клиентами сет роллов, пожелал приятного аппетита и испарился. Дождавшись его ухода, Марьяна поинтересовалась:

– Зачем?

– По нескольким причинам, – принялся загибать пальцы Иван. – Во-первых, у меня ненормированный рабочий график. Часто веду по ночам переговоры с американским офисом, пока там день. Во-вторых – и это второе условие – я очень хотел бы, чтобы ты присматривала за моей дочерью.

Наличие у Ивана дочери почему-то Марьяну потрясло. Хотя, конечно, чему удивляться? Он и раньше производил впечатление первого парня на деревне, а уж в Америке, да работая в «Гугле»... Значит, женился. Рассыпались романтические надежды.

Марьяна многое хотела бы у него спросить, но понимала, что это совершенно не ее дело. Вместо этого поинтересовалась:

– Как ее зовут?

– Ева. И ей семь лет. Не беспокойся, по-русски она говорит очень хорошо.

– А я по-английски говорю хорошо, не беспокойся, – поддразнила его Марьяна.

– Это, несомненно, бонус. Ева в первый раз в России, в предыдущие поездки я ее не брал. Ей всё интересно, и если ты ее сводишь в зоопарк, например, я тебе буду очень благодарен. И еще у нее программа, по которой она занимается, чтобы пойти в школу дома. Нужно следить, чтобы она

выполняла задания и не отлынивала.

– М... – Марьяна подперла подбородок ладошкой и задумчиво смотрела на Ивана. – На тебя похожа?

Он явно не ожидал такого вопроса.

– Сама увидишь, если согласишься пойти ко мне в гости.

– Когда?

– Хоть сейчас. Я же говорил, что квартиру снял неподалеку. А тебя позвал в «Якиторию», потому что я тут в округе немного осмотрелся, но дальше...

– Ясно. Иван...

– Слушай, мне бы очень хотелось, чтобы ты согласилась. Но я понимаю, что завалил тебя сведениями и совсем не знаю, как ты живешь сейчас. Ты мне расскажешь? Просто...

– Просто тебе очень нужен надежный человек, – закончила Марьяна. – Иван, я в принципе не против. И на работе я договорилась, что меня отпустят в бессрочный отпуск. А сейчас даже смогу сказать, когда я к ним вернусь. Но жить у тебя...

– Я тебе комнату выделю!

– Не в этом дело, – вздохнула Марьяна. – У меня кошка. И я с ней не расстанусь.

– Кошка? – Иван непонимающе уставился на нее, а потом вдруг захохотал – легко, весело. – А, кошка! Пушистое животное на четырех лапах! Ну так забирай ее с собой. Кошка – это же счастье.

Часть вторая
РЫЖИЙ

Глава 7

Идти до квартиры, которую снял Иван, оказалось недолго – минут десять. Высокий дом современной постройки прятался в старых дворах, чуть надменно возвышаясь над остальными – посмотрите, какой я новенький, блестящий, светлый, не то что вы! Огороженная парковка, детская площадка, сияющий огнями даже не подъезд – холл! Значит, зарплаты программистов в «Гугле» – не миф. «Эх, – подумала Марьяна, – ну почему у меня нет таких мозгов, как у Райковского!» Если она чему-то когда-то и завидовала (недолго и по-белому), то исключительно мозгам.

– Кое-что должен сообщить тебе о Еве, – сказал Иван, когда подошли к лифту. – Чтобы ты случайно не сказала лишнего. Мы с ней живем вдвоем. Иногда к нам приходит няня. Вот так.

– А ее мама? – осторожно поинтересовалась Марьяна.

– Ее мама нас оставила. Очень давно, почти сразу после рождения Евы. Так что маму она не помнит.

– Понятно. – Подробности ни к чему. И так ясно, что история непростая. – Спасибо, что объяснил. Я действительно могла что-то сказать не так.

– Потому и предупредил.

Квартира располагалась на последнем этаже. Марьяна начала подозревать, что ее ожидает нечто грандиозное, но к реальности оказалась не готова. В лифте Иван вставил в панель специальный ключ, повернул его, и после непродолжительной поездки двери открылись в небольшой холл лишь с одной дверью. Погремев ключами, Иван ее открыл и сделал приглашающий жест.

– Ого, – только и смогла выговорить Марьяна.

Она осторожно вошла за Иваном и тут же задрала голову, рассматривая высоченный потолок, а потом перевела взгляд на панорамное окно, за которым переливалась огнями Москва. Вид открывался потрясающий: квартира находилась выше уровня крыш соседних домов. А из холла наверх вела лестница, намекая, что тут есть второй этаж.

– Вот. – Иван обвел рукой окружающее их великолепие. – Видишь, до чего докатился? Я ее снял, потому что удобно, высоко, красиво и похоже на наш дом. У нас в Сан-Диего дом двухэтажный, стоит на склоне, поэтому вид открывается очень неплохой. Правда, не свой дом, мы снимаем, в Америке так удобней. А Ева привыкла к простору, да и я... попривык.

Он не оправдывался за богатство, он просто рассказывал, и в этом Иван ничуть не изменился. Он и раньше не хвастался классными вещами, которые были у него и у родителей. «Смотри, голова пигмея, все музеи мира хотели бы ее заполучить! Давай играть, будто ты – охотница за артефактами, а я – работник музея, и ты голову собираешься украсть?..»

– А с кем Ева сейчас?

– Няню нанял в агентстве. Неплохую, кстати. Но если ты здесь будешь... Тебе я больше доверяю.

– Иван, ты меня десять лет не видел. Или больше? Пожалуй, что больше. – Марьяна повернулась к нему. – Мне, конечно, льстит доверие, о котором ты говоришь, но... Расстались мы с тобой странно.

– Разве странно?

– Угу.

– Так были же причины. Не между нами, а между родителями.

– Я просто знаю, что мы в какой-то момент перестали ходить друг к другу в гости. И ты вечно был для меня занят. – Марьяна не обвиняла, просто констатировала факты. – Ты прервал отношения, не я. А теперь ты хочешь меня нанять, да еще и дочку доверить. Так что, прежде чем я ее увижу, скажи мне, в чем подвох.

Иван помолчал, потом ответил серьезно:

– Нет подвоха, Марьяна. Времена изменились, а старые истории поросли мхом. А в той истории ни ты, ни я ни при чем. Мне потребовалось время, чтобы это понять. Много времени. Но я понял.

– Знать бы еще, в чем дело.

Иван посмотрел на нее недоверчиво.

– А ты... что, не знаешь?

– Понятия не имею. Родители сказали мне: «Так бывает».

– Ну-ну, – неопределенно высказался Иван и начал стаскивать ботинки. – В общем, у меня к тебе никаких претензий нет. Более того, я должен извиниться, что по-свински поступил тогда. Ничего тебе не объяснил, уехал, не попрощавшись... Я в большом раздрае был, Марьян. Но это дела давно минувших дней, хотя мы о них и поговорим потом. А сейчас мы имеем то, что имеем. И если ты по-человечески не захочешь со мной работать, то...

– Айвен, – сказала Марьяна, – перестань. Оправдываешься ты из рук вон плохо, даже не начинай.

– Да? Мне казалось, я преуспел. Ладно. Мир? – Он протянул ей широкую ладонь, и Марьяна ее пожала. Невыясненные вопросы остались, однако сейчас не время выпытывать подробности.

– Мир.

– Давай возьму твоё пальто. Гардеробная справа. Пойдем, познакомишься с Евой, а потом скажешь мне своё решение.

– Гардеробная справа, – пробормотала Марьяна себе под нос, так, чтобы Иван не услышал, – буржуйство какое!

В последние месяцы всё складывалось так паршиво, что Марьяна всерьез опасалась скатиться в классовую ненависть ко всем, у кого денег больше, чем у нее. И не скатилась. Прекрасно понимала, что каждый сам за себя, а что ты заработал, то и имеешь. Она заработала на кошку, лекарства и самую последнюю заначку. Иван – на квартиру космических размеров. И это здорово, когда у хороших людей всё складывается хорошо.

«Если я соглашусь, Фелька тут ошалеет. Столько пространства для беготни!»

– Я тебе потом всё покажу, – сказал Иван, шагая впереди; Марьяна шла за ним, как той-терьер на привязи. Поймала своё отражение в большом зеркале и усмехнулась: белобрысый воробей, из тех, на которых любит охотиться Фелька. – Там кухня, тут столовая, в самом углу мой кабинет. Оттуда вид – просто закачаешься. А жилые помещения у нас на втором этаже. И игровая, она же классная, комната.

– Некуда девать пространство? – понимающе спросила Марьяна.

– Именно. Квартира здоровенная, я сам тут пока немного теряюсь. Мы же совсем недавно прилетели, даже вещи еще толком не разобрали.

Деревянная лестница была широкая и удобная. Марьяна не удивилась бы, если бы выяснилось, что в такой квартире есть лифт. А то вдруг миллионеру тяжело подниматься!

– Ну вот. – Иван остановился перед дверью в коридоре на втором этаже. – Сейчас я вас познакомлю. – Постучал и вошел. Марьяна двинулась за ним.

Небольшое помещение было заставлено стеллажами, на нескольких полках лежали игрушки и конструкторы. Тут же стояли два стола – один побольше, вроде как учительский, второй поменьше, похожий на парту. За учительским сидела приятная женщина средних лет, а за партой – девочка.

«Изумительно на Ивана похожа», – первое, что подумала Марьяна. А потом девочка вихрем сорвалась с места и кинулась Райковскому на шею.

– Папа!!!

– Ты меня так обнимаешь, будто мы неделю не виделись. – Иван подхватил дочку на руки. – А всего лишь три часа! И разве вы закончили с Эммой Арнольдовной?

– На самом деле да, Иван Эдуардович. – Няня приветливо кивнула

смотревшей на нее Марьяне и продолжила: – На сегодня закончили и играли в слова, пока вас ждали.

– В слова – это как? – спросил Иван у Евы.

– Это когда из одного слова надо составить много других. Использовать буквы! Мы выбрали слово «руководитель». Эмма Арнольдовна говорит, что ты – руководитель. Я придумала слово «водитель», а еще «лето», а еще «кот»! Мы специальную программу установили на планшет!

По-русски девочка говорила чисто, без особых запинок, только в речи ее слышался акцент сильнее, чем у Ивана.

– Молодец, – похвалил ее Райковский, – «кот» – хорошее слово, просто отличное. И, кстати, о котах и их владельцах. Ева. – Он спустил дочку на пол и развернул к гостю. – Познакомься, это моя давняя подруга Марьяна. Я тебе о ней рассказывал. Что надо сделать?

– Здравствуйте, – тихо сказала Ева, враз застенчившись.

Сейчас, когда они стояли рядом, сходство еще сильнее бросалось в глаза. Такие же, как у Ивана, темные волосы, и глаза того же лиственнено-зеленого оттенка с крапинками тигриной желтизны. Нос похож, губы... Если Ева и взяла от матери какие-то черты, Марьяна их не смогла отметить. Она видела резкое, почти точное сходство с Иваном, и это вдруг отдалось ноющей тоской глубоко внутри.

«У него есть дочь. Как же ему повезло».

Марьяна улыбнулась и присела на корточки.

– Здравствуй, Ева. Я очень рада с тобой познакомиться. Мой друг Иван, то есть твой папа, сказал, что вы совсем недавно прилетели. Тяжело было сюда добираться?

Ева кивнула.

– Долго лететь, – тихо сказала она.

– Много часов?

– Много. Мы летели бизнес-классом и могли поспать. Папа сказал, что он в Америку в первый раз летел эконом-классом и не смог заснуть. А я смогла.

– Она вообще молодец. – Иван погладил дочку по голове. Густые волосы Евы были заплетены в сложную косу. – Стойко держалась и ни разу не пожаловалась.

– Я так далеко никогда не летала, – сказала Марьяна, поднимаясь. – Даже немножко завидую тебе.

– Вы не ездили в Америку? – Зеленые глаза девочки чуть расширились. – Как жалко! Там очень здорово!

– Верю. И надеюсь когда-нибудь поехать.

– Эмма Арнольдовна, тогда на сегодня всё, – обратился Иван к няне. – Я вам позвоню завтра, скажу, нужно приходить или нет.

– Я в вашем распоряжении в любое время. Ева сегодня молодец, у нее очень хорошо получаются прописи.

– Замечательно. Я попозже посмотрю, что вы там напрописывали. – Иван снова погладил дочку по голове.

Эмма Арнольдовна попрощалась и вышла, а Иван предложил:

– Пойдем попьем чаю? Кухню мы уже освоили. Хотя на ней столько страшных агрегатов, что мы с Евой растерялись совсем. Может быть, ты разберешься?

– Может быть, – кивнула Марьяна.

Кухня раскинулась чуть ли не на пол-этажа – роскошная, хромированная, с протянувшейся стойкой. Ева забралась на стул и молча смотрела, как Иван копается в шкафчиках. Марьяна с любопытством осматривалась. Пока самым «страшным агрегатом» оказалась кофеварка – навороченная, с функциями приготовления любого на свете кофе. Марьяна подошла и осмотрела кофейного монстра с уважением.

– Хорошая вещь, – признала девушка. – Наша начальница хотела нам в кафе нечто подобное купить, но пока не решается. Много денег стоит. А посетители у нас разные, не дай бог, сломают, ремонт тоже дорогой...

– Я к ней пока не подступился, – признался Иван. – Кофе завариваю в чашке.

– Да ладно! – не поверила Марьяна. – Ты же технарь!

– Я программист. А кофеварки я не программирую. И с какой стороны в нее зерно засыпать? Я потыкался – там емкостей разных штук шесть. Что-то для сброса отходов, что-то для молока... Легко перепутать.

– Хочешь, проверю, работает она или нет? Кофе будешь?

– Я бы не отказался, – оживился Иван. Марьяна улыбнулась: годы идут, какие-то вещи остаются неизменными – Райковский и раньше кофе любил больше чая.

– Черный со сливками?

– Именно так.

– Ева, а тебе кофе можно? – обратилась Марьяна к девочке. Та еле заметно кивнула и тихо сказала:

– Я капучино люблю.

– У вас молоко имеется? А зерна где?

После череды кофеварок, с которыми Марьяна имела дело за годы работы в антикафе (одни ломались, другие устаревали, и на смену им

приходили новые), разобраться с этой не составило особого труда. Через десять минут на стойке стояло три чашки – черный со сливками для Ивана, капучино в небольшой кружке для Евы и латте для Марьяны. Кофеварка справилась на «ура».

Иван расставил по стойке блюда с закусками, явно привезенные службой доставки продуктов на дом, и жестом пригласил Марьяну садиться. Сам он устроился напротив, рядом с Евой. Девочка застенчиво поглядывала на гостью, и во взгляде сквозило любопытство, а вот враждебности или отторжения Марьяна не заметила. Спокойный, стеснительный и при этом открытый ребенок.

Ева отхлебнула кофе и зажмурилась.

– Ум-м, как вкусно! Спасибо! Я очень люблю капучино!

– Марьян, ты эксперт, – уважительно кивнул Иван, отпив из своей чашки. – Круто.

Марьяна махнула рукой.

– Я работаю в таком месте, – объяснила она Еве, – называется антикафе. Туда можно приходиться отдыхать, работать, читать, а платишь за время, пока там сидишь. И мы предлагаем нашим гостям напитки и печенье бесплатно. Иногда гости не понимают, как пользоваться кофеваркой, или просто заняты и просят им что-то принести с кухни. Я сделала, наверное, миллион разных кофе!

– Их разве миллион? – заинтересовалась Ева.

– На самом деле нет. Разные виды черного кофе, как у папы. С молоком, как у меня и у тебя – капучино, латте, мокко... А сейчас, знаешь, что популярно? Кофе с апельсиновым соком. Обычно эти напитки подают на завтрак отдельно, и кто-то придумал их смешать. По-английски этот рецепт теперь называется «bumble bee», а по-русски...

– Шмель! – радостно перебила ее Ева. – Я знаю! Он полосатый!

– Любимые книжки forever^[2] – про животных, птиц и насекомых, – сообщил Иван, с интересом следивший за диалогом.

– Неудивительно при такой генетике, – сказала Марьяна и тут же пожалела о своей фразе, но Иван спокойно кивнул.

– Да уж. Жаль, мама с папой не дожили. Они бы одобрили Евин интерес ко всему бегущему, ползающему, летающему и растущему.

– Ну, пап!

– А что, неправда, что ли? Кто меня в Зу Сафари^[3] держал целый день и грозился остаться там жить вместе со слонами?

– Это я маленькая была. Мне было всего пять. А сейчас я со слонами

жить не буду. Люди живут в квартирах, а слоны – в вольерах. Ну и на свободе. А почему кофе называется, как шмель?

Марьяна думала, что о кофе девочка уже забыла. Ага, конечно.

– Потому что когда вниз в прозрачный бокал наливают апельсиновый сок, а сверху – кофе, то получается полосатый напиток. Как шмель. Его иногда называют просто бамбл. Иногда туда добавляют карамельный сироп.

Марьяна как-то провела целый день дома, пытаясь сделать настоящий слоеный бамбл, а сделала кучу снимков – как эспрессо и апельсиновый сок смешиваются, образуя изумительные по красоте узоры. Фелька потом сунула лапу в чашку и долго брезгливо облизывалась.

– Наверное, вкусно, – предположила Ева. – Я бы попробовала.

– Если купить апельсиновый сок, то почему бы и нет, – улыбнулась Марьяна и, посмотрев на Ивана, сказала без перехода: – Я согласна.

– А! – Он, прищурившись, ответил ей внимательным взглядом. – Так, да? Хорошо. Я очень рад. Ева, – обратился он к дочери, – я попросил Марьяну побыть нашей помощницей, пока мы живем в Москве. И Марьяна согласна. Ты как, не против?

Девочка, застеснявшись снова, помотала головой: не против.

– Вот и договорились, – подвел Иван черту под этим немного сумасшедшим вечером. – А раз уж мы обо всем договорились, так сказать, глобально, надо обсудить подробности. Сколько тебе понадобится времени, чтобы собрать вещи и перебраться к нам?

Глава 8

Марьяна отвела себе два дня, чтобы уладить дела с работой в антикафе, упаковать необходимое и сообщить Фельке и родственникам, как изменится ее, Марьянина, жизнь на ближайшее время. Двух дней должно хватить. Наверное.

Домой Марьяна ехала на метро, отказавшись от предложения Ивана вызвать для нее такси. В метро лучше думалось, а прогулка до дома и вовсе освежила голову. Войдя, Марьяна, как кукла с механическим заводом, разделась, вымыла руки, взяла Фельку, села на диван и... по щекам потекли слезы.

«Что-то я часто реву в последнее время».

Она плакала – от усталости, от облегчения, от жалости. Усталость от прошедших недель и новостей навалилась снова, но теперь отпустить ее было легче: появилась работа, которая поможет решить часть проблем. Конечно, эти четыре месяца не решат всего, однако существенно сдвинут дело с мертвой точки. А там и Антон, может, найдет что-нибудь...

«Давай смотреть правде в глаза, – сказал внутренний голос, который иногда просыпался и старательно ставил Марьяну перед неприятными фактами. – Антону не очень-то хочется вкалывать до седьмого пота. Иначе бы он любую свободную минуту посвящал тому, чтобы заработать деньги и закрыть свой долг, как это делаешь ты. Ты взрослая и не можешь его заставить. И ты в своем праве отказаться ему помогать. Но ты его любишь и не откажешься. А потому перестань надеяться и просто сделай это».

Хорошо, что на свете есть Иван. Марьяна почти забыла о нем – столько лет прошло с тех пор, как он был ее лучшим другом и светом в окошке. Марьяна приняла как факт, что Райковский больше не хочет общаться с нею, и не искала его, не тормозила, постаралась... конечно, не забыть, это невозможно, – но прикрыть эту память дверцей с крохотной щелочкой. Через щелку пробивался свет, иногда согревавший Марьяну: где-то там, далеко, ее бывший друг Иван существует, а значит, вселенная не так плоха...

А теперь он за один день материализовался словно из воздуха – джинн из страны, где исполняются мечты, где снимаются кружащие голову голливудские фильмы, где ты можешь стать тем, кем хочешь. Стать собой. Марьяна и так была собой, но собой несвободной, попавшей в тиски обстоятельств, любви и долга; сколько раз ей хотелось бросить всё и

уехать... И вот выяснилось, что Иван, раздавленный горем много лет назад, сделал это. Почти сжег мосты, уехал, нашел себя и своё, а теперь ненадолго вернулся.

– Он снова уедет, Фелька, – сказала Марьяна, вытирая лицо. – Так что губу мы с тобой раскатывать не будем. Да?

«Вот еще, – фыркнула кошка, – губу раскатывать на каких-то американцев! Я честное российское млекопитающее! Нам иностранцев не надо!»

– А придется, Фель. Поживем у них до Нового года. Ты не бойся, Ева – девочка разумная и за хвост тебя хватать не станет.

«Чтобы я боялась какой-то девчонки? Фи!»

– Вот и правильно. Будем учить ее любить российских млекопитающих, а не каких-то там американских слонов. Да?

«Я постараюсь!»

– Я пока понятия не имею, что мы будем делать в этом доме, но предупреждаю: фикусы там драть нельзя!

«Когда это я драла фикусы?!»

– Это потому, что их у нас нет. – Марьяна, окончательно успокоившись, подняла кошку на вытянутых руках и посмотрела снизу вверх. Фелька обреченно висела. – Ну и денек. Пора спать, утро вечера мудренее.

И о плане, придуманном на пару с Ленкой, тоже забывать нельзя. Но он подождет пару дней.

Екатерина Васильевна повздыхала, повздыхала и подписала Марьяне отпуск за свой счет, начиная с завтрашнего дня.

– Ты сегодня уж, пожалуйста, отработай. Надо график перестроить, пока я буду тебе временную замену искать.

– Спасибо вам еще раз огромное, Екатерина Васильевна!

– И фотографии свои привези, не забудь.

Коллеги временному уходу Марьяны огорчились. Карина, пришедшая на вечернюю смену, так и вовсе расстроилась.

– Блин! При тебе порядок, как в гестапо, а еще неизвестно, кого возьмут.

– Ну ты сравнила! – возмутилась Марьяна.

– Погорячилась. Порядок, как в Кремле.

– А что, там порядок? Да ладно! А почему тогда в стране такой бардак?

– Давай, Ковалева, мы твою кандидатуру выдвинем на следующих

президентских выборах, и всё станет как надо.

– Давай, – легко согласилась Марьяна.

Со вчерашнего дня настроение у нее исправилось. Чего слезы лить? Всё же хорошо. Деньги Иван предложил просто отличные, работать на знакомого лучше, чем на незнакомого, кошку с собой разрешили взять... Марьяна не могла дождаться, когда расскажет эту новость маме.

На Водный она поехала сразу после работы. Привычно купила продукты в ближайшем к дому супермаркете, затащила их в квартиру и улыбнулась вышедшей навстречу маме:

– Привет. Ты как сегодня?

– Нормально. – Мать оглядела ее с ног до головы. – А ты почему такая радостная?

– Мам, Антон мне помог на четыре месяца временную работу найти, более денежную, – сообщила Марьяна, расшнуровывая «говнодавы». Мама смотрела на них скорбным взглядом. – Из Америки приехал Иван Райковский, представляешь? И ему нужна такая домработница-администратор. Вот я и согласилась. И платить он мне будет очень хорошо.

– Райковский? – Мама помолчала. – Вот как. Вернулся, значит. Один или с женой?

– С дочкой. Ее Ева зовут, она очень милая.

– Когда это вы познакомитесь успели?

– Вчера.

– Так ты с ним уже встречалась, что ли?

– Ну да. Иначе как бы я приняла его предложение поработать... Мам, ты что, против?

Лия Николаевна вздохнула.

– Идем, я чай заварила... Продукты в холодильник положить не забудь. Поговорим.

Недоумеая, Марьяна пошла следом за матерью в кухню, таща пакеты. Когда в дом приходила дочь, а не гостья (например, тетя Арина), мама накрывала чай на кухне, а не в гостиной. По-семейному.

Наскоро распахав по полкам холодильника продукты, Марьяна села на кухонный диванчик и посмотрела на мать.

– В чем дело? Что тебя расстроило?

– Расстраивает меня то, что ты связываешься с Иваном Райковским, – проговорила мама, садясь напротив. Мягкий свет кухонной лампы красиво обрисовывал ее лицо, всё еще притягательное, несмотря на возраст, и играл в золотистых волосах, уже тронутых сединой. – Видишь ли, наше общение с Райковскими тогда прервалось не просто так. Они... поступили не очень

хорошо по отношению ко мне и твоему отцу. Я не хочу останавливаться на подробностях, мне неприятно об этом вспоминать. Да и не думаю, что тебя это касается. Но Иван тогда активно поддержал своих родителей, и получается, что тоже повел себя не лучшим образом. Я хочу тебя предупредить...

– Подожди, мам, – перебила немного растерявшаяся Марьяна, – ты о чем говоришь?

– О предательстве, – отчеканила мать. – Можешь считать, что Райковские нас предали. А их сын их поддержал.

– Я не знаю, о чем идет речь. Но то, что Иван поддержал своих родителей в чем бы то ни было, закономерно. Я бы вас, может, тоже поддержала, если бы знала, в чем дело. – Марьяна немного расстроилась. Она представляла, как мама обрадуется новостям, а тут такое... – В любом случае дяди Эдика и тети Светы уже давно нет. А Иван ту историю если и помнит, то значения ей не придает. Зато у меня есть шанс заработать тебе денег на лекарства на год вперед. Разве не хорошо?

– Может, ты всё-таки что-то другое поищешь?

– Не понимаю, – задумчиво сказала Марьяна, – я же для тебя стараюсь. Почему ты не хочешь меня поддержать?

На вопрос мама не ответила. Лия Николаевна обладала удивительной способностью неудобные вещи просто не слышать. И сказала она совершенно другое:

– Ты же знаешь, что я не могу работать вот уже много лет. Пока был жив отец, его зарплаты нам всем хватало. Но сейчас... Разве ты думаешь, что если бы я по-прежнему могла петь, то не обеспечивала бы себе жизнь? Разве ты думаешь, что я брала бы у тебя деньги, если бы была здорова? Марьяна, я иногда не могу понять, что за фантазии бродят в твоей голове!

– Да, – вздохнула Марьяна. – Бродят. По всей видимости. Только я о них не знаю.

Эту фразу мама тоже предпочла проигнорировать.

– Я у тебя ничего не прошу.

– Конечно, а я и не говорю, что просишь. Я тебе помогаю, потому что ты моя мама и я тебя люблю.

– Вот видишь. И ты знаешь, что волноваться мне вредно. Поэтому подумай о том, стоит ли тебе работать с Иваном.

Если бы это был не Иван, может, Марьяна и засомневалась бы. Мама всегда говорила очень убедительно, умела заронить в душу дочери зерна сомнений, прораставшие там пышным цветом. Только в некоторых моментах Лие Николаевне не удалось передалить дочь – в том, что касалось

квартиры или Фельки, например. Остальное... Марьяна привыкла прислушиваться к матери. Это было зашито у нее в подкорке и никак не преодолевалось. Любовь – страшная штука: мы любим наших близких, даже когда они говорят или делают что-то, с чем мы категорически не согласны. Или говорят нам вещи, которые делают нас мельче, трусливей, неуверенней...

«Впрочем, – подумала Марьяна, – нет. Это я позволяю неуверенности прорасти, я лелею сомнения. Мама тут ни при чем. Однако насчет Ивана никаких сомнений нет».

– Стоит. Других вариантов на данный момент нет, а такую возможность я упускать не буду. – Марьяна прямо посмотрела матери в глаза. – Нам необходимы деньги на жизнь и на твоё лечение.

– Если бы ты продала квартиру...

– Нет.

Сговорились они с Антоном, что ли? А может, и сговорились.

– Как знаешь, – поджала губы мать. – Я тебе добра хочу. Платишь там коммунальные, а могла бы здесь жить, всё меньше расходов, и комната твоя свободна...

– Я тоже – существо свободное. К тому же у меня кошка, а ты животных не любишь.

– А за что их любить? Шерсть, запах, шум. Кошку, впрочем, можно кому-то пристроить.

– Давай свернем эту тему. Я вообще-то приехала тебя порадовать, что у нас будут деньги.

– А я, неблагодарная, не радуюсь, – иронически произнесла Лия Николаевна. – Ну прости. Хотела уберечь тебя от Райковского, но если ты шишки хочешь набить... Поручишься, что он не хочет тебе отомстить за ту давнюю историю? Пообещает деньги, а потом обманет?

– Не обманет. Мы с ним договор подписали.

– Ах вот как! Уже подписали!

– Да и за что ему мне-то мстить? Я в той истории вообще ни при чем, даже подробностей не знаю.

– Да. А десять лет назад он так не считал.

Мама попала в точку, однако Марьяна уперлась. Она чуяла, что права. И даже знала, почему.

Может, Иван бы и хотел что-то такое сделать, если бы приехал один. Но он попросил Марьяну присматривать за Евой. Вряд ли бы он затеял сложную комбинацию с целью отомстить старой знакомой, вовлекая в это обожаемую дочь. Совершенно точно – нет.

– Давай закроем тему, – предложила Марьяна и взяла с тарелки бублик. – Я пойду на четыре месяца работать к Ивану, помашу ему рукой, когда он улетит обратно в Америку, а у нас с тобой будут деньги.

– Хорошо, – нехотя согласилась мама. – И, кстати, о деньгах. Я хотела с тобой поговорить...

С этой фразы обычно начинались довольно крупные траты.

– Сапоги купим на выходных.

– Речь не о сапогах. Арина пробила путевку в санаторий в Белоруссии. Там как раз занимаются такими случаями, и препараты у них есть хорошие. И СПА... В общем, Арина говорит, что если за полцены, то она уговорит знакомых, мне выпишут направление. И она сможет со мной поехать, чтобы присмотреть.

– Сколько это стоит?

– Около семидесяти тысяч. На одного. Арина платит из своих, но я бы ей тысяч десять дала, ведь она так помогает...

Марьяна помолчала.

– Mam, – осторожно сказала она наконец, – это реально большие деньги. И на тетю Арину у нас точно не хватит.

– Конечно. А ведь она всё время тут, поддерживает меня. Ездит со мной повсюду, пока ты работаешь. Сегодня тоже придет, когда с дежурства придет. И она добывает лекарства по сниженной цене, иначе бы мы переплачивали. – Мама указала на полочку, где стояли баночки со сложными названиями. – И эти путевки – ты думаешь, их так легко достать раз в полгода? Арина и врачи говорят, что благодаря этим поездкам я до сих пор чувствую себя нормально. Если от них отказываться, да еще осенью, когда все болеют гриппом и хватают вирусы...

Марьяна молчала. Она понимала, что мама права, от санаториев действительно есть польза – каждый раз мама возвращалась оттуда посвежевшей, отдохнувшей и около месяца вообще не жаловалась на самочувствие. Но семьдесят тысяч, и еще тетя Арина... Ох.

– Вот теперь я точно уверена, что мне надо работать у Ивана. Тогда можно и санаторий оплатить.

– Если ты твердо намерена ему поддаться, хорошо. Тогда сделай это с пользой. Ты говоришь, у него много денег?

Марьяна пожала плечами.

– Ну, судя по всему, да. У него тут хорошая съемная квартира, дом в Америке, и он меня нанял... Деньги есть.

– Займи у него, – предложила мама. – Тебе он даст без процентов. Тогда можно не в Белоруссию поехать, а в Германию. Ты же знаешь, там

есть разные клиники, которые...

– Мама, я ни у кого заниматься не стану. Немецкие клиники – это очень, очень, очень дорого. Мы потом в жизни с долгами не расплатимся.

– Квартиры бы хватило.

Настроение у Марьяны испортилось окончательно, и мама это почувствовала. Стоило дочери открыть рот, как Лия Николаевна произнесла:

– Ладно-ладно. Я не буду настаивать. Немецкое лечение действительно слишком дорогое для такой пенсионерки, как я. Обойдемся Белоруссией. Да?

– Да, – вздохнула Марьяна. Мама просветлела лицом.

– Прекрасно! Когда ты сможешь привезти деньги? Путевку надо оплатить на этой неделе.

Глава 9

Иногда Марьяна задумывалась и не могла понять: сколько в ее любви к матери именно любви, а сколько – чувства вины и ответственности, которое не избыть ничем?..

Родителей не выбирают. Марьяне повезло родиться не в семье алкоголиков, коих на просторах российских пруд пруди, и не у сектантов, и не у нищих, едва сводивших концы с концами... Мама долгие годы была певицей, обладательницей тончайшего сопрано, ездившей с гастрольями в составе ансамбля по всему Советскому Союзу. В ансамбле она была одной из ведущих солисток, ее показывали по телевизору, а однажды сам президент (Марьяна не помнила, какой именно) удостоил ее похвалы.

С Михаилом Ковалевым Лия познакомилась в Москве, решила, что он ей подходит, и вышла за него замуж через два месяца знакомства. Он и вправду ей подходил – начальник цеха на заводе, обладатель собственной квартиры, которую можно было, в крайнем случае, продать и жить припеваючи. У Лии тоже была своя жилплощадь, полученная от государства в результате долгих и нудных интриг. Но результат того стоил. Девочка из коммуналки хорошо устроилась в жизни.

Михаил Лию очень любил и настаивал на детях. Она согласилась, поставив условие, что придется нанимать няню на время гастролей. Деньги в доме водились, поэтому на няню Михаил согласился легко. И Лия родила Марьяну.

А потом всё пошло не так. Нет, девочка родилась здоровая, крепенькая, и молоко у Лии было, только вот голос начал портиться. В нежном сопрано появилась хрипотца, и не приятная, завораживающая, а надломанная, сухая, словно треск ломающейся ветки. Перепуганная Лия кинулась по врачам, те развели руками – а что вы хотите? Рожали поздно, в тридцать пять, гормональный фон изменился. Голос уже не вернется.

Лия не верила. Она обошла множество врачей, от именитых светил до откровенных шарлатанов, потратила кучу денег, но голос исчез окончательно. Нет, петь мама по-прежнему могла, однако ясности, красоты и летучести больше не было. Руководитель ансамбля некоторое время слушал это безобразие, а потом вежливо посоветовал уступить дорогу молодым. Лия была гордой: в ансамбле не осталась, ушла, хотя ее никто не гнал. Но она-то планировала славу, она уверенно двигалась к званию народной артистки! А тут такая подлость, устроенная собственной

дочерью.

Марьяна всегда знала, кто виноват в том, что мама больше не поет. Если бы не она, Марьяна, Лия бы достигла оглушительных успехов, а так... Поэтому теперь до конца жизни дочь обязана матери помогать. И отцу, хотя его вина тоже имелась: именно он практически заставил Лию рожать. Ей самой дети не требовались.

Через пять лет после рождения дочки Михаил уговорил жену попробовать еще раз. Вдруг гормоны снова взиграют и получится начать петь! Лия согласилась – терять-то уже нечего! – и родила Антона. Голос не возвратился. Впрочем, к сыну претензий не имелось, не он послужил причиной обрыва столь многообещающей карьеры. А вот Марьяна...

Девочка маму и папу очень любила, свое место прекрасно знала и еще в детстве дала себе зарок: сделать так, чтобы мамина жертва была не зря. Пока был жив папа, он обеспечивал семью – вначале всем необходимым, а потом, когда времена поменялись и возникли в бизнесе новые правила, уж как мог... Но как-то отложил денег именно для Марьяны, чтобы она купила себе квартиру.

С квартирой вышло неловко, а еще более неловко вышло с кошкой. Марьяна не знала, почему маму так бесит наличие Фельки, ведь живут-то они все равно отдельно, и мама кошку даже не видела никогда, только на фото! Лия Николаевна в гости к дочери не ездила принципиально, все из-за того же квартирного вопроса, вроде бы похороненного, но не забытого. А вот трехцветная любимица Марьяны вызывала у матери раздражение.

Может быть, потому, что это был очередной акт неповиновения. Что, если Марьяна забудет, кто самый главный человек в ее жизни? Кому она всем обязана, благодаря кому появилась на свет и кто ради нее пожертвовал самым драгоценным – своим голосом. Словно Русалочка из сказки Андерсена, променявшая дивное пение и способность говорить на пару ножек. Каждый шаг причиняет боль, но любовь к принцу сильнее. Вот и мама была такой русалочкой. Она говорила, что любит Марьяну, – нечасто, но говорила, она вырастила ее, и теперь Марьяна ее поддерживает. Как иначе?

Несомненное преимущество обладания небольшим количеством вещей – быстрые сборы. Да и не на сто лет уезжали они, а всего на четыре месяца. Даже меньше. Сейчас уже сентябрь перевалил за середину, а Иван надеется вернуться в Америку к Рождеству.

– Католическому, а не православному, – объясняла Марьяна Фельке, собирая чемодан. – У них там, на другом конце света, всё шиворот-навыворот. Но нам-то с тобой всё равно, да?

Фелька соглашалась. Она понятия не имела, что такое Рождество, а Новый год отпраздновала пока только один раз и жутко пугалась фейерверков.

В большой чемодан, который Марьяна когда-то наивно купила для путешествий и который с тех пор ездил лишь один раз – в Стокгольм, влезло всё нужное. Одежда, белье, косметика, туфли на всякий случай... Марьяна не особенно усердствовала в сборах. Чай, не в Антарктиду отправляется с экспедицией, а всего лишь в центр Москвы. Если что-то забыла, а оно вдруг понадобится, можно съездить домой и забрать.

Фельку погрузила в переноску, верой и правдой служившую в поездках к ветеринару, цветок алоэ аккуратно поставила в пакет (не мотаться же поливать через полгорода, проще с собой), огляделась... Квартира словно обняла ее на прощание: иди, не задерживайся, я подожду!

С Иваном Марьяна договорилась, что приедет к двум часам дня в среду, тогда он будет дома и Ева тоже. Предстояло обживаться, узнавать свои новые обязанности, которые Иван пока обрисовал приблизительно, а Марьяна лишь быстро просмотрела в договоре, и привыкать к тому, что она снова живет с кем-то, а не одна.

Удивительно.

Лене Марьяна вчера позвонить не успела, только кратко описала ситуацию в «WhatsApp». Подруга ответила коротким «офигеть», а потом взяла с Марьяны обещание, что та позвонит вечером и всё расскажет. И что она, Ленка, уже завела подруге Инстаграм и жаждет пиарить ее фото. И еще нужны фотографии для антикафе распечатать...

Как говорится, то пусто, то густо. То ничего не происходит, то всё сразу.

Вызванное через приложение такси приехало вовремя и к двум часам, как штык, доставило Марьяну к дому Ивана. Предупрежденный охранник на входе пропустил ее без проблем, даже помог втащить в лифт чемодан. Иван еще вчера выдал Марьяне запасной ключ от квартиры, чтобы можно было беспрепятственно попадать туда в отсутствие хозяев. Поднявшись на последний этаж, Марьяна вытащила из лифта чемодан, открыла дверь, плюхнула на пол переноску с мяукнувшей Фелькой, аккуратно – пакет с алоэ и перевела дух.

– Марьян, это ты? – Иван спускался по лестнице, за ним семенила Ева. – Ага, вижу, что ты. Отлично, вовремя. Мы как раз закончили готовить твою комнату.

– А ее требовалось готовить?

– Ева сказала, что да.

– Ладно, – согласилась Марьяна, присела и открыла дверцу переноски. – Ева, иди сюда. Тут кое-кто хочет с тобой познакомиться.

Девочка подбежала и ахнула:

– Это кошка? Вы привезли кошку?!

– Да, это моя кошка, ее зовут Фелька. Твой папа разрешил ей тут пожить вместе со мной.

Ева оглянулась на отца, и тот кивком подтвердил: правда.

– У меня был хомячок, – сообщила Ева, присаживаясь на корточки и заглядывая в переноску. Ошалевшая от незнакомых голосов и новых запахов Фелька, собравшись в недоверчивый пушистый шар, выходить не спешила. – Только они недолго живут. Мой умер три месяца назад. Папа сказал, что, когда мы вернемся из России, заведем кошку или собаку.

– Было дело, – согласился Иван, – и заведем. А может, и кошку, и собаку, и будем ставить эксперименты – поспорят или нет?

– Ты что, пап! – возмутилась Ева. – Не надо их ссорить! Надо жить дружно!

– Если маленькими того и другого брать, они подружатся обязательно, – успокоила девочку Марьяна.

– Точно, – согласился Иван. – Я золотого ретривера хочу. Слабоумие и отвага! Он прекрасно в нашу семью впишется.

– Фелька! – Ева легла на пол, заглядывая в переноску. – Почему она не выходит?

– Опасается. – Марьяна сунула руку в пластиковый ящик и погладила кошку. – Фель, хорош стесняться, давай, выходи.

Словно поняв, что именно хозяйка ей сказала, кошка высунула из переноски голову, а потом осторожно выбралась наружу. Иван присвистнул, и Фелька опасливо на него посмотрела.

– Марьяна, ты не говорила, что она такая!

– Какая? – немножко напряглась девушка.

– Классная. И необычная. – Иван подумал немного и добавил: – На тебя похожа.

– Я вроде другой масти, – усмехнулась Марьяна.

– Да, на голове у тебя шерсть светлая. А ты на себя в зеркало смотрела сегодня? Штаны черные, блузка рыжая...

– Ой, и правда! – засмеялась Ева. – Вы похожи! А можно ее погладить?

– Конечно, – разрешила Марьяна, – она не кусается. Дай ей обнюхать руку, вот так...

Фелька провела носом по пальцам девочки, а потом, видимо, окончательно успокоившись и поверив хозяйке, что та не притащила ее в

дурную компанию, потерлась о протянутую ладонь. Ева засмеялась и принялась наглаживать кошку, немедленно включившую урчальник.

– Ласковая, – уважительно заметил Иван. Он стоял, сунув руки в карманы джинсов, и покачивался с носка на пятку. Марьяна посмотрела на него снизу вверх.

Сильный, умный, успешный мужик. Красивый. Пусть не голливудский штампованный красавец – да кому они нужны! Но обаятельный, этого не отнимешь. Глаза зеленые-зеленые, как у колдуна какого-нибудь, и улыбка эта...

«Не по Сеньке шапка, – напомнил внутренний голос. – А еще он твой работодатель. Где наша губозакатывательная машинка?»

– Иван, давай я вещи в комнату отнесу, и мы с тобой обсудим, что мне нужно делать. – Марьяна поднялась с пола и принялась расшнуровывать ботинки. – А то мой рабочий день уже идет полным ходом.

– Ой, комната! – подскочила Ева. Фелька недовольно мявкнула – чего чесать перестали? – Мы же должны вам показать!

– Сейчас покажем. Марьяна, давай я чемодан возьму. А это что в мешке?

– Алоэ. Его зовут Алоэ. Тоже поживет с нами.

– Я, кажется, искал одну помощницу, а получил целый отряд, – оценил Иван. – Прекрасно.

Фелька охотно позволила взять себя на руки, Ева аккуратно усадила кошку на плечо, Ивану достался чемодан, а Марьяне – алоэ. Короче, все оказались при деле.

Комнату, которую ей выделили, Марьяна еще не видела. Иван открыл одну из дверей на втором этаже, за ним прошмыгнула Ева, а потом зашла и Марьяна. Огляделась и заулыбалась во весь рот.

– Как здорово! Спасибо!

Маленьких каморок в этой квартире не имелось в принципе, даже кладовка поражала размерами, а тут целая комната для гостей – то есть для нее, Марьяны. Светлая, просторная, с большим окном, откуда открывается не менее прекрасный вид, чем из остальных окон в квартире, широкой кроватью, столом, встроенным шкафом и собственной ванной... Комната была больше, чем всё Марьянино жилье. А на столике у кровати стоял роскошный букет роз.

– Это я придумала. – Ева спустила Фельку на пол, и та двинулась исследовать помещение. – Женщины ведь любят цветы, так? Я – люблю!

– Спасибо, – кивнула Марьяна, – это очень приятно. И розы мне нравятся.

- Вот, папа! Я же говорила!
- Истинная правда, – согласился Иван. – Ева сама в магазине выбрала розы и попросила составить букет. Я был носителем кошелька.
- Неправда, ты тоже помогал!
- Ладно-ладно. Пойдем, Ева, Марьяне надо устроиться. Полчаса тебе будет достаточно? – Девушка кивнула. – Вот и отлично. Я в кабинете буду, помнишь, где он?
- Вроде да. За столовой.
- Вот и хорошо. А у тебя, Ева, занятия с Эммой Арнольдovной. И нечего кривить мордашку, учиться полезно. Папа твой учился – и что?
- Анализирует дурацкие запросы в «Гугле»! – ответила Ева явно привычной шуткой.
- Вот! Будешь учиться, станешь взрослой и тоже сможешь весело проводить время! Давай, идем.

Дверь за ними закрылась, голоса стихли. Фелька бродила по комнате, затем запрыгнула на кровать и уселась там, подумала, вытянула заднюю лапу и начала обрабатывать ее языком. «В любой непонятной ситуации – вылизывайся. Или ешь. Или спи». Простые правила домашней кошки, которые Фельку никогда не подводили. Марьяна тоже время от времени ими пользовалась.

Девушка подошла к окну. Московские крыши, нависшее над ними осеннее небо – снова собираются тучи, сентябрь в этом году холоднее, чем в прошлом. По ближайшей крыше бродит ворона, что-то высматривает. Горизонт затянут дымкой, и неясно, что там, за ним.

- Поживем – увидим, – сказала сама себе Марьяна. – Поживем...

Она тряхнула головой, отгоняя раздерганные мысли, и отправилась распаковывать чемодан и переодеваться. «Нас ждут великие дела!»

Глава 10

В кабинете Ивана, стильном, но совсем ему не подходящем (съемная квартира, что с нее возьмешь! Только несколько красивых, чем-то притягивающих взгляд пейзажей на стенах скрашивали впечатление), просидели до сумерек. Разбирались с тем, что будет делать Марьяна, как и каков у нее бюджет.

– Видишь, какая квартира нежилая? – говорил Иван. – Я так не люблю. Надо ей хоть немного нормальный вид придать. Подушки по диванам разбросать, коврики купить поярче...

– А не жалко тут потом оставлять будет? Или в Америку повезешь?

Иван посмотрел на нее, как на идиотку.

– Тут оставлю, конечно. В Америке у нас своих ковриков полно.

– Ясно.

– В общем, займись этим. С Евой ходите по магазинам и выберите, что понравится. Я тебе выдам карточку, денег там достаточно, трать, сколько тебе нужно.

– Я аккуратно. И все чеки принесу.

– Хорошо, – пожал плечами Иван. – Если хочешь.

– Дело не в том, что ты мне доверяешь карточку черт знает с какой суммой, – усмехнулась Марьяна, – хотя спасибо за доверие. Дело в отчетности. Я привыкла понимать, как идут дела и какие суммы куда тратятся. Для всего есть своя мера. И превышать ее просто глупо. Например, если можно заказать нормальные продукты в знакомом мне магазине, зачем переплачивать в десять раз, заказывая в пафосном? Лучше Еве игрушку купить.

– Это тоже будет входить в твои обязанности – следить за едой, за холодильником, заказывать, что нужно... Ты готовить умеешь?

– Сделаю сегодня ужин. Если понравится, буду готовить. – Марьяна любила стоять у плиты и экспериментировать и была асом в приготовлении картошки и гречки ста пятьюдесятью разными способами. Картошка и гречка – они дешевые и питательные.

– Хорошо. Если нет, найдешь повара. Уборку организовать, по моей просьбе съездить куда-нибудь. Еву временно к поликлинике приписать нужно, мало ли что. Ну и всё вот это, бытовое... Сама разберешься. Нам надо тут жить так, чтобы без напряжения. Работы много. – Иван потер лоб. – Я не хочу еще и о быте думать.

– А дома? Там, в Америке. Тоже у тебя помощница есть?

– Не-а. Дома – там всё привычное уже, налаженное. Конечно, клининговая служба приходит, продукты привозят, врачи есть уже знакомые, госпиталь частный. А тут я все связи растерял. У меня и так-то друзей в Москве было не очень много, переехал – и с теми почти не общаемся. Много там наобщаешься в Фейсбуке... Теперь есть приятели из «Гугла». Некоторые, как и я, из России. Вообще там русских много работает. Башковитые мы.

– И не поспоришь, – согласилась Марьяна.

– Слушай, я так и не спросил, как ты жила, – заявил Иван вдруг. – И чем сейчас занимаешься. Про антикафе знаю, кошку увидел, а остальное? Замуж вышла? – И тут же поморщился. – Извини, что я так в лоб. Совсем воспитание растерял.

– Всё в порядке. Замуж не вышла. Квартиру купила, маленькая, но своя.

Иван помолчал, а затем спросил будто с неохотой:

– Родители как?

– Мама живет там же. – Марьяна не знала толком, что отвечать, учитывая вчерашний разговор с матерью, и потому формулировала осторожно. – Папа умер, довольно давно уже.

– Извини. Я не знал. Соболезную.

– Я же говорю – давно.

– Такая смерть не имеет срока давности.

Помолчали. Марьяна думала, спросить Ивана или нет, а о чем думал Иван, понятия не имела. Решила не спрашивать. Может, как-нибудь потом.

– Антон, я на Фейсбуке видел, в какой-то группе играет... Или уже нет?

– Уже нет, – сказала Марьяна, – «Динамическая свекла» в прошлом. Жду, пока он впишется в «Флегматичный арбуз» или еще что-нибудь подобное.

У Ивана глаза полезли на лоб.

– «Динамическая свекла»? Seriously?

– Серьезней некуда.

– Ладно, с Антоном всё понятно. А ты?

– А я живу с кошкой и работаю в антикафе. Вот и всё.

– Да ну. – Но настаивать Иван не стал. – Хорошо, потом тебя расколю, партизанка.

– И я тебя. Правда, что ли, дурацкие запросы в «Гугле» анализируешь?

– «Как позвонить с мобильного в загробный мир?» – провыл Иван

мрачным голосом. – «Как стать вампиром в домашних условиях?» Или вот тоже из моих любимых: «Как открыть банку килек двумя ложками и тапком?» Боюсь представить, что происходит в жизни человека, спрашивающего «Гугл» о таком.

– Но это же очевидно, – покачала головой Марьяна. – Его жизнь полна определенности. У него есть банка кильки, две ложки и тапочка. Можно только позавидовать.

– В самом деле. Под таким углом я на это не смотрел. Вот что значит – свежий взгляд. Тебя бы к нам на совещания!

Марьяна улыбнулась. Ее – и на совещания «Гугл». Здесь должен прозвучать закадровый смех, не иначе.

– На самом деле к пользовательским запросам я не имею отношения, – объяснил Иван. – Работаю в IT-сфере, на перспективном направлении. Сейчас всё больше и больше внимания уделяется высоким технологиям, а там имеют огромное значение так называемые большие данные – big data. Если упростить, то я – специалист по обработке таких данных, data scientist. Мое нынешнее направление – оптимизация бизнеса. Понимаю, что расплывчато, но если я начну вдаваться в детали, мы отсюда до послезавтра не уйдем.

– Мы отсюда и так не уйдем в ближайшие месяцы. Data scientist – это звучит гордо. Ты всегда любил учиться.

– Это же интересно. А ты любила жить. Как у тебя с этим сейчас?

– Вроде получается.

– Вроде получается, – эхом повторил Иван и, словно встряхнувшись, сказал: – Продолжим с твоими делами. Насчет Евы и зоопарков...

Марьяна думала, что будет ужинать отдельно, однако Райковские и слышать ничего не захотели. Ева постучалась к ней в комнату, где Марьяна сидела за столом, намечая план действий, и позвала к столу.

– Да может, не надо? – попыталась отвертеться девушка. – Всё-таки это ваш семейный ужин.

– А папа сказал без вас не возвращаться. – Ева посмотрела на лежавшую на кровати кошку. – А Фелька ужинать пойдет?

– Кстати, да. Ей пора. – Марьяна подхватила кошку на руки. – Поесть она любит.

– А можно я ее понесу?

Фелька благосклонно приняла предложение. Ева тащила ее и поглаживала на ходу, лучась счастьем. Вот как мало надо ребенку!

Иван как раз раскладывал по тарелкам то, что Марьяна успела

приготовить, – картофельное пюре, салат из свежих овощей и котлеты. Ева потянула носом.

– М-м! Пахнет вкусно!

– Похоже, мы нашли настоящее сокровище, Ева. Наша новая помощница и готовить умеет.

– А папа готовит ужасно, – сдала родителя девочка. Отпущенная на свободу Фелька двинулась к миске, расположение которой выучила быстро, и захрустела сухим кормом. – Мы заказываем готовые обеды в ресторанах. Или папа меня приводит на работу, там очень вкусно.

Ужинали не у стойки на кухне, а в столовой. Стол был накрыт безликой серой скатертью, и Марьяна подумала, что раз уж ей дали карт-бланш на благоустройство дома, надо хоть скатерть купить веселенькую. Сразу весь вид поменяется. Может быть, пэчворк...

– Марьяна Михайловна, – вежливо выговорила Ева, – а почему кошку зовут Фелька?

– Это сокращенное от полного имени – Фелисити. Ну, или по-итальянски – Феличита.

– Ух ты! Ее зовут Счастье?

– Да. Потому что она приносит мне счастье.

– Трехцветные кошки, по приметам, вообще счастливые, – авторитетно заявил Иван, жуя котлету и поглядывая на деловую кошачью спину. Фелька продолжала хрустеть кормом. – Где ты ее раздобыла? В питомнике купила?

– Она чистокровная подборанка.

Ева нахмурилась и повторила по слогам:

– По-доб-ран-ка... Это такая порода, да?

– Нет, радость моя. Это значит, что Марьяна нашла кошку на улице, в помойке или под забором.

– Вообще-то под машиной.

Вечер был премерзкий. Резко похолодало, а Марьяна взяла с собой только легкую кофту и от метро до дома практически бежала, чтобы не окоченеть. Вечерние смены иногда заканчивались поздно, некоторые засидевшиеся компании из антикафе выпроваживались с трудом. Сегодня Марьяна практически пинками выставила азартных любителей настольных игр, уговорила влюбленную парочку продолжить вечер где-нибудь в другом месте, а заработавшийся бизнесмен вообще рассыпался в благодарностях, так как Марьяна насыпала ему печенек на дорожку. Но – время было позднее, двигалось к полуночи, а завтрашняя утренняя смена тоже принадлежала Марьяне. Девушка спешила от метро и мечтала, как сейчас

поест, а потом под душ, а потом – спать! Немедленно спать!

Она уже почти дошла до въезда в их «новостроечный» комплекс, когда что-то заставило ее остановиться. Позже Марьяна решила, что это был звук – тонкий, жалобный плач на грани слышимости. В тот же момент она просто поняла: что-то не так! – и завертела головой, пытаясь определить источник в окружающем мире. А потом сообразила: присела и посмотрела под ближайшую машину.

Конечно, ничего Марьяна там не увидела: ночь же. Пришлось лезть за смартфоном и фонариком подсветить загадочное машинное подбрюшье. И, конечно, источник звука сразу обнаружился: сжавшийся в комок котенок, шарик облезлого меха с двумя огромными глазами в центре. Марьяна даже не могла понять, сколько месяцев или дней этому комку, какого он пола и насколько велика вероятность, что, будучи извлеченным, он издохнет от истощения и блох прямо на Марьяниных руках.

Пройти мимо и оставить комок издавать ультразвук дальше – такой вариант даже не рассматривался. Котенок явно был в беде. Этого достаточно.

Следующие полчаса Марьяна, лежа на пузе на холодном асфальте, уговаривала котенка выйти. Комок пуха не поддавался, никакие аргументы на него не действовали, но время от времени он открывал розовую пасть и издавал нежный печальный звук. Марьяна перевела этот как: «Поуговаривай меня еще, чтобы я убедился в твоей надежности. А то мало ли кто тут ночами ходит».

Наконец, через полчаса увещаний, обнюхивания протянутой руки и неслышного мява, Марьяне удалось ухватить пациента поперек тощей тушки и извлечь на свет. Под фонарем стало видно, что котенок трехцветный – а значит, кошечка, коты трехцветными не бывают.

– Могла бы догадаться, – с чувством сказала Марьяна, заворачивая грязного найденыша в и так уже безвозвратно погибшую кофту. – Только дама могла так долго ломаться.

Дома Марьяна сунула кошечку в картонный ящик, чтобы та не забила за диван, и быстро погуглила круглосуточные ветеринарки. Слава Интернету и развитой инфраструктуре: одна клиника обнаружилась буквально на соседней улице. Туда-то Марьяна вместе с ящиком и ввалилась полчаса спустя, а вышла через час с вымытым, накормленным таблетками и получившим укол котенком трех месяцев от роду, пакетом с едой, лотком и наполнителем. Врач в ветеринарной клинике не выказал никакого удивления – по всей видимости, котят ему приносили с завидной регулярностью.

Дома Марьяна выпустила совершенно одуревшего котенка из ящика. Она думала, что трехцветная кошечка заберется сейчас в первую попавшуюся щель и не будет появляться три дня, однако подборка ее удивила. Видимо, с судьбой смирилась. Кошечка обошла квартиру, одобрительно пофыркивая, а затем вспрыгнула на диван и принялась вылизываться. Марьяна смотрела, как крохотное существо, всего пару часов назад мяукавшее под машиной, уверенно чувствует себя в обществе спасшего человека, и внутри разливалась непередаваемая нежность. У Марьяны никогда не было домашних животных, и она не представляла, что это такое – когда маленькое существо вдруг начинает тебе доверять. Даже слезы на глаза навернулись.

– Как же тебя назвать? – пробормотала Марьяна, разглядывая кошечку. – Трехцветки, говорят, счастливые. Лаки?^[4] Нет, это не о тебе... Как там еще? Фелисити? Точно. А сокращенно будешь Фелькой.

Ночью Фелька спала на подушке у новой хозяйки и категорически громко тарыхтела.

– Так что я просто извлекла ее из-под машины и забрала с собой, – закончила Марьяна рассказывать Фелькину историю. Ева слушала, открыв рот, как будто перед нею разворачивали волшебную сказку, а не банальный случай – котенка нашли на улице, эка невидаль. – С тех пор, вот уже больше года, Фелька живет со мной. Мы с ней друзья и партнеры. У нас договоренность, что она присматривает за домом в мое отсутствие.

– А она так может? Как собака? И всё-всё понимает? – замороженно спросила Ева.

– Иногда мне кажется, что да, – задумчиво произнесла Марьяна – и это была чистая правда. – Просто когда приходишь с работы и очень хочется отдохнуть, и настроение не особо хорошее, кошка, которая мурлычет под боком, – прекрасное утешение. Ну и к тому же животное дома – это очень интересно. Можно наблюдать за ее повадками, характером, узнавать, какие у нее интересы. Например, у Фельки самый главный интерес – это тунец. Когда я открываю банку консервов с тунцом, у кошки даже хвост дрожит.

– Тунец – это?..

– Тупа, – подсказал Иван. – Рыба такая.

– Фу-у! – сморщила нос Ева. – Я ее не люблю.

– Вот теперь можешь отдавать кошке, – подал коварный совет любящий отец. – Только не всё сразу. Иначе Фелька будет, как в том мультике про сферических животных, у нас по квартире кататься.

Глава 11

Утром Марьяна проснулась в ясном уме и трезвой памяти. Или в трезвом уме и ясной памяти? Неважно. С четким планом действий – вот это правда.

Вечером, попрощавшись с Евой и Иваном и закрывшись в своей комнате вместе с Фелькой, получившей-таки порцию тунца, Марьяна села думать. Думалось так: всё хорошее, как и плохое, преходяще, а значит, следует подстелить соломку, пока есть возможность. Иван дал шанс немного поправить дела, но, учитывая мамину поездку в санаторий и огромный долг Антона, это лишь отсрочка. И к тому же Иван скоро вернется в Сан-Диего, где под боком живут в зоопарке слоны, а над двухэтажными особняками светит немеркнущее солнце. Марьяна же останется в своей крохотной квартирке вместе с Фелькой, и всё продолжится, как раньше шло.

– Ничего, милая, – бормотала Марьяна, обнимая прильнувшую к ней кошку и мысленно набрасывая план действий. – Мы справимся. Мы вместе, а значит, справимся, да?

Фелька урчала в ответ: «Справимся, конечно».

Мама никогда не понимала, кем для Марьяны была эта кошка, а Марьяна и словами толком не могла выразить свои ощущения. Просто с того момента, как она услышала мяуканье из-под машины, жизнь свернула и пошла чуточку иначе. Вроде бы Марьяна продолжала делать то же, что и всегда, неистово зарабатывала деньги, металась между Антоном, мамой и домом, и при этом свободы стало больше. Марьяна никогда и никому не призналась бы, что за неделю до появления Фельки почти решила продать квартиру, о чем настойчиво говорила мама, и оплатить ее лечение, оставив «подушку безопасности» на черный день. Но мама не терпела животных, а Фельке нужен дом. И квартира осталась. И кошка осталась.

Может, мама ощущает, что ее, по сути, променяли на кошку? Впервые, лежа на удобной кровати в роскошной квартире Ивана, Марьяна подумала об этом именно такими словами. Мама никогда не скажет подобного вслух, но она – тонко чувствующий человек, как все творческие личности. Возможно, она ощутила...

Марьяна встряхнула головой и покрепче прижала Фельку к себе. Это мерзкие мысли – сравнивать маму с кошкой. Ленка когда-то в сердцах брякнула: «Да она просто тобой пользуется и давит на чувство вины!» –

имея в виду Лию Николаевну, а потом долго извинялась, хотя так и не сказала, что не имела этого в виду. Лена относилась к матери Марьяны с настороженной вежливостью, очень уж разные характеры у них были. И, может, высказалась так оттого, что не понимала, через что маме пришлось пройти и через что она проходит сейчас... Впрочем, это неважно. Просто произнесенная Леной вслух мысль вспоминалась иногда.

Сейчас Марьяна порадовалась, что не является личностью слишком легкомысленной. Другая бы выдохнула: вот денежка будет, а дальше посмотрим! – но Марьяна прекрасно знала, как могут возникать на пустом, казалось бы, месте неожиданные траты.

Поэтому план был таков. Через пару дней, когда она тут освоится, надо снова сесть за списки конкурсов и выбрать, куда отсылать снимки. Потом сделать эти самые снимки, если подходящих в архиве нет. И вдруг... Тут тоже на везение надеяться особо не придется, вокруг масса фотографов гораздо круче, однако не попробуешь – не узнаешь. И о любимых биржах труда не стоит забывать. Вдруг да удастся выполнять хотя бы небольшие заказы?

Следующая неделя прошла, как во сне. Марьяна просыпалась рано, около шести, и тут же начинала бурную деятельность. Иван говорил, что в Америке у них есть помощники по дому, а тут никого нет, и Марьяна не удивилась, что Райковский немного растерялся. Когда ты витаешь мыслями в работе, а в остальное время думаешь о дочери, то нелегко перестроиться с уже налаженного быта на временный, да еще по-русски разухабистый.

Немного поругавшись по телефону с коммунальными службами, обзвонив клининговые компании и компании по организации быта (и такие имелись в Москве), прошерстив миллион сайтов с доставкой всего чего угодно на дом (Иван выдал Марьяне во временное пользование ноутбук), девушка засучила рукава и взялась за работу. Через три дня дом сиял, продукты исправно доставлялись ранним утром, чтобы приготовить завтрак из свеженького, а на субботу и воскресенье Марьяна запланировала для Евы культурные мероприятия (выговорив себе пару часов, чтобы съездить к маме и решить сапожный вопрос). Иван виновато сказал, что к культурным вылазкам присоединиться, скорее всего, не сможет. Проект «горел».

– Вот через пару недель или месяц, может, будет небольшой перерыв, тогда смогу с вами в зоопарк сходить. Если, конечно, Ева захочет по второму разу.

– Папа, ты что? – девочка выразительно покрутила пальцем у виска. –

Я и десять раз могу туда сходить! И двадцать!

То, что Ева – великая фанатка животных, Марьяна поняла быстро. Хотя Иван в самом начале и упоминал об этом, но реальность оказалась еще убедительнее. Ева буквально влюбилась в Фельку и старалась при каждом удобном случае погладить кошку, а та, особа тактильная, не только не сопротивлялась – напрашивалась. В результате Марьяна стала на ночь оставлять дверь в свою спальню приоткрытой. Не потому, что ожидала визита прекрасного принца, а потому, что Фелька повадилась гулять по квартире и под утро сворачиваться клубком в ногах у Евы. Кошке нравились открывшиеся перед нею пространства, нравились новые люди. Марьяна уже давно научилась доверять своей любимице: к некоторым личностям, иногда заглядывавшим в гости, Фелька относилась настороженно, и потом оказывалось, что люди эти – так себе. А с теми, к кому на руки шла сразу, проблем никогда не было.

Антон позвонил к концу недели, осторожно поинтересовался, как идут дела, и даже не скрывал свою радость, когда Марьяна сообщила, что – хорошо.

– Как у тебя самого дела с работой? – пресекла она бурное выражение братского восторга.

Антон замялся.

– Ну... тут открываются кое-какие перспективы. Я пока не буду говорить, чтобы не сглазить.

– Законные перспективы? – Марьяна понизила голос. – Ты же не придумал что-то вроде «перезанять у одной преступной группировки, чтобы переотдать другой преступной группировке»?

– Нет, я еще не настолько с катушек съехал, чтобы снова связываться с ребятами типа Червонца, – печально усмехнулся Антон. – Мне его одного прекрасно хватает. Я тебе потом расскажу, сестренка. И вот еще что... Мне мама жаловалась, что ты у нее перестала бывать. Я ей постарался объяснить, но ты же знаешь маму...

Марьяна закатила глаза. Честно говоря, всю эту неделю ситуация с матерью, деньгами и поездкой в белорусский санаторий вызывала глухое раздражение, а после слов Антона словно трубу прорвало.

– Я тут вкальваю для того, чтобы тебе можно было ноги унести от твоего Червонца и маме с лекарствами и лечением помочь, и я же – неблагодарная дочь? Я вообще могу этого не делать, Антон. – Она понимала, что в ситуации с мамой брат вовсе ни при чем, просто он попал под горячую руку. – Положить деньги на свой счет, потратить всё на себя...

– Ага, как ты с квартирой сделала, – неожиданно зло перебил ее

Антон. – Почему папа оставил эти деньги именно тебе? Почему с такими условиями? Я вот до сих пор не понимаю. По-моему, это был аванс, так что...

Прежде чем Антон успел сказать что-то еще более гадкое, Марьяна положила трубку. Потом минут десять сидела, постукивая смартфоном по колену и размышляя. У нее не было сомнений, прав брат или нет и права ли она сама – в случае с квартирой Марьяна в этом не сомневалась. Но, как и Антон, до сих пор не понимала, почему...

Папа умер, боль от его потери стала чуть меньше, хотя, конечно, не ушла совсем и не уйдет никогда. Отца Марьяна очень любила, а он любил ее, хотя разницы между своими детьми в этом плане никогда не делал. Что Антон, что Марьяна – оба были любимцами папы. Вот мама Антошку выделяла, а отец... Марьяне иногда казалось, что его любви хватило бы еще на целый выводок маленьких Ковалевых.

Через три года после смерти отца, в день Марьяниного рождения ей позвонили из нотариальной конторы и вежливо попросили явиться в связи с завещанием ее отца. Недоумевая, всё семейство отправилось к нотариусу, где им на блюдечке преподнесли ошеломительную новость. Оказывается, отец скопил крупную сумму, несколько миллионов рублей, и оставил ее Марьяне с одним условием: по достижении определенного возраста она получит эти деньги... на покупку собственной квартиры. Ни на что другое они не могли быть потрачены. Если покупка обойдется в меньшую сумму, чем есть на счету, остаток отправится на ремонт, обстановку и погашение коммунальных.

Антон и Марьяна сидели с открытыми ртами, а мама, сначала возмутившись, быстро успокоилась и сказала:

– Конечно, мы купим квартиру, потом ее продадим...

– Прошу прощения, – вежливо перебил ее нотариус, – но по условиям завещания квартиру можно будет продать только через три года после приобретения. И решение по этому вопросу принимает единоличный собственник – Марьяна Михайловна Ковалева. А теперь я хотел бы попросить вас и Антона Михайловича выйти. Мне нужно переговорить с Марьяной Михайловной наедине.

Мама с видом оскорбленной королевы поднялась и покинула кабинет, Антон поплелся за ней. Когда дверь за ними закрылась, нотариус обратился к Марьяне уже мягче:

– Я понимаю, что для вас это некоторый шок. Ваш отец оставил письмо для вас, – и протянул Марьяне узкий белый конверт. – Я выйду, чтобы вы могли спокойно его прочесть.

Письмо ни капли не прояснило ситуацию. Оно было до обидного коротким. *«Дорогая моя Марьяшка, – писал отец. – Не удивляйся, а просто порадуйся этому небольшому подарку. Хочу, чтобы у тебя было место для себя, а там уж – как сама решишь. Ты девочка умная и во всем разберешься. Очень тебя люблю и скучаю, точно скучаю, не сомневайся! Твой папа».*

Небольшой подарок! Когда, обсудив с нотариусом подробности, Марьяна вышла из кабинета, то обнаружила одного лишь Антона, подпиравшего стенку.

– Мама уехала, – пояснил он. – Ну что? Почему всё так?

Марьяна покачала головой.

– Не знаю. Просто... папа так решил.

– И что ты будешь делать?

Сестра посмотрела на него темными синими глазами и ответила:

– Покупать квартиру.

С тех пор между Марьяной и ее родственниками и побежала трещинка. А может, это случилось гораздо раньше? А может, позже – в тот момент, когда Марьяна несла завернутую в кофту несчастную Фельку, и, выпущенная на пол в подаренной папой квартире, кошка сделала ее настоящим домом? Неизвестно. Но что имеем, то имеем.

Мама, которой Марьяна позвонила вечером, закончив дела по дому Ивана, никакого недовольства не выказала. Только спросила, когда можно бы сапоги заказать. А то путевка вот-вот, а ехать не в чем.

С детьми Марьяна в последние годы общалась довольно часто: игровая комната в антикафе пользовалась популярностью, и не раз приходилось туда заходить, когда там бесилась визжащая радостная толпа. Бывало, приходили и семьи, чтобы поиграть, порисовать или позаниматься. Одна няня так и вовсе приводила подопечного мальчика в антикафе делать уроки, чтобы сменить обстановку. Утверждала, что в окружении сов и котиков математика дается Вадику лучше.

Марьяна понятия не имела, есть ли у нее самой педагогические способности, однако при виде ребенка паники не испытывала. И то, что предстояло проводить много времени наедине с Евой, девушку не смущало. Ева – воспитанная, умная девочка, это не времяпрепровождение, а сплошное удовольствие.

Субботний день выдался солнечным, на воскресенье обещали дождь, а потому решили воспользоваться случаем и поехать в Московский зоопарк. Иван дал Марьяне карт-бланш, однако некоторые условия оговорил

отдельно и жестко. Передвигаться по городу предполагалось только на такси, чтобы не подвергать девочку с калифорнийским иммунитетом риску подхватить в метро типичную российскую инфекцию. Марьяна подробно расспросила Ивана о здоровье Евы, однако ничего печального там не было. Здоровый привитый ребенок – антипрививочников Райковский яростно осуждал.

– И ведь не понимают, как они рискуют своими детьми! – аж вскипел Иван, когда об этом зашла речь. – Сколько уже зафиксировано смертей просто потому, что родители зомбированы телевизором и Интернетом! Взрослый человек может пойти и убиться, если ему так хочется, но детей зачем заставлять страдать? Я считаю, людям нужно сдавать экзамен на родительство. Если они не готовы к детям, то пусть и не заводят их. Не делать прививки – глупость несусветная.

Марьяна была с ним полностью согласна. В последнее время ей пришлось узнать довольно много о различных заболеваниях, как типичных, так и нет. То, как Иван заботится о своем ребенке и думает о здоровье Евы гораздо больше многих родителей, было правильным и... трогательным, что ли. Хотя, размышляла Марьяна, это же категорически нормально – любить детей и проявлять это подобным образом. Но скольким родителям наплевать? А скольким отцам?

Марьяне с отцом повезло. Мама, скорее, исполняла свои обязанности по отношению к детям – так, чтобы ее никто не мог в этом упрекнуть. Да, считала Марьяна, мама любит и ее, и Антона, просто она такой человек, который не умеет это привычным образом проявить. А вот забота... С разбитой коленкой Марьяна в детстве всегда бежала к папе, маму шокировать видом разодранной кожи девочке и в голову не приходило.

Памятуя об истовой любви Евы к животным, Марьяна не стала тянуть с визитом в зоопарк до обеда, и туда отправились на такси сразу после завтрака. Еву ничуть не смущало то, что она оказалась вместе с, по сути, малознакомой женщиной на целый день. Девочка охотно рассказывала Марьяне о своей жизни в Америке, с интересом смотрела в окно и каждые три минуты спрашивала, когда же наконец зоопарк.

– Жалко, что мы Фельку с собой не можем взять! Ей бы, наверное, тоже интересно было! – За эти дни Ева окончательно прикипела к кошке, и Марьяна с некоторым беспокойством думала, что грядет, когда этим двоим придется расстаться. Надо надеяться, что обещанный американский щенок (слабоумие и отвага!) затмит в Евиных глазах трехцветную московскую подборанку.

– Вряд ли, – усмехнулась Марьяна. – Фелька – домашняя кошка, и

тунец ей интересен не в аквариуме, а в консервированном виде.

Московский зоопарк прямо со входа произвел на Еву ожидаемо неизгладимое впечатление. Марьяна давным-давно была здесь – в царстве бассейнов, клеток и огороженных территорий, где жили те, кто почти не знал, что такое свобода. Отношение к зоопаркам у Марьяны было смешанное. С одной стороны, нехорошо запирают диких животных. С другой... Большинство из них родилось в неволе, некоторые – исчезающие виды... А если обратить внимание на лоснящуюся шерсть и круглые бока, живется тут зверушкам совсем неплохо.

– Кого ты любишь больше всего? – спросила Марьяна у Евы. – Слонов?

– Слоны – классные животные, но больше всего мне нравятся лисы и тигры.

– Тогда идем смотреть лис. И кошачьих всех размеров.

Следующие несколько часов слились для Марьяны в картину импрессиониста-анималиста. В памяти оседали крупные и мелкие мазки на холсте прохладного осеннего дня. Лоснящиеся бока морских львов, умилительно поведивших носами. Пламенеющая шерсть лисы, лениво развалившейся на пригорке. Сосредоточенные, почти злые мордочки японских макак, наблюдавших за людьми чуть ли не пристальнее, чем люди за ними. Торчащие из песка столбики сурикатов. И, наконец, яркие черные полосы на рыжей шерсти амурского тигра – вальяжного, текучего, словно вересковый мед.

– Тигр похож на Фельку! – Ева стояла, вцепившись в ограждение обеими руками, и, казалось, никакая сила не способна оторвать девочку от наблюдения за животными. – Смотри, Марьяна! У тигра тоже три цвета – рыжий, черный и белый!

Во время прогулки по зоопарку Марьяна и Ева как-то незаметно перешли на «ты».

– Фелька – маленький хищник. Но до тигра ей далеко.

– А может, так лучше. Ведь тигра нельзя держать дома.

– Некоторые дрессировщики пробовали, – хмыкнула Марьяна.

– Правда? – ахнула Ева. – Расскажешь?

– Я очень плохо помню, кто именно это был и чем кончилось дело. Но можем вместе поискать в Интернете и почитать.

– Давай! Сегодня вечером! Перед тем, как я спать пойду!

Сгущались сумерки, животные разбредались по клеткам, и поднялся ветер. Марьяна получше замотала Еву шарфом и сказала:

– Обязательно.

Когда выходили из зоопарка, у Марьяны зазвонил телефон. Девушка немного помедлила перед тем, как ответить. Вот казалось бы: целый день слушать вопли диких животных было терпимо, а слушать родной голос в трубке не хотелось. Но не ответить – значит, взволновать маму, а ей волноваться нельзя.

– Да, – сказала Марьяна в телефон и покрепче сжала руку уставшей, но счастливой Евы. – Да, я приеду завтра.

Глава 12

Утром понедельника Марьяна приступила к осуществлению своего коварного плана по покорению мира.

Пару раз на неделе пообщавшись с Ленкой, Марьяна выбрала несколько конкурсов, где ее фотографии могли бы пригодиться и где призы составляли весьма ощутимые суммы. Хотела отправить вообще на все подходящие сайты, но подруга сурово сказала: «Не размнивайся, выбирай лучшее», – и Марьяна впервые в жизни изменила своей привычке заполучать даже самое незначительное. Если останется время, то, может, потом она попробует. А сейчас – самые крупные конкурсы.

Проснувшись в шесть утра и быстро решив вопросы с доставкой еды и уборкой на сегодня, Марьяна устроилась в кухне за столом-стойкой и принялась на ноутбуке пролистывать свои снимки. Возникла проблема: решительно ничего не нравилось. После того как Марьяна насмотрелась на шикарные работы профессиональных фотографов, собственные казались ей примитивными и убогими. Ну что это такое – божья коровка на кошачьей пятке! Разве с этим можно победить...

«Главное – не победа, а участие», – эту фразу уже больше века повторяют олимпийцы. Марьяна тоже бы ее посмаковала, да вот беда – ей требовалась именно победа, и цель была меркантильной донельзя. Все же девушка за деньгами на конкурсы шла.

– Как думаешь, Фелька, – спросила Марьяна у кошки, устроившейся рядом, – насколько это плохо для кармы? Ну, то, что я пытаюсь заработать, а не выделиться?

– Одно другому не мешает, – сказал Иван у нее за спиной.

Марьяна аж подпрыгнула и резво захлопнула ноутбук.

– Ты меня напугал. Хочешь кофе?

– Угу. – Райковский, взерошенный ото сна, уселся за стойку и подпер кулаком небритый подбородок. – С пенкой. Большую кружку, пожалуйста.

Пока кофеварка варила кофе, а Марьяна копалась в холодильнике, чтобы предложить Ивану что-то на завтрак, приплелась и зевающая Ева. Она сунула голову Ивану под мышку и сказала оттуда:

– Пап, мне снилось, что мы дома...

– Ты и не заметишь, как время пройдет, и мы будем дома. – Иван погладил дочь по голове, такой же растрепанной, как и у него. – Что тебе снилось? Наш сад или твоя комната?

– Не-а. Что мы к морю поехали. Тут моря нет, я скучаю...

– Осень в Москве – страшная сила, – согласился Иван, взял девочку за бока и усадил на стул. – А ты очень-очень хочешь к морю?

Ева кивнула.

– Ну, если подумать, то это можно устроить.

Марьяна на них покосилась.

– А что, тут рядом есть океан? – замороженно спросила Ева. Иван щелкнул ее по носу.

– Ну да, конечно. Когда ты географию будешь нормально учить? Море не так близко. Можно, конечно, в Сочи, там вроде всё неплохо отстроили к Олимпийским играм, инфраструктура есть...

– В Сочи нынче холодно, – подала голос Марьяна. – Мне в антикафе рассказывали посетители, которые туда поехали на бархатный сезон – и потерпели сокрушительное поражение по всем фронтам. Весь отпуск в пуховиках ходили.

– Надо же, – удивился Иван. – Ну ладно, Сочи отменяется. Хм... Что бы такое придумать, если уж мне удалось выкроить две недели полного и категорического ничегонеделания? То есть самого настоящего отпуска. А, Ева?

– У тебя отпуск?! – девочка вскочила со стула и повисла у Ивана на шее. – Отпуск, отпуск, правда-правда отпуск?!

– Ты права, о моя любвеобильная дочь, – прохрипел полузадушенный Райковский. – Я успешно закончил кусок проекта и спихнул следующую стадию на подчиненных. Со среды мне нужно только за ними присматривать, а когда они доделают свою часть, снова включусь. Присматривать я могу и удаленно. Домой лететь далеко и дорого, но я думаю, мы найдем что-нибудь поближе.

– Если за границу – а визы? – поинтересовалась практичная Марьяна.

– Сделаем, – махнул рукой Иван. – Если есть деньги, а они есть, то за день-другой можно оформить. Я узнавал.

Марьяна сдержала вздох. Если есть деньги, проблем практически нет, это так. Именно сейчас она остро ощутила, как далеко ушел Иван от той квартиры с африканскими масками и головой пигмея. У каждого своя жизнь, и завидовать глупо, и уж точно для кармы нехорошо, а неприятное чувство – лишь минутная слабость. Марьяна всегда отвечала за себя сама, и ее счастье – исключительно ее проблема.

– Поэтому нам надо решить, куда именно поехать, – сказал Иван. – Ева, каковы твои требования?

– Море! – девочка запрыгала вокруг отца. – И чтобы пляжей много! С

ракушками и камушками, собирать! И чтобы животные были! И фрукты! И горки!

– Так, понятно. Твоим требованиям удовлетворяет практически любой стандартный курорт. Беда в том, что я европейских не знаю. Обратимся же к надежному источнику информации.

– Гугл? – спросила Ева.

– Марьяна, – сказал Иван.

Марьяна вздрогнула.

– Я-то тут при чем?

– Ты лучше Гугла, – совершенно серьезно заявил Райковский. – Я тебе даже доверяю больше.

– Да ладно!

– Именно так. Ты только что поразила меня до глубины души сводкой погоды с сочинского побережья. Поэтому давай, выкладывай, что еще говорили посетители твоего антикафе, куда бы ты поехала с удовольствием, а куда – ни за что на свете?

– Горящие путевки не покупайте, – тут же отреагировала Марьяна. Она с удивлением сообразила, что действительно многое слышала от посетителей «Сов и котиков», да и коллеги периодически бывали в отпуске дальше МКАД. – Турция, Египет, Эмираты – это всё не то. Туда возят набитыми чартерами, опоздания всюду, гостиницы так себе, вы наверняка не захотите быть в толпе.

– Не захотим, – согласился Иван. – И так наш иммунитет подвергается существенной встряске.

– Ну вот. Октябрь уже почти на носу. Многие хвалили Канарские острова, Тенерифе, например, у меня начальница в прошлом году там отдыхала. Я потом смотрела в Интернете; Канары, конечно, хороши, и погода там стабильная круглый год, но... Моя подруга Лена, когда вышла замуж, летала в свадебное путешествие в Грецию. На остров Крит. Привезла много фотографий и целую кучу впечатлений. И с мужем у них с тех пор мечта – из Новосибирска переехать на Крит. По-моему, там в сентябре и октябре можно купаться, а моря целых три – Критское, Ливийское и Ионическое. – Ленка так Марьяне этими морями уши прожужжала, что ночью разбуди – вспомнишь.

– Целых три моря, Ева! Как это тебе? По-моему, звучит неплохо.

– Три моря! Сразу! А как они между собой не ссорятся? – Девочка посмотрела на Марьяну с надеждой.

– Наверное, стараются договариваться, – предположила девушка. – Ходят друг к другу в гости.

– Я бы на это посмотрел – как моря ходят друг к другу в гости, – хмыкнул Иван. – Ну что, Ева? Посмотрим?

– Давай!

И тут до Марьяны наконец дошло, что он говорит серьезно.

– Иван, подожди... Ты действительно думаешь вот прямо так взять и полететь в Грецию?

– Ну да, а что такого?

Интонация, с которой он это произнес, сказала Марьяне всё.

Она вдруг в полной мере ощутила то, что смутно беспокоило ее раньше: между ней и Иваном Райковским пропасть не потому, что он стал зарабатывать много денег. Не потому, что он живет в доме в США, а она – в однушке на окраине Москвы. И не потому, что их карьеры не сравнить. А потому, что у него мозги устроены по-другому.

Иван – он словно распахнутый миру, почти весь. Почти, потому что имеются у него свои тайны, закрытые двери, о которых миру знать необязательно; это и верно: незачем выворачиваться перед чужими людьми наизнанку. Но в остальном Иван открыт – вселенной, людям, возможностям. Да, деньги имеют значение, а еще большее значение имеет то, что Райковский поступает так, как ему хочется. Он с интересом смотрит на происходящее и... ловит волну, что ли? Редкое человеческое свойство, обычно такими спонтанными бывают животные, вот хоть на Фельку посмотреть.

– Ты серфингом занимаешься? – спросила Марьяна. Иван вопросу не удивился.

– Пробовал немного, но всерьез заняться времени нет. А что? На Крите хороший серфинг?

– Понятия не имею. Думаю, ты это выяснишь.

– Не-е. – Райковский медленно потянулся, как ленивый кот. – Я намерен вести растительный образ жизни. Есть еду, пить кока-колу и переворачиваться под солнцем с боку на бок. Если захочешь, сама выяснишь.

– Обязательно, когда-нибудь, – согласилась Марьяна. Ева закончила прыгать вокруг Ивана и начала прыгать вокруг нее; Фелька забралась на кресло, от греха подальше. – Чем я могу тебе помочь? Позвонить в какое-нибудь агентство, где визы выдают? Билеты заказать? Гостиницу?

– Нет, этим я сам займусь. Ты только свой паспорт мне дай, если у тебя визы нету. Обещаю не брать на него кредиты.

– В смысле? – спросила Марьяна.

– В смысле? – приподнял брови Иван.

– Зачем тебе мой паспорт?

– Ты же поедешь с нами. – Он не спрашивал, а утверждал.

– Это как-то неожиданно. Я вообще-то планирую остаться здесь и присматривать за твоей квартирой, ты же для этого меня нанимал... – пролепетала Марьяна, придерживая издающую боевые вопли Еву, и села на стул.

– Марьян, – довольно жестко прервал ее Райковский, – давай сразу минуем стадию, когда ты ломаешься, и...

– Я не ломаюсь. – В голове у Марьяны всё смешалось, как в доме Облонских, однако она по-прежнему четко видела берега. – Иван, послушай меня. Это же твой отдых с дочерью. И ты мне ничем не обязан. И к тому же я сейчас не могу позволить себе отпуск, не могу надолго уехать из Москвы. Мама через пару дней должна отправиться в санаторий, и еще у меня тут... дела. – Не говорить же о том, что надо держать руку на пульсе и лавировать между здоровьем мамы и долгами Антона. – Я не набиваю себе цену и не прошу меня уговаривать, я просто объясняю тебе ситуацию. К тому же Фельку некуда девать. В кошачью гостиницу я ее не сдам, брат и мама за ней тоже присматривать не будут. – Опять же, не стоит говорить, что кошку к матери Марьяна не отвезла бы даже под страхом смертной казни. – И еще я...

– Фелька у тебя стерилизованная? – перебил Иван.

– Ну... да.

– Тогда выправить ей ветпаспорт для вывоза за границу – это тоже только вопрос денег.

– Мы возьмем с собой Фельку? Ура! – Ева подхватила мяукнувшую кошку и закружилась с ней в танце.

– Иван...

– Ева, – Райковский повернулся к дочери, – возьми, пожалуйста, Фельку и поиграй с ней в своей комнате. Нам с Марьяной надо поговорить.

– Хорошо!

Дождавшись, пока шаги Евы стихнут, Иван поднялся и подошел к кофеварке. Почти не глядя, нажал на кнопки, сунул на подставку кружку, а когда та наполнилась, поставил перед Марьяной.

– Давай, пей. И слушай меня.

– Да, сэр. Конечно, сэр.

– «Да, сэр», – передразнил ее Иван, но не обидно, а по-доброму. Уселся напротив, положил руки на столешницу – расслабленный, уверенный в себе, спокойный. – Я тебя посчитал в отпускную команду не потому, что мне смертельно нужен администратор в поездке. И не потому, что хочу на

тебе сэкономить, пока нас не будет в Москве. И не потому, что – дальше подставь сама любую причину, которая может прийти тебе в голову. Мои настоящие причины категорически эгоистичны. Мы с тобой не так давно стали снова общаться, и это общение мне нравится. Хотелось бы продолжить его в более спокойной обстановке, а если я останусь в Москве, когда могу уехать, то не удержусь и стану работать. Я трудоголик, Марьян. – Он улыбнулся совершенно американской улыбкой. – И это про себя знаю. Мне надо переключаться. Мне хочется проводить больше времени с Евой, вместе с ней открывать мир. Ты на нее хорошо влияешь. Она мне тут даже заявила, что хочет прическу, «как у Марьяны».

– Ужас какой.

– Это еще цветочки, полагаю. Так вот, раз уж мы снова встретились и наша дружба с годами не скисла, точнее, возродилась, как феникс, я хотел бы больше приятных воспоминаний, связанных с тобой. Эгоистично?

– Очень.

– Я предупреждал. Но есть еще одна причина. – Иван чуть подался вперед и накрыл своей ладонью ладонь Марьяны. – Это ты. Я наблюдал за тобой. По-моему, тебе *очень* нужен отпуск.

– С чего ты взял? – Ладони было тепло и приятно под рукой Ивана, однако бдительность терять не следовало.

– Ты тоже много работаешь. Мы с тобой одной крови – ты и я. Думаю, что в последний раз ты отпуск брала миллион лет назад. И если ты сейчас хочешь снова вывалить на меня все возражения – что не можешь себе этого позволить, что не уедешь из Москвы, – я тебе отвечу: всё решаемо.

– Моя мама...

– У тебя есть брат. Он способен две недели помочь маме. Или не так?

Марьяна вздохнула. Как, не посвящая Ивана в подробности, объяснить ему? И стоит ли объяснять? Она чувствовала: если сейчас она категорически откажется, больше Райковский предлагать не станет. Поедет отдыхать с Евой, а Марьяне не будет докучать, осуждать ее за решение или настаивать. И, по-хорошему, надо отказаться, но...

Ей очень хотелось поехать. Иван прав, она не была в отпуске миллион лет, даже не помнит, когда и куда в последний раз ездила. Хотя себе-то врать зачем? Помнит – Стокгольм. А остальные короткие поездки были, в основном на выходные и по России. Страна огромна и необъятна, в ней есть что посмотреть, но если хочется моря и в Сочи ходят в куртках, а в Калининграде сезон показывает отдыхающим фигу...

Марьяна вдруг представила: теплое, почти летнее утро, немного удивленный шелест моря, прогретые солнцем камни. Озадаченный

кузнечик, покачивающийся на травинке. Всплеск оранжевого лишайника на весь кадр. И, если повезет, – узор на крыльях бабочки, которые не водились и никогда не будут водиться в Москве.

Может быть, там удастся снять кадр, который будет нравиться Марьяне на все сто процентов? Напоенный солнцем, как удачей, пропитанный счастьем и удовольствием. Кадр, которым она будет гордиться, который появится на обложках фотографических журналов... Так, стоп. Размечталась. Хоть что-нибудь бы снять.

– Ты улыбаешься, – сказал Иван. Марьяна вздохнула.

– Отрицать бессмысленно. Когда тебе на блюде подносят кусок любимого торта, а ты не на диете...

– Значит, я тебя уговорил. – Он выглядел очень довольным, и Марьяна подумала: а может, и правда она ему – друг, как раньше? Когда ты впахиваешь, как проклятый, когда у тебя почти не осталось знакомых в городе, где ты родился, вот так быстро найти старую знакомую и вместе с ней вгрызаться в общий культурный слой – это, наверное, приятно.

Но мотивы Ивана – не ее забота. Не стоит залезать ему в голову, телепатией Марьяна не владела и такого не пожелала бы никогда в жизни. Со своей головой бы справиться, а другие головы сами по себе. Иван предложил то, что может. Ей самой это доставит удовольствие – так почему бы и нет?

Глава 13

Вылет был ранний. Вызванное еще с вечера такси приехало в срок, исправно довезло Марьяну, Ивана, Еву и Фельку до аэропорта и смылось, не прощаясь. Стояло глубокое, как омут, октябрьское утро – не утро еще, а ночь, пахнувшая бензином и холодом. Марьяне казалось, что ее окунули в нефтяную лужу, и немного потряхивало от недосыпа.

В аэропорту стало лучше. Он светился, как новогодняя игрушка, наборы которых наиболее предприимчивые магазины уже выложили на прилавки. Несмотря на ранний час, тут кипела жизнь. Суровые стражи на входе проверяли сумки, на табло сменялись рейсы, к стойкам регистрации стояли зевающие очереди. Сновали люди с тележками, на специальной подставке чемоданы заматывали в дивную зеленую пленку, а улыбчивая девушка раздавала скидочные флаеры на завтрак в ресторане в зоне вылета. Ева, разбуженная ни свет ни заря, уже вполне проснулась и дергала отца за руку, показывая то на яркий чемодан, то на рекламный стенд, то на группу индусов в белоснежных чалмах. Индусы стояли в очереди на вылет в Бишкек и выглядели загадочно и неприступно.

Билетами и всеми организационными вопросами занимался Иван, отдав Марьяне право собрать чемоданы и «законсервировать» съемную квартиру на две недели. Паспорт был торжественно вручен девушке только перед стойкой регистрации, и Марьяна уже не удивилась, увидев, как Райковский уверенно сворачивает к бизнес-классу. Она шла за ним и Евой, несла переноску с Фелькой (кошка пока относилась к предстоящему путешествию на удивление равнодушно) и желания сопротивляться свалившемуся нежданно-негаданно «богатому» отпуску не испытывала. Размышляла, скорее, о том, как бы хорошенько отблагодарить Ивана за такую возможность. Не каждый день тебе делают подобные подарки от всей души.

Четыре дня, за которые успели подготовиться к отпуску, слились для Марьяны в череду дел – казалось, не успеешь их переделать, но вот, кажется, удалось, и можно выдохнуть. Даже нашлось время заехать в антикафе и отвезти туда распечатанные снимки Фельки. Начальница поблагодарила и сказала, что выставку устроят в самое ближайшее время. Коллеги, услышав об отпуске, не вздыхали завистливо, а пожелали доброго пути и объесться морепродуктами. Словом, всё было в порядке. Почти.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – вежливо обратилась к Марьяне

сотрудница аэропорта, и пришлось очнуться от размышлений, веселых и не очень.

Всё прошло на удивление быстро. Фелька, к счастью, не наела себе бока, которые не позволяли бы ей лететь в салоне (по правилам авиакомпании, животные весом больше 8 килограммов должны были путешествовать в специальном отсеке), поэтому с ней тоже не возникло никаких проблем. По извечной своей привычке Марьяна ждала подвоха, ждала, что в последний момент как снег на голову свалится обстоятельство, событие или препятствие, и далекий пока остров Крит так и не станет реальностью, растворится в туманной дымке. Но нет. Посадочные талоны на руках, таможенный контроль промелькнул и вовсе незаметно, и не успела Марьяна опомниться, как уже шла за Иваном и Евой в бизнес-зал, чтобы скоротать время ожидания.

Устроившись в мягком кресле перед огромным панорамным окном, Марьяна словно погрузилась в бежево-золотистое облако. Светлая мебель, сияющий логотип бизнес-зала, пенка на капучино, которое принес Иван, – всё это оказалось настолько успокаивающим и расслабляющим, что девушка в полной мере ощутила: отпуск начался. И это не было похоже на сон. Тут-то Марьяна окончательно проснулась.

Небо наконец посветлело, низкое солнце подсвечивало облачные брюшки, и на гладких корпусах самолетов лежали оранжевые блики. Ева, забравшись в кресло с ногами, играла в слова на планшете, Иван решил, что неплохо бы позавтракать, и принес на стол несколько тарелок с закусками. Марьяна же пыталась свыкнуться с ощущением, что ей не надо ничего делать. Совсем ничего.

Конечно, можно открыть ноутбук и в оставшиеся до вылета полтора часа найти какую-нибудь легкую работу на одном из любимых сайтов, но... Это ведь отпуск. Впервые за долгое время. И если бы не одна мысль, поедаящая реальность, словно жучок-древоточец, всё было бы практически идеальным.

– Вижу печаль на твоём челе, – сказал Иван, сооружая себе многоэтажный бутерброд. – Не выспалась?

– Не в этом дело. – Марьяна вздохнула. Объяснять Райковскому всю запутанную ситуацию она была сейчас не готова. – Хотя, может, и в этом.

– Бери пример с кошки. Смотри, как спит.

Фелька и правда свернулась в переноске плотным калачиком и являла народу лишь часть упитанной спинки.

– Нам же на посадку скоро.

– И лететь почти четыре часа. Успеешь подремать.

Марьяна кивнула и, вдохновившись примером Ивана, взялась за хлеб и мясную нарезку. Плотный завтрак еще никому не мешал.

В самолете Фелька встревожилась и некоторое время заунывно орала, протестуя. Пришлось вытащить ее из переноски и взять на руки. Иван с Евой сидели впереди, но девочка постоянно вскакивала на кресло, чтобы погладить Фельку. Марьяна устроилась у окна, на втором кресле стояла переноска, и кошка, сообразив наконец, что ее жизни ничто не угрожает, залезла обратно и снова уснула. Марьяна вздохнула с облегчением. Все-таки уникальное животное ей досталось, что и говорить.

В бизнес-классе было мало людей, улыбочивые стюардессы разносили еду и шампанское, и Марьяна позволила себе выпить бокал. В носу щекотало от пузырьков, а в душе – от хороших и плохих предчувствий. Хороших было больше, плохие отзывались сильнее и скребли, скребли, скребли... как кошки, точно.

«Я потом им скажу, – думала Марьяна, глядя в окно на идеально взбитую облачную пенку. – Потом, когда вернусь. Или когда прилечу. Да, когда прилечу, позвоню и скажу. Иначе весь отпуск промучаюсь, испорчу себе всё сама. Надо сказать».

Марьяна ненавидела врать. Ложь ослабляла ее, лишала энергии. И девушке почти никогда не приходилось обманывать, случаи можно пересчитать по пальцам. Историю с долгами Антона маме просто не нужно рассказывать, это не ложь, а умолчание, чтобы не тревожить дорогого человека. Необязательно же маме знать абсолютно всё о жизни взрослых детей. Но вот в ситуации с отпуском умолчание Марьяну сожрет и даже косточек не выплюнет.

Она не сказала об отъезде ни маме, ни Антону. Мама вчера уехала вместе с Ариной Петровной в белорусский санаторий, вернуться должна через десять дней, а там и Марьяна прилетит обратно. Ничего страшного же, правда? И в эти дни дочь Лие Николаевне в Москве не нужна, продукты привозить нет необходимости... Тем не менее за четыре дня подготовки к отпуску Марьяна так в себе и не нашла сил рассказать любимым родственникам, что улетает на далекий греческий остров вместе с Иваном Райковским, его дочерью и кошкой.

Причины своего молчания Марьяна понимала смутно, просто предчувствовала: так надо. Она отчего-то была уверена, что, узнай мама и брат о ее отъезде, обязательно найдется некая причина, по которой Марьяне придется остаться в Москве. Важная, весомая, категорически непреодолимая. Девушка могла сама их придумать миллион, включая

совсем уж грустные варианты, что маме станет плохо от таких новостей. Пусть уж лучше мама окажется в санатории вместе с Ариной Петровной, а брат... Брат переживет. Наверное.

Но чувствовала при этом Марьяна себя мерзко. Как будто отдых выцарапан обманом, как будто... она не имеет на него права. Даже не тратя ни копейки своих денег, даже будучи приглашенной старым другом, даже делая всё, что может, для матери и брата, – не имеет. Словно она крадет эти две недели у них, а не дарит себе, согласившись на эту авантюру.

Марьяна тряхнула головой. «Не подменяй понятия, – сказала Ленка, когда услышала о сомнениях подружки. – Реши уже, почему тебя колбасит – потому, что ты сама себя задолбала чувством вины, или ты боишься, что твои родственники о тебе не так подумают, или что? Ты, Марьянка, как Золушка, которую фея зовет на бал, а глупая девчонка сомневается: вдруг мачеха расстроится, не обнаружив по возвращении, что падчерица не перебрала чечевицу?.. Езжай уже, совестливая ты моя. И не забывай слать фото, я твой Инстаграм пополняю».

Небо за окном было синее-синее, в разрывах облаков виднелось лоскутное одеяло земли, и Марьяна глубоко вздохнула несколько раз. Изгнать сомнения просто, и она знает, как. Всего два звонка сегодня вечером – и отдыхать с чистой совестью. Маленькая передышка в вечном забеге, которую невозможно не оценить.

Самолет заходил на посадку так, что казалось, будто сейчас он сядет на воду. Взлетно-посадочная полоса начиналась прямо у моря, тянулась вдоль серо-зеленых, омываемых бирюзовыми волнами скал. Марьяна прилипла к окну, пытаясь впитать в себя всё одновременно – сияющую гладь в белых барашках, туманные горы и россыпь белых домиков вдоль берега. Столица острова, Ираклион, казалась горсткой сахара, а дольки золотистых пляжей были разбросаны тут и там и усеяны крохотными точками – отдыхающими. Да, похоже, с этим островом лето и не думало прощаться...

Марьяна в этом убедилась пятнадцать минут спустя. Открылись двери, пассажиры потянулись к трапу, и, выйдя под лучи ласкового солнца, Марьяна поняла: да тут градусов двадцать пять, не меньше. В ноздри ударил запах трав, настолько сильный, что казалось, будто в воздухе ароматизатор распылили. А что, в торговых центрах же распыляют, чтобы люди велись на запах корицы и свежей выпечки! Только тут всё было натуральное. Запахи трав, моря и нагретой солнцем земли, медового оттенка небо и синее море – совсем рядом.

– Ух ты! – Ева вертела головой. – А мы чуть в море не сели! – И тут же сунулась к переноске – как там Фелька?

Кошка, естественно, не спала. Нюхала воздух, недовольно подергивала ушами. Но не орала, и то хорошо.

– Ничего, – пообещала любимице Марьяна, – сейчас доедем до отеля, выпущу тебя побегать.

– Мы все побегаем, – заявил Иван. – Четыре часа в самолете сидели, надо размяться.

Пассажиров погрузили в автобус, который тут же бодро поехал к белому зданию аэропорта. Все повеселели, переговаривались громко. Вот что солнце животворящее делает! В серой Москве, пропитанной дождем, как губка, хотелось только лежать под пледом и чай гонять. Здесь Марьяна немедленно почувствовала прилив сил. Проплыть половину Критского моря, залезть на самую высокую гору или спуститься в самую глубокую пещеру? Да запросто. И пещеры тут, кстати, есть.

В качестве благодарности за поездку Марьяна решила изучить заранее местность, куда они отправляются, и предложить Ивану и Еве разнообразие развлечений – если, конечно, эти развлечения им нужны. Райковский грозился, что две недели на пляже пролежит, и Марьяна ни в коем случае не собиралась ему указывать, как именно тратить драгоценный отпуск. Просто на всякий случай вооружилась полезными знаниями.

На греческой стороне проверка затянулась. Вылетать пришлось по итальянским визам, так как именно их в фирмах делали за день-другой. А еще кошка, к которой прилагалась внушительная пачка документов. Критские таможенники, впрочем, оказались безукоризненно вежливыми. Отвели Ивана, Марьяну и Еву в отдельный кабинет, предложили присесть, тщательно изучили бумаги и, извинившись за задержку, пропустили. Больше всего внимания досталось не итальянским визам, а Фельке.

– У них тут местные кошки, критские, – объяснила Марьяна. – Я читала. Длинные, ушастые и худые, похожие на ориенталов. Некоторое время было даже запрещено вывозить их с острова, чтобы не портить породу. А сюда так и вообще можно ввозить только стерилизованных животных. Если увидите гуляющего где-то персидского кота, будьте уверены: потомства он не даст.

– Пушистым котам тут жарко будет! – сказала Ева.

– Поэтому критские кошки предусмотрительно короткошерстные.

Багаж уже катался на ленте, и, похватав чемоданы, компания двинулась на выход. А там Иван быстро заметил встречающего – невысокого тощего грека в белоснежной рубашке и черных джинсах. Грек

держал табличку с надписью «Raykovsky» и заранее улыбался во все тридцать два зуба. Сервис.

– Ну вот, это наш трансфер. – Иван протянул руку мужчине и заговорил по-английски. – Я – Райковский.

– Yes! Yes! – обрадовался грек. – Raykovsky, «Villa Peri»! – И довольно сносно затараторил дальше: – Джентльмен, две леди и кот! Добро пожаловать на Крит! Я помогу вам с багажом. Я – Янис, отвезу вас. А как зовут леди?

По виду ему было лет пятьдесят, но энергии столько, будто лишь восемнадцать исполнилось. Не переставая болтать (суть речи сводилась к тому, как он рад приветствовать на острове дорогих гостей), Янис подозвал из толпы двух, на взгляд Марьяны, случайных греков, которые споро ухватили багаж и потащили его куда-то. Один порывался и переноску с Фелькой забрать, но Марьяна не дала. Нечего кошку травмировать еще больше. Девушка заглянула в переноску: «травмированное животное» разлеглось на пузе и шурилось. Тьфу ты.

Глава 14

На улице солнце снова навалилось на плечи. Аэропорт весело шумел, бибикали подъезжающие машины, безнаказанно цвел здоровенный розовый олеандр. До парковки оказалось идти всего ничего – дорогу пересечь. Машина, на которой собирались везти дорогих гостей, оказалась «Мерседесом» чрезвычайно важного вида. Как там говорится? Представительского класса. Марьяна даже представить себе не могла, сколько стоит этот внушительный автомобиль.

– Обычно у нас ездят на небольших машинах, – рассказывал Янис, умудряясь и погрузкой багажа руководить, и туристов развлекать. – Это удобней. Если захотите взять автомобиль в аренду и поездить по острову, скажите мне, я вам пригоню наилучшую машину. Но небольшую! У нас хорошие дороги. Почти везде. Иногда в деревне только не очень, если ехать в оливковые рощи. В горах узко, там на большой машине неудобно. Я вам пригоню. Нужна машина?

– Мы подумаем, – сказал Иван. – Пока нам нужно море, солнце и много еды.

– Папа, мы же только что поели в самолете!

– Это ты, крошка моя, ешь, как птичка. А папа ест, как слон из зоопарка. Много и со вкусом.

Иван устроился впереди рядом с водителем, а Марьяна и Ева, поставив на середину сиденья переноску, – сзади. Янис сказал, что кошку можно выпустить, просто следить за ней, и Марьяна открыла дверцу, но Фелька никуда не пошла. «Дураков нет», – читалось на ее задумчивой морде.

Шоссе, ведущее вдоль берега, начиналось практически сразу за аэропортом. Ираклион остался позади – Марьяна надеялась, что потом удастся туда съездить и посмотреть на знаменитый Фестский диск. Да и вообще тут было на что посмотреть. Хотя бы просто в окно.

С одной стороны – горы, лысоватые, в зеленых пятнах то ли цветов, то ли кустарников, рыже-серые, непривычные. С другой – обрыв и море, которое кажется нереальным. Впереди – гладкая лента дороги, действительно очень хорошей. Янис рассказывал, что совсем недавно достроили трассу, которая тянется вдоль всего северного берега острова. Именно здесь, на северном берегу, в основном селятся туристы, на южном – меньше, там места более тихие. А здесь жизнь кипит.

– Значит, я всё правильно в Интернете прочитал, – обернулся Иван к

Марьяне и Еве. – Тут и развлечения есть, и тихие места, и достопримечательности всякие. Сейчас заселимся и решим, кто чего хочет.

– Я хочу купаться! И на квадроциклах кататься, помнишь, мы так делали, папа? По берегу! И к животным! Здесь есть зоопарк?

– Тут в основном аквариумы, – сказала осведомленная Марьяна. – И некий «Amazonas Park», там вроде обезьяны.

– Гугл отдыхает, – удовлетворенно констатировал Иван.

– Я у Гугла же и консультировалась!

– Вот он и отдыхает, потому что теперь ты исполняешь его функцию. Всем надо отдохнуть, даже Гуглу.

Ехать оказалось недалеко – километров тридцать. Миновали большой город под названием Херсониссос, и Янис объяснил, что это местный центр туристических развлечений.

– Магазины, рестораны – всё есть! Если хотите шубу купить, тоже там. Только не идите в первый попавшийся магазин. Спросите меня, я вас отведу к своему племяннику. У него настоящие шубы, хорошие! И цена хорошая, не обманет никогда! Особенно наших дорогих гостей.

– А если б не были дорогие гости, надул бы только так, – пробормотал Иван по-русски.

За Херсониссосом, набитым людьми, тавернами и шубами, свернули по указателю «Gouves». Этот городок, название которого произносилось как Гуве (почти Гугл, сказала Ева), оказался поменьше. Марьяна смотрела на белые дома с синими ставнями, на цветочные горшки, поставленные в живописном беспорядке, на пожилых греков, отдыхающих за столиками кафе и провожающих машину равнодушными взглядами... В открытое окно лился тот же запах трав, и Марьяна спросила у Яниса, чем пахнет.

– А! Все спрашивают. Я выучил. У нас много трав в горах. Тимьян и шалфей, так они называются. Цветут долго, с ранней весны и до поздней осени. Из них получают хорошие специи.

– Тимьян и шалфей, – повторила Марьяна как заклинание.

Прежняя жизнь, продолжавшаяся до сегодняшнего утра, вдруг показалась ей нереальной. Реальность – вот она, выпуклая, яркая, словно весело расписанная керамическая пиалка, которую приятно держать в руках.

Поплутав по улицам, машина снова оказалась совсем близко у моря. Марьяна успела заметить неподалеку россыпь разноцветных пляжных зонтиков, а «Мерседес» свернул к ближайшим домам, зарулил на огороженную парковку и остановился. Марьяна открыла дверь и вышла. Комплекс трехэтажных зданий напоминал дорогие таунхаусы, такие можно

наблюдать в элитных подмосковных поселках. Откуда-то доносились голоса, над головой пролетела чайка, и море рокотало совсем неподалеку. Запах трав стал еще сильнее.

– Это отель? – спросила Марьяна. Выбравшийся из «Мерседеса» Иван обошел машину и встал рядом с ней.

– Это комплекс вилл. Я снял нам одну.

– Виллу? – зачем-то уточнила Марьяна.

– Ну да. А ты весь комплекс хотела? Остальные заняты, увы.

– Я... я думала, у нас будут комнаты в отеле.

– Это еще лучше. – Иван повел рукой. – У всех свои спальни, места много. Еще там есть бильярдная. Играешь?

– Играю.

– Вот и чудно. Ева, вылезай! Пойдем селиться.

Навстречу гостям уже спешила полная молодая женщина, представившаяся Катериной, «главной по тарелочкам». «Видимо, управляющая», – рассеянно подумала Марьяна, изо всех сил сжимая ручку переноски. Катерина что-то оживленно рассказывала Ивану, тот кивал, задавал вопросы, а Марьяна, повинувшись необъяснимому порыву, свободной рукой приобняла Еву и притянула к себе.

– Слышишь, море совсем недалеко? Как ты хотела.

– Да. Мне нравится, как оно разговаривает. Пойдем на него посмотрим?

– Давай сначала посмотрим, где будем жить. Папа старался, выбирал виллу.

– Да, он долго сидел. – Ева сморщила нос. – Я хотела ему помочь, а он сказал мне, чтобы я уроки делала.

– Он хотел преподнести нам сюрприз. Пойдем?

Такие виллы Марьяна видела до сих пор только по телевизору. Полы из прохладной бежевой плитки, незаменимой в жару. Кушетки с изогнутыми подлокотниками, дизайнерские зеркала в рамах с греческими узорами, светильники, похожие на виноградные гроздья. Прямо под висящим на стенке огромным телевизором – настоящий камин и заботливо сложенные на тележке дрова. Столы, черные и лаково блестящие, словно глаза молодой лошади. Спальни с белыми кроватями, одна даже под балдахином – Ева тут же заявила, что это ее комната принцессы, и всё! Бильярдная, полностью оборудованная кухня, обширная терраса... Три уровня роскоши.

Катерина провела гостей по всем закоулкам, рассказала, что сервис тут

круглосуточный, на виллу можно заказать что угодно – еду, аниматоров или бабушку, которая готовит традиционные греческие блюда... Объяснила, куда лучше не выпускать Фельку, чтобы кошка случайно не удрала и не потерялась. Марьяна только кивала.

Когда Катерина, распрощавшись и положив на видном месте в гостинной карточку с телефоном круглосуточного сервиса, ушла, Иван сказал:

– А пойдёте к морю!

– А можно сразу на пляж? – загорелась Ева.

– Можно! Если Марьяна сознается, куда упаковала мои плавки.

– В твой чемодан, вестимо. – Марьяна присела у переноски на пол и открыла дверцу. – На самом верху лежат.

– Дальновидно. – Райковский наклонился и заглянул в переноску. – Эй, Фелька, выходи! Тут есть бильярдная! Тебе же нравятся мячики.

Как ни странно, кошка вышла. Прошлась туда-сюда, поджимая лапы на прохладном полу, и запрыгнула на диван, где и принялась ожесточенно вылизываться. Ева дергала отца за руку и повторяла:

– Пляж! Пляж! Пляж! – из чего Марьяна сделала вывод, что ребенок перенес перелет отлично. Кошка чистится, Иван хочет есть, а Ева – купаться, и, значит, жизнь удалась.

Через полчаса Марьяна поняла, что влюбилась в Крит окончательно и бесповоротно.

На маленьком пляже в ста метрах от виллы почти не оказалось людей. Наверное, сиеста всех поглотила – температура воздуха уже явно была за тридцать, однако промерзшим москвичам хотелось поскорее отогреться. Даже прожариться. Коротенький пляж – полоска плотного песка между нагромождениями камней, в которых море и показывало свой пенный характер, – расслаблял сонным надеянием, ненавязчивым предложением раствориться в послеполуденном мире. Здесь не было кафе и ресторанов, не торговали сувенирами и не бродили продавцы горячей кукурузы (а есть ли они здесь?). Стояла только маленькая будка спасателей, они же – взиматели денег за лежаки, валялось несколько веселых лодочек, «банан», на который не претендовал ни один турист, и – море.

Оно шло прямо на берег широкими пологими волнами, мягкими на вид, словно большие мохнатые одеяла. Оно несло с собой йод и водоросли, чаек и ветер. Оно говорило, рассказывало, молчало и улыбалось одновременно. Марьяна никогда вживую не видела такого моря. Она помнила одно северное, пару тех, что южнее, а это... Это было больше, чем

подарок.

Устроившись на лежаке, Марьяна отослала селфи Ленке, прокомментировав: «Я на солнышке лежу», – и, сочтя социальные долги выполненными, выключила смартфон. Никакой связи с внешним миром до самого вечера. Только она и Крит. Ну и Иван с Евой, естественно.

Ева уже плескалась в прибое, Иван ее страховал. Оказалось, девочка неплохо плавает. Ева совсем не боялась воды; Марьяна с берега видела, как она поплыла следом за отцом подалее в море, гребя уверенно и быстро. Маленький дельфин, радующийся волнам.

В дельфинарий, кстати, сходить нужно. Ева будет в восторге.

Вода оказалась прозрачной и очень теплой. Некоторое время Марьяна бродила в полосе прибоя, не в силах оторваться от замечательного ощущения, когда набегающая волна щекочет щиколотки. Затем вошла в воду и поплыла. Море качало ее, и, перевернувшись на спину, Марьяна посмотрела в высокое небо. Синева вокруг, синева над нею. Синяя вечность.

Она слышала, как смеются Иван и Ева, слушала гудки машин, голос небольшого городка и, вместе с тем, словно растворялась в тишине. Море не обещало ничего особенного, оно лишь приглашало Марьяну принять все, как есть, быть с собой – и с ним – честной. Что ж... пожалуй, на это она способна.

После похода на пляж Иван заказал обед прямо на виллу. Катерина не обманула, сервис тут действительно был прекрасный и, по всей видимости, действительно двадцать четыре часа в сутки. Через пятнадцать минут после того, как Райковский позвонил и попросил принести «всего и побольше», на пороге нарисовалась парочка улыбчивых гречанок, которые привезли тележку, нагруженную снизу доверху блюдами с едой. Марьяна только икнула, глядя на все это, а Иван, облизываясь, потер руки. Ева тут же потянула руки к тележке, застеснялась и спряталась за отца. После купания девочка проголодалась, о самолетном завтраке остались лишь воспоминания.

Пока гречанки расставляли еду на столе, Марьяна распаковала кошачий корм, установила миску в углу кухни и насыпала Фельке немножко ее любимого мягкого лакомства. Кошка спокойно понюхала воздух, ловя источник запаха, весело прошествовала к миске и тут же уткнулась в нее носом. То, что Фелька не отказывается от еды и воды, Марьяну порадовало чрезвычайно. Интернет пугал всякими страшилками, типа «она у вас не будет есть три дня после перелета, ее будет постоянно

тошнить», однако Фелька и здесь не собиралась следовать общепринятым стандартам. Вот уж на что независимое существо.

Марьяна смотрела на кошку и понимала, что хочет прямо сейчас взять с нее пример. Не в смысле – уткнуться носом в миску, а в смысле жить жизнью честной женщины. То есть позвонить Антону и маме, но... лучше переварить все это до вечера, она же решила. Подобрать слова.

Стол накрыли на огромной террасе. Обедать с видом на море оказалось умопомрачительно приятно. А уж еда... еда была выше всяких похвал. Марьяна впервые пробовала средиземноморскую кухню, вернее, одну из лучших ее разновидностей – греческую. И пришла в полный восторг от того, что оказывалось у нее во рту. Нежнейший козий и овечий сыр, чуть подсоленные оливки со специями и без, горячая и очень сытная запеканка под сырной шубкой – мусака и многое, многое другое.

– Если так пойдет, – проговорила Марьяна, прожевав очередную порцию вкусностей, – я отсюда уеду не стройной девушкой, а колобком.

– Мы отсюда не уедем, – задумчиво сказал Иван, поглощая уже четвертый бутерброд. – Мы отсюда укатимся.

– Это был твой коварный план, да?

– Нет, это чисто спонтанное решение, но так даже лучше.

– Пап, мне очень нравится вот эта штука. – Ева уплетала мусаку, и, хотя девочка ела в принципе немного, даже Марьяна понимала, что от вкусной еды сейчас ничего не останется. – А можно я Фельку угощу?

– Фельке этого нельзя, для нее слишком жирно, – объяснил девочке Иван. – А вот нам – в самый раз. Мы, люди, существа неразборчивые.

Марьяна немного опасалась, что кошка предпримет попытку к бегству, однако и тут Фелька ее удивила. Посидев немного на пороге террасы, кошка понюхала воздух, посмотрела на закат и, подергивая хвостом, удалилась в глубь дома. Через некоторое время Марьяна нашла ее свернувшейся в кресле, погладила и оставила в покое. Пожалуй, за кошку можно не переживать, она прекрасно разбирается в том, куда стоит ходить, а куда нет. И мама ещё предлагала кому-то отдать это уникальное существо. Вот ведь чушь какая!

После обеда Марьяна приложила усилия и разобрала вещи, не только свои, но и Евины, и Ивана. Райковский долго благодарил, сознался в том, что он ненавидит собирать чемодан, а уж разбирать – так тем более. Марьяна показала ему, где теперь лежит, и ушла в свою спальню.

Доставшейся ей комнатой она была исключительно довольна – спальня с видом на море. Тут почти все комнаты были такие, но эта покорила Марьяну больше всего. Здесь имелся небольшой эркер, где стоял

стул такого вида, как будто его украли из музея, и кровать со спинкой в стиле барокко, и большое зеркало над туалетным столиком. На всю виллу было две ваннные комнаты, и одна располагалась прямо рядом с Марьяниной спальней. Окно занавешивали легкие портьеры, которые колыхались от прилетающего с моря бриза.

– Марьяна, – Иван заглянул к ней в комнату, предварительно постучав, – не хочешь выпить лимонад на террасе?

– Мы же только что пообедали, в меня уже не лезет.

– Лимонад влезет всегда, – авторитетно заявил Иван, – а еще лучше – бокальчик белого вина. Говорят, оно здесь просто потрясающее. Давай-давай, идем!

И действительно, вино оказалось легким, немного терпким на вкус. Солнце сдвинулось, на террасе лежал лоскут плотной тени – теплой, как августовские сумерки. За распахнутыми дверьми гостиной Ева играла с Фелькой. Помолчав некоторое время, Иван спросил:

– Итак, какие у нас планы? Есть ли у тебя идеи?

– Ну, ты собирался валяться на песочке и вести растительный образ жизни. Я помню, в Москве ты клялся, что с пляжа не сдвинешься ни на миллиметр, разве что до ресторана доползешь.

– Ты знаешь, – задумчиво протянул Иван, разглядывая открывающийся вид, – пожалуй, я передумал. Тут, я не знаю... какая-то не совсем пляжная энергетика. Вернее, не так, я не прав, пляжи здесь отличные, можно судить даже по тому, на котором мы сегодня были, хотя он, я так понимаю, крохотный. Но мне вдруг захотелось сдвинуться с него куда-то. Странная древняя земля! Мне кажется, что минойцы еще отсюда не исчезли.

– Поверь мне, они исчезли, я читала путеводитель.

– Хорошо. Раз читала путеводитель, будешь нашим гидом. Пожалуй, я воспользуюсь предложением Яниса и завтра арендую машину. Как ты на это смотришь?

Марьяна оживилась. Значит, не зря вооружалась знаниями.

– Сугубо положительно. А куда ты бы хотел поехать?

– Не знаю, путеводитель ведь у нас ты.

– Ну, тогда, если тебя потянуло вдруг к старине, может, посетим какой-нибудь город? Я имею в виду старинный город, вернее, то, что от него осталось. Тут есть несколько. Я так поняла, большинство туристов ездят в Кносс, однако мне не хочется. Судя по описаниям, он очень туристический, и от древнего в нем осталось мало. Был такой археолог Эванс, который Кносс раскопал и, следуя за своими фантазиями, восстановил большую часть. А фантазия у него была буйная. Никто не знает, так ли выглядел

город раньше, до землетрясения и пришествия Эванса. Поэтому Кносс такой... ну, словно картонный, что ли.

– Как декорации к фильму? – подсказал живущий в Калифорнии Иван.

– Угу, как декорации к фильму, совершенно верно. А мне хочется чего-то настоящего. Подруга упоминала, что здесь есть другие развалины, город Фестос, там, где нашли Фестский диск, ты же о нем слышал? Ах, да! Что я спрашиваю. – Марьяна почувствовала себя полной идиоткой. Конечно, как он мог не слышать о Фестском диске, с такими-то родителями.

Иван тоже посмеялся, поняв, что она осознала свой промах.

– Сам диск, насколько я помню, тоже здесь.

– Да, можем потом съездить, на него посмотреть.

– Угу, и Еву приобщим к истории археологии... Хорошо, тогда договорились. – Иван встал и потянулся. – После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать. Пойду-ка отдохну, чего и тебе желаю.

Марьяна кивнула, хотя на самом деле спать ей не хотелось. Хотелось не терять ни минуты, впитывая волшебство этого места, куда она нежданно-негаданно попала, чтобы потом не жалеть об упущенных возможностях.

Глава 15

К вечеру Марьяна жутко устала, однако данное самой себе обещание не давало ей возможности просто лечь и заснуть. Мягкая кровать в совершенно роскошной спальне манила ее и притягивала, очень хотелось забраться туда к уже свернувшейся клубком кошке и тоже свернуться клубком – или раскинуться морской звездой, благо, размеры кровати позволяли. Но данные себе обещания – самые важные. Не исполнять их – предавать себя.

Марьяна, убедившись, что Ева заснула, а Иван сидит в гостиной с ноутбуком и явно занят своими гугловскими делами, открыла дверь на террасу и выскользнула наружу. По дорожке, обсаженной олеандром, спустилась к шоссе, перешла его и оказалась на берегу моря. Море ночью не было совершенно темным, оно отражало свет звезд, гроздьями висевших на огромном небе, и сияние городков, раскинувшихся вдоль побережья. Будто ожерелье из желтых бриллиантов или целая куча новогодних гирлянд... Подсвечивая себе фонариком в смартфоне, Марьяна спустилась прямо к воде, нашла плоский камень, на котором можно сидеть, расположилась со всеми удобствами и включила мобильную связь.

На телефон тут же посыпались сообщения. Подруга Ленка из Новосибирска восхищалась отправленным селфи и видами моря, писала: «Так держать!» – и напоминала о том, что Марьяна обещала прислать ей больше фотографий. В «WhatsApp» пришло сообщение от Карины с работы с фотографиями вывешенных на стенках Марьяниных снимков. Смотрелось... да, надо признать, смотрелось отлично. И, наконец, только после того, как Марьяна на это нагляделась (она сама понимала, что оттягивает момент), она открыла список эсэмэсок.

Там было несколько сообщений от брата и пропущенный вызов от матери. Начала Марьяна с эсэмэсок. Антон писал: «Ты где? Куда пропала? Перезвони, нам надо поговорить». Все, как обычно, ничего нового, поэтому первым делом Марьяна позвонила брату. Антон ответил сразу же, как будто держал смартфон под рукой.

– Привет! Чего-то я тебе сегодня целый день дозвониться не могу. Ты вообще где? Совсем заработалась?

– Можно и так сказать, – сразу признаться, где она, Марьяна все-таки не смогла. – А зачем ты звонил? Есть какие-то новости?

– Да какие новости? – По голосу Марьяна слышала, что Антон

скривился. – Все те же самые новости: срочность, сестренка, срочность! Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

– Антон, я все прекрасно понимаю, ты мне об этом твердишь каждый день.

– Ну и что? Есть ли какие-нибудь подвижки? Может, тебе собираются выплатить премию? Ты же хороший работник, почему бы Ивану тебя не поощрить...

Циничность сказанного Марьяну немножечко удивила.

– А с каких пор ты стал относиться ко мне настолько потребительски, братишка? Даже не спросил, как дела.

– Ой, да при чем здесь потребление? Мы же попали в неприятную ситуацию, нужно как можно скорее...

– Ты, – уточнила Марьяна усталым голосом, – ты попал в неприятную ситуацию, а я помогаю тебе оттуда выбраться. Пожалуйста, не впутывай меня в свои дела с Червонцем.

– Ну, ты и так уже увязла. Мы это сто раз перемалывали, Марьян. Часики тикают. – По голосу Антона девушка никак не могла понять, что еще не в порядке, просто чувствовала подвох. – Так что там насчет премии?

– Премии нет. – Вдруг Марьяна разозлилась. Как же ей это все надоело! – И вообще я не в Москве.

После паузы Антон спросил удивленно:

– Как не в Москве? А где ты тогда? В Подмосковье где-нибудь?

– Нет, я в Греции.

– В какой Греции?

– Страна есть такая, братик! Ты что-нибудь запомнил из школьных уроков географии?

– Подожди, ты издеваешься, что ли? – в голосе Антона послышалась злость. – В какой ты Греции, Марьяна, что ты несешь?

Девушка глубоко вздохнула и объяснила:

– Иван получил отпуск на две недели и захотел вывезти дочку к морю, я посоветовала им Крит. Они решили захватить меня и кошку с собой. Поэтому сейчас я сижу на берегу моря. Вот так.

На сей раз пауза длилась дольше.

– Ты что это, всерьез? – наконец спросил Антон.

– А когда я тебя в последний раз толком разыгрывала? Да, всерьез. Хочешь, могу к морю телефон поднести, послушаешь, как шуршит.

– Марьяна, ты с ума сошла? Ты уезжаешь сейчас, когда у нас такая ситуация...

– Антон, послушай, – устало произнесла девушка. Она понимала, что

брат злится, но не понимала, почему он это делает. Неужели он настолько привык к ее помощи, что считает ее само собой разумеющейся, считает, что Марьяна должна быть рядом по первому щелчку пальцев? Не иметь своей жизни, переживать только за жизнь брата... Это открытие было очень неприятным, и девушке не хотелось бы, чтобы оно оказалось истинным. Однако, похоже, так и есть. – Меня позвал работодатель и давний друг, если уж быть точным, и сейчас мы с ним очень хорошо общаемся. Поэтому да, я согласилась. Я уже очень давно не была в отпуске, тем более в таком, где мне продолжают платить зарплату. Какое отношение это имеет к тебе?

– Хотя бы такое, что ты могла бы предупредить, – сказал Антон. От того, что он был ошарашен новостью, слова у него явно не складывались. – Ты, ты, ты просто... Я же тоже в отпуске не был.

– Ну, найди себе друга, который сможет свозить тебя в отпуск, – иронично предложила Марьяна. – А что? Почему нет? Или заработай, отдай долги и отправляйся сам, куда хочется. По-моему, так поступают взрослые люди – или нет?

– Взрослые люди не выключают телефон и не признаются, только когда уже окажутся в Греции!

Антон слишком хорошо ее знал, конечно.

– Да, – призналась Марьяна, – смалодушничала, что поделаешь. Но факт остается фактом. Я вернусь через две недели, за это время постарайся, пожалуйста, найти себе еще какую-нибудь работу, потому что сейчас получается, что ты зарабатываешь слишком мало. Если ты говоришь, что деньги нужно отдавать так быстро, нужно и бегать быстрее.

– Ты знаешь выход, – начал Антон.

– Нет! – сказала Марьяна.

Помолчали.

– Ну, и как там в Греции? – наконец вздохнул брат.

– Хорошо! – честно ответила девушка. – Красиво, тепло, лето еще! Купаться можно. Потом когда-нибудь, выпутаемся из этого всего, съездим?

– Может, и съездим, – сказал Антон, – и маму возьмем, да?

И тут до него дошло.

– Слушай, а маме же ты тоже не сказала!

– Не сказала. Сейчас позвоню и скажу.

– Марьяна, ты уверена, что она в обморок-то не грохнется? Я сам чуть не упал.

– Ну, посмотрим, – буркнула Марьяна. На этом они с Антоном распрощались.

Чтобы не откладывать разговор с матерью в долгий ящик, Марьяна тут

же набрала ее номер. Несмотря на то что уже было поздно, Лия Николаевна тоже ответила сразу.

– Ну наконец-то! – произнесла она недовольным голосом. – Почему ты не берешь трубку, когда я тебе звоню?

– Я была занята.

– М-м-м, все эти твои занятия! Ладно! Я хотела просто рассказать, что мы нормально доехали, и сегодня у нас были процедуры. Я уже чувствую себя лучше.

– Мам, я хотела тебе кое-что сообщить, – перебила ее Марьяна. – Послушай, я тебе раньше не сказала, но я сейчас не в Москве. Я уехала в Грецию.

Снова пауза.

– В Грецию? Что ты там делаешь?

– Меня пригласил Иван Райковский, он устроил отпуск для дочери и...

– Ах, вот, значит, как! – произнесла мать. – Сбежала, как тогда. История ходит по кругу, горбатого могила исправит... Значит, ты отправилась отдыхать и не стала слушать моих советов насчет Райковского. Ты же понимаешь, что он взял тебя туда не просто так. Ты же понимаешь, что он хочет воспользоваться. А потом исчезнет, как этот твой...

– Мам, хватит! – перебила ее Марьяна. – Слушай, ты же знаешь Ивана. Наши семьи дружили столько лет. Да, мы не виделись долго, но, поверь мне, он не стал насильником и маньяком за то время, пока мы не виделись. И это не просто случайный знакомый. У него есть дочка. Иван – нормальный человек, который много работает, и он предложил мне поехать просто так, как другу. И... – тут она поймала себя на том, что оправдывается. Оправдывается? Зачем? Ведь она кругом права. – Я просто хотела поставить тебя в известность о том, что я в Греции. Вы с тетей Ариной прилетите обратно через десять дней, ну, а я через две недели, так что я попрошу Антона, чтобы он завез тебе продукты.

Мать долго молчала. Потом сухо сказала:

– Хорошо. Приятного тебе вечера, – и положила трубку.

Марьяна посмотрела на светящийся смартфон в своей руке, вздохнула и выключила его, оставшись наедине со звездной критской ночью. Примерно так она себе эти разговоры и представляла. Примерно так и думала.

Почему? Почему все происходит подобным образом? Почему люди, которые тебе должны быть ближе всего, так как ты – их семья, и, по идее, все любят друг друга... почему именно они делают тебе так больно? Отчего ты должна отчитываться перед ними? Угождать, а они при этом не

должны тебе совершенно ничего? Они только смотрят, как ты танцуешь перед ними, и подбадривают: «Давай! Давай, быстрее, лучше!»

А если ты, не дай бог, по их мнению, ступишь не туда, то недовольно кривятся и говорят обидные слова. Почему ни брат, ни мама не могут просто порадоваться за нее, за то, что у нее есть этот греческий вечер, за то, что море шуршит совсем рядом, а в доме спит трехцветная кошка, которая впервые в жизни путешествует так далеко?.. Почему все происходит именно так? И есть ли в этом справедливость? Нужно ли окончательно принять тот факт, что мир несправедлив, люди ведут себя совершенно непостижимым образом? И тебя никто не обязан любить, даже те, кто ближе всего.

Марьяна долго сидела на камне, наверное, около часа, и к концу этого часа пришла в некую гармонию с самой собой. Пускай все так, пускай мама и Антон не радуются ее достижениям, а только хотят, чтобы она исполняла их желания, хорошо. Пусть так. У нее осталось несколько долгов перед ними; долг перед мамой гораздо длиннее и дольше, ведь ей никто больше не поможет в ее болезни. А вот тот долг, что висит на Антоне, – кончен, и, как только он будет выплачен, Марьяна никогда больше не влезет в подобные авантюры, касающиеся братца, о чем ему честно и скажет. И с мамой... надо подумать, как выстраивать дальше свои отношения с мамой. В конце концов, Марьяна имеет полное право жить так, как ей захочется. Даже если хочется сбежать.

Несколько лет назад Марьяна познакомилась с Павлом.

В то время она уже работала в «Совах и котиках», постигала трудности общения с очередной упрямой кофеваркой и научилась утихомиривать буйные детские компании в игровой комнате. Как-то погожим летним вечером Павел заглянул в антикафе вместе со своими клиентами, оккупировал столик в дальнем углу и там и просидел допоздна. Проходя мимо, Марьяна увидела, что ребята совсем заработались, и по собственному почину принесла им кофе и печенье. Издалека ей понравилось смотреть, как один из посетителей жестикулирует, экспрессивно что-то доказывает, смеется, откидывая голову назад... Марьяна даже не думала, что симпатичный темноволосый мужчина обратит на нее хоть какое-то внимание. Однако уже перед самым закрытием антикафе он подошел к стойке и пригласил девушку на кофе.

– Вам сегодня кофе не хватило? – с улыбкой спросила она. – По-моему, вы выпили каждый литр по два-три, не меньше.

– Когда работа кипит, кофе – это топливо, – согласился Павел

(впрочем, Марьяна тогда еще не знала, что его зовут именно так). – Но я знаю одно местечко, где подают совершенно потрясающий напиток. Там хозяин – фанат венского кофе и поэтому завозит самые лучшие сорта, а готовит, как в лучших кофейнях Вены. Может быть, вы согласитесь пойти туда однажды со мной?

Марьяна не стала ждать мифического «однажды» и согласилась сразу. Парень ей понравился: высокий, темноволосый, с яркими зелеными глазами, он пластикой и манерами напомнил ей Крокодила Данди из старого фильма. Марьяна почему-то сразу подумала: он, наверное занимается альпинизмом, или конным спортом, или хотя бы на каяках гоняет... Вид у Павла был такой, будто он ненадолго вернулся в цивилизацию из джунглей, но по-прежнему слышит их зов. Как оказалось позже, она была недалеко от истины.

Кофе они отправились пить через пару дней, когда у Марьяны выдался выходной. Днем в кофейне, прятавшейся в закоулках недалеко от метро «Новослободская», оказалось совсем мало народу. Павел выбрал столик у окна, объяснив, что наблюдать за бегущими мимо прохожими – это неизменная традиция походов в кофейни. Некоторые ничего не понимающие люди забиваются в дальний угол и там цедят свой капучино. Однако настоящие ценители неизменно выбирают стол у окна. Сидеть, выпивать по глотку из маленькой чашки, следить за пробегающими мимо прохожими и разговаривать о жизни – одно из самых больших удовольствий на свете.

Марьяна давно не встречалась с парнем, который так легко и непринужденно разговаривал, что создавалось ощущение, будто ты знаешь его всю жизнь. Павел оказался из тех людей, которые сразу располагают к себе. Он не рисовался, не старался представить себя лучше, чем он есть, он просто искренне слушал собеседника и рассказывал так уморительно, что большую часть свидания (а в том, что это свидание, Марьяна совершенно не сомневалась) она хохотала, как сумасшедшая. И сказала новому знакомому насчет Крокодила Данди.

Павел не был альпинистом или знаменитым наездником. Все оказалось проще: он был профессиональным путешественником. Когда-то давным-давно, получив соответствующее образование, начинал менеджером в туристической фирме. Потом организовал свое агентство... и со временем сообразил, что отправлять людей по горящим путевкам в Турцию или Египет – не то, чем он на самом деле хочет заниматься. Призванием Павла стали индивидуальные туры, которые он составлял и подбирал с особой тщательностью и огромной любовью. Для него не было

лучшей награды, когда туристы благодарили его за составленную программу и открывали для себя страну именно с той стороны, с которой им бы хотелось.

Павел сам много путешествовал по миру и побывал в таких местах, о которых Марьяна даже не слыхивала; он обожал снимать видео в своих путешествиях и вел на Ютубе довольно популярный блог. С одной стороны, вроде бы модный, медийный, успешный парень, а с другой – совсем простой человек, который делится радостью от того, что живет. Это подкупало. Это было бодряще, словно под водопадом искупаться, хотя Марьяна никогда не купалась под водопадом, лишь представляла себе это именно так.

Конечно, за первым свиданием последовало второе, потом – третье. Марьяна вообще не думала о том, до чего это все может дойти и куда развиваться. Она чудесно проводила время и чувствовала себя, как серфингист, потихонечку встающий на доску. У нее никогда раньше не было таких отношений: сначала учеба, потом работа, потом конфликты с родственниками из-за квартиры, отбивавшие всякое желание хоть как-то открываться миру... А Павел сделал с ней нечто чудесное – что именно, Марьяна не понимала до сих пор, но именно после встречи с ним она стала смотреть на мир вокруг чуточку иначе. Ей вдруг стало казаться, что это более дружелюбное и безопасное место, чем она думала раньше. И это ощущение до сих пор не выветрилось, хотя, казалось бы...

Марьяна встречалась с Павлом уже три недели, когда проговорилась об этих свиданиях брату. А тот, в свою очередь, что-то ляпнул матери. Лия Николаевна вдруг позвонила дочери и суровым голосом потребовала, чтобы Марьяна немедленно к ней приехала. Перепугавшаяся девушка, подумав, что с мамой что-то случилось, рванула к ней. Однако в старой квартире Марьяну ждала исключительно длиннейшая лекция о том, что ей не стоит доверять всяким проходимцам.

Честно сказать, Марьяна была в шоке. Она и не думала, что мать полезет в ее личную жизнь: до этого Лия Николаевна как-то очень спокойно относилась ко всем ее увлечениям, но, может быть, что-то такое проскользнуло в восторженном голосе Марьяны, когда она рассказывала Антону о Павле, или чутье у мамы сработало. На сей раз Лия Николаевна была категорична.

– Поверь мне, я знаю жизнь, – сказала она сухо. – Во время гастролей я встречала много людей, которые были похожи на этого твоего... как его... Павла. И ни один, запомни, ни один из них, несмотря на впечатляющую внешность и обходительное общение, не оказывался человеком хорошим. Я

просто хочу предостеречь тебя от обмана. Поверь мне, деточка, такие люди... Именно в них таится самая главная опасность. Они заморочат тебе голову, расскажут сладкие сказки, а потом бросят тебя как-то особенно извращенно. Ты что же, хочешь склеивать разбитое сердце?

– Мам, о каком разбитом сердце идет речь? – удивилась Марьяна. – Я знаю его три недели.

– Сама не заметишь, как влюбишься, – фыркнула Лия Николаевна. – Ну что ж, я тебя предупредила.

Марьяна пожала плечами и отправилась на очередную встречу с Павлом. Никакой опасности, о которой говорила мать, она не почувствовала, наоборот, только раскованность и свободу. Пожалуй, в этот момент Марьяна ощущала себя гораздо более свободной, чем была все время до этого. Как будто вместе с Павлом ей приоткрывался мир, в котором можно не оглядываться через плечо каждый раз, когда собираешься сделать что-то значимое для себя. В этом мире возможно если не всё, то многое. Если ты будешь собой, будешь знать, чего хочешь, и усердно трудиться, награда придет. Может, даже лучше, чем ожидаешь. А лучше ничего не ждать – просто жить на полную катушку.

И Марьяна совершенно не удивилась, когда через месяц их знакомства Павел сказал:

– Слушай, я отправляюсь в Стокгольм. Мне нужно присмотреть новый маршрут для моих клиентов и моей компании. Это всего на несколько дней, надо будет заглянуть в некоторые музеи, прикинуть, где водить клиентов, или составить им такую программу, чтобы они могли ходить сами. Словом, обычная для меня рутина, но... ты не хотела бы поехать со мной?

– Поехать с тобой? – Марьяна широко улыбнулась. – Конечно же я хотела бы, если меня отпустят на работе. Я попробую договориться.

На работе ее отпустили. У Марьяны скопилось достаточно отгулов, чтобы пять дней не появляться в «Совах и котиках». Девушка предупредила маму и брата о предстоящей поездке. Антон отнесся без излишнего энтузиазма, однако и не отговаривал ее, а вот мама, конечно, восприняла все в штыки.

– Ты поедешь за его счет? – спросила она с некоторой толикой брезгливости в голосе.

– Конечно нет, мама. Я и билеты оплачиваю сама, и свою долю в отеле. О чем ты говоришь? Он же просто пригласил меня.

– Ну-ну, – неопределенно высказалась Лия Николаевна. – Только помни, о чем я тебя предупреждала.

Марьяна лишь пожала плечами. Все эти предупреждения матери

казались совершенно дикими выдумками. Она не понимала, отчего Лия Николаевна так себя ведет и почему фактически на пустом месте осуждает человека, которого никогда не видела и о котором знает только со слов Марьяны – и немножечко Антона. Выкинув из головы все эти мысли, чтобы не отравлять себе отпуск, Марьяна отправилась с Павлом в Стокгольм.

Поездка вышла просто замечательная; до сих пор, даже несмотря на то, что случилось потом, Марьяна вспоминала ее с удовольствием. Иногда ей даже снились узкие улочки Гамла-Стана, застроенные разноцветными домами, резные вывески и яркие витрины, в которых светились необычные лампы и сувенирные тролли. Она вспоминала брусчатку, по которой так хорошо ходить в кедах, маленький итальянский ресторанчик с клетчатými скатертями, где они с Павлом съели умопомрачительно вкусную пиццу, стоявшие у причалов корабли и особенно один из них – корабль «Васа», где был устроен музей. Там парочка провела целый день, а Марьяна так и вообще бы поселилась: парусники ей очень нравились.

За эти дни девушка пришла к выводу, что у Павла просто работа мечты. И хотя это никогда не было ее, Марьяниной, мечтой, она легко могла бы себе представить, что занимается тем же самым. И правда же, как здорово ездить по миру, открывать для себя всё новое, потому что мир прекрасен и бесконечен, а потом делиться этим с другими людьми. Почти то же, что в фотографии, к которой Марьяна чувствовала склонность, но тогда ещё не полностью осознала ее, то же, что в любом искусстве. Да, пожалуй, для нее работа Павла являлась искусством, и Марьяна еще больше заужавала его.

А по возвращении в Москву Павел сделал Марьяне совершенно неожиданное предложение.

– Слушай, – сказал он, – ты мне очень нравишься как девушка, и я думаю, что, возможно, у нас с тобой может получиться что-то серьезное. Извини, что говорю об этом так прямо, но вот такой я человек. – Он развел руками. – Но поговорить я хотел не об этом. Мне нужны помощники, которые будут разделять мои интересы. Скажи, ты не хотела бы заниматься тем же, чем и я? Я видел, как здорово ты оцениваешь обстановку, а те решения, которые ты мне подсказала в Стокгольме, я, несомненно, применю, это очень здорово, это прекрасные идеи, Марьяна. Конечно, работа сопряжена с некоторым риском, придется самостоятельно искать клиентов, как в любом фрилансе, тут то пусто, то густо. Довольно много впахивать нужно, однако, если вдруг тебя это хоть немножечко интересует...

– Немножечко интересует, – сказала Марьяна. Она и вправду об этом задумывалась, не предполагая, что Павел всерьез ей это предложит. – Однако прости, мне нужно подумать. Знаешь, все эти бытовые вопросы... У меня мама уже пожилая, и я о ней забочусь, квартира в Москве. Сдавать ее я не хочу, а если вот так ездить, то... В общем, некие вещи, которые нужно обдумать. И организовать, чтобы без меня всё работало, пока я порхаю по миру.

– Я понимаю, – сказал Павел, – но, по моему опыту, это все решается. Просто нужно, чтобы ты хотела. И я не собираюсь тебя заставлять, если это не твое, то в принципе...

– Я поняла, – прервала его Марьяна. – Конечно, я подумаю, и спасибо тебе за предложение и за возможность осуществить твою мечту. – Она засмеялась. – А может быть, и мою, я пока не знаю.

Сейчас, вспоминая об этом, Марьяна горько думала, сколько же в ней было безобразной наивности. Эта наивность возможна только лишь в случае, когда ты не понимаешь, как устроен мир вокруг тебя, – и когда он больно прикладывает тебя палкой по хребту, ты осознаешь, как все это время ошибалась.

Марьяна не успела рассказать родственникам о том, что предлагает ей Павел, она не успела толком ничего сделать, потому что ей позвонила мама и снова попросила приехать. И выяснилось, что мама больна... вот тогда-то это и выяснилось.

Конечно, теперь ни о каких поездках не могло идти речи. Марьяна честно объяснила это Павлу, не уточняя подробностей, о которых Лия Николаевна запретила говорить кому бы то ни было. И Павел не выдержал этой закрытости, он через какое-то время просто растворился в окружающем пространстве, отправился в очередное путешествие и словно бы и не вернулся из него, хотя он, наверное, вернулся – только уже не к Марьяне. Их отношения продлились слишком недолго, чтобы Марьяна могла рассчитывать на то, что едва знакомый человек поймет, почему она так поступила.

Часть третья
Белый

Глава 16

Утром Марьяна проснулась еще до рассвета. Ей вообще нравилось просыпаться рано, когда большая часть окружающего мира еще спит, а ты уже бодр, весел и готов совершать великие дела. Однако сейчас для этого не требовалось даже прилагать каких-то особых усилий: все-таки октябрь, и даже там, где царило практически вечное лето, рассвет наступал поздно, около половины восьмого.

В семь утра Марьяна спустилась на кухню, окутанную мягкими сумерками, быстро разобралась с местной кофеваркой (опыт не пропьешь), сварила себе крепкий черный кофе, накинула куртку и через террасу вышла к морю так же, как и вчера вечером.

Над морем занимался рассвет. Небо уже посветлело, линия горизонта просматривалась четко. Стоя прямо у кромки прибоя с чашкой кофе в руке, Марьяна смотрела, как проявляются из ночной серости яркие краски: вот перестали казаться белыми и превратились в розовые цветы олеандра, вот на камнях проступили зеленые пятна водорослей, а вот и палатка спасателей на пляже из темно-серой превратилась в ярко-красную. Море было спокойным, гладким, как стекло. Вкус местного кофе на губах казался необычным. И Марьяна в очередной раз почувствовала себя счастливой.

За ночь она пережила последствия вчерашних неприятных разговоров и переключилась на то, что составляло ее суть. На дело. Она приехала сюда не просто так, как завещал великий Райковский, и непременно получит удовольствие от пребывания на острове, в этом уж Марьяна точно теперь не сомневалась. Однако с собой она захватила фотоаппарат и массу идей.

Если уж побеждать в конкурсах, то делать это красиво. Поэтому сейчас Марьяна не только просыпалась наедине с утренним морем, небом и горами, она смотрела, как меняется утренний свет, и насколько он мягок, подойдет ли он для снимков крупным планом или нет. Даст ли он что-то особое макрофотографии или же, наоборот, уничтожит ее на корню.

Пока что реальность выглядела очень привлекательной. Утренний свет, который, как известно, для фотосъемки самый лучший, выглядел мягким и рассеянным, самое то, чтобы наилучшим образом передать цвета. Марьяна стояла, засекала время – и поняла, что наилучшее освещение для ее целей будет в пятнадцать минут девятого. Солнце уже над горизонтом и светит довольно ярко, однако пока еще в дымке, и оттого свет получается рассеянным и прекрасным, как будто все вокруг обсыпали золотой

пыльцой.

– Вот это мне и нужно, – пробормотала Марьяна себе под нос.

Осталось уговорить кузнечиков, божьих коровок и кошку. Фелька всю ночь проспала у Марьяны на кровати, видимо, сильно утомилась после перелета, даже к Еве не забежала, а может, еще не разобралась в расположении местных комнат. Если погода не испортится (а с чего бы ей портиться, тем более Янис сказал, что сейчас по прогнозу ожидается устойчивая жара в течение ближайших двух недель), то завтра утром Марьяна, пожалуй, прихватит кошку на берег, проследит, чтобы та не испугалась, и попробует сделать несколько снимков. Кузнечики вот, например, уже не спят.

Под их стрекотание Марьяна вернулась в дом. Вчера гречанки забили холодильник продуктами, да в таком количестве, что Марьяна только крикнула, сунув нос внутрь. Этим же можно полк солдат накормить... или одного очень-очень голодного Ивана. Несколько сортов сыра, мясо, оливки разного вида, что-то похожее на творог, фрукты. Эх, гуляй, душа! Марьяна прикинула, из чего можно было бы приготовить завтрак, и, сделав себе вторую чашку кофе, устроилась за кухонным столом с книжкой. Отпуск так отпуск. Сегодня она ничего фотографировать не будет, а будет просто отдыхать.

За четыре дня на Крите Марьяна полюбила этот остров так, как, пожалуй, до сих пор любила только Москву. Поездка в Стокгольм ей понравилась, девушка с удовольствием оказалась бы еще раз в этом северном городе, но Крит... Он был особенным, как талантливый человек. Ни на что не похожим.

Марьяна бродила по песку и гальке многочисленных пляжей (Янис пригнал бодрую красную машинку по первому требованию, и Иван с удовольствием сел за руль), трогала листья олив, смотрела на забавных осликов. Съездили в пещеру Зевса, готично подсвеченную зелеными фонарями, полюбовались на белые крылья мельниц на плато Лассити, посмеялись над трюками веселых дельфинов и на полдня зависли в аквариуме. Освоили парочку греческих таверн, коих было полно на каждом углу. Гладили и подкармливали тощих греческих кошек, которые могли есть сколько угодно и не толстеть. Любовались на белоснежные яхты в маринах, и Иван сказал, что можно будет отправиться в небольшой круиз на день. Марьяна фотографировала оливки, Фелькины уши, глубокие провалы ущелий и блики на стакане со свежавыжатым апельсиновым соком. На фоне сдержанных гор Крит радовал яркими мазками, настолько

сочными, что каждый из них хотелось унести с собой и потом рассматривать долгими зимними вечерами – не примерещилось ли? Нет, вправду было...

С родственниками Марьяна больше не созванивалась. Каждый вечер писала маме, получала ответ, что всё хорошо. Антон и вовсе не объявлялся.

Марьяна стояла на развалинах древнего города и чувствовала, как ветер гладит ее по щекам. Ветер рождался в горах, окружавших распаханную долину, посреди которой высился холм. А на холме и покоились остатки древнего города Фестос.

Широкие каменные ступени, огрызки колонн, амфитеатр, жертвенный колодец. Когда-то здесь стоял дворец, жили знатные персоны и нищие оборванцы, придворные и гончары, писари и ювелиры. Теперь остались камни, и солнце, и юркие ящерицы. Несколько туристов бродили по развалинам, которые поглотила слепополуденная тишина.

Марьяна присела на камень в тени (на солнце так можно запросто обжечься) и махнула бродившему неподалеку Ивану. Тот подошел.

– Ты носитель живительной влаги. Дай водички, пожалуйста.

– На. – Иван сунул ей бутылку и уселся рядом. – Ты права, место отличное. Хотя и разрушенное. Но... живое, да? По-прежнему живое. Чувствуешь?

– Угу. У меня тоже ощущение, будто люди ушли отсюда совсем недавно и вот-вот вернуться.

– Хотел тебя поблагодарить. Твой выбор исключительно удачен.

– Всегда пожалуйста.

– Нет, правда, Марьян. Спасибо. – Иван потер шелушащийся, уже успевший обгореть нос. – Я давно так качественно не отдыхал. Ну и... твоё общество – оно очень приятное. Почти как в старые добрые времена, только лучше.

– Почему лучше? – покосилась на него Марьяна.

– Много лет прошло. Мы выросли. Тогда... Это время уже отодвинулось очень далеко. Я думал, от него ничего не осталось. Думал, тебя уже нет. Не в том плане, что ты куда-то делась с этой планеты, а в том, что ты изменилась. А это так – и не так. Я вот совсем другой.

– Нет. Ты тоже в чем-то остался прежним.

– Но всё равно многое по-другому. И это интересно. – И без перехода попросил: – Расскажи мне еще об этом городе, о воплощении Гугла!

– Хорошо, – легко согласилась Марьяна, – слушай. Жили-были люди. И однажды решили они построить дворец...

Вечером того же дня, уложив Еву, Марьяна спустилась вниз. В гостиной было темно, играла негромкая музыка из старого радиоприемника, и двери на террасу, конечно же, были распахнуты. Фелька сидела неподалеку, ловила ночные запахи и задумчиво, как будто без интереса, наблюдала за ночной бабочкой, залетевшей в дом. Бабочка металась от светильника к светильнику, не в силах отдать предпочтение ни одному, и тем самым привлекала внимание кошки. Однако Фелька была то ли слишком ленива, то ли слишком умна для того, чтобы гоняться за бабочкой по всей гостиной. Вот сядет куда-нибудь, где поудобнее можно прыгнуть, тогда – возможно.

Иван в джинсах, футболке и босиком сидел за столом на террасе, там же стояла откупоренная бутылка красного вина, и ещё две ждали своей очереди. Марьяна, подумав, притащила из холодильника тарелку с нарезкой. Если уж пить, то надо закусывать, даже такое легкое вино, как здесь.

– Ну что? Не жалеешь, что поехала? – спросил Иван, взял кусок сыра и засунул его в рот. Вот, казалось бы, только что ужинали, а лезет в него как-то! Марьяна подумала-подумала, тоже взяла кусочек сыра и покачала головой.

– Конечно, не жалею! О чем ты? Ты же видишь, что мне нравится.

– Угу, вижу.

Иван налил ей и себе вина, приподнял бокал и сказал:

– Ну что, за отличный отпуск? Похоже, он именно таким и будет.

– Он уже такой. За отличный отпуск! – Марьяна тоже отпила из своего бокала: критское вино ей нравилось. Не очень тяжелое и при этом такое приятное на вкус... Эх, как бы утащить в Москву бутылочек десять!

– Как ты сейчас? – спросил Иван.

– В смысле? – не поняла вопроса Марьяна.

– Помнишь, мы говорили об этом перед отъездом? Не впрямую, но так, намеками. В лоб я не хотел тебя спрашивать, а вот сейчас, пожалуй, спрошу. Марьяна, я знал тебя много лет назад. Конечно, со временем люди меняются, как я уже говорил, и иногда они меняются абсолютно, так, что ты не узнаешь человека. Обычно эти перемены к худшему, гораздо реже – к лучшему. Ты изменилась к лучшему во многом. Прости меня за эту самодовольную оценку, но я не видел тебя очень долго и смог составить впечатление. Мне нравится, какой ты стала, ты более рискованная, более понимающая то, что тебе самой нужно. И все же, общаясь с тобой, я все равно чувствую некую стену. Объясни мне, это из-за того, что произошло

тогда между нами? Вернее, не столько между нами, сколько между нашими родителями?

– Я, кстати, так и не знаю, что произошло, – сказала Марьяна и посмотрела ему прямо в глаза. Вино немножко ударило в голову, да и вечерняя обстановка способствовала откровенным разговорам. Если не сейчас и не здесь, то когда и зачем? Почему бы не спросить напрямую? – Что случилось, Иван?

– Хм... я расскажу тебе, однако чуть позже, наверное. Надо немного выпить. Сначала ответь на мой вопрос, пожалуйста. Я успел задать его первым.

Марьяна улыбнулась, но невесело.

– Ладно. Я просто очень давно этого никому не говорила, только Лена знает, и, в общем...

– Лена – это та твоя подруга, которая и порекомендовала нам Крит?

Марьяна постаралась не цепляться за это дивное «нам».

– Да, совершенно верно. Ленка замечательная! Но о ней я тебе потом как-нибудь расскажу. Просто она моя самая близкая и доверенная подруга и знает обо мне практически все. А ты... Я тебя просто попрошу никому об этом не говорить, хорошо? Это семейное дело.

Марьяна понимала, что рассказать о долгах Антона она, пожалуй, не сможет, слишком уж эта история плохо пахнет, и незачем Ивану туда лезть, тем более сейчас, когда он фактически является Марьяниным работодателем. Но есть и вторая история, вернее, самая первая.

– Я, кажется, упоминала, что у меня мама болеет, – начала Марьяна.

– Да, ты говорила что-то такое. Я не стал уточнять подробности. Значит, в этом все дело? Что-то очень серьезное?

– Только не пугайся, пожалуйста, – сказала Марьяна и, помолчав, продолжила – сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. – Это некоторое время назад выяснилось, уже несколько лет, и никто из нас такого не ждал. Понимаешь, всегда кажется: это случится не с тобой или не с твоей семьей. Такая иллюзия беспечности и контроля над собственной жизнью... Я тогда работала уже, встречалась с одним парнем... впрочем, неважно, он к этой истории не имеет никакого касательства. И вот тогда мама пошла в поликлинику сдавать анализы, и случайно выявилось подозрение на гепатит.

– Ого, – сказал Иван и присвистнул, – ничего себе!

– Было сначала просто подозрение, мы не знали, так ли это на самом деле. У мамы есть лучшая подруга, примерно как для меня Ленка, ее зовут Арина Петровна, и она имеет непосредственное отношение к медицине.

Проще говоря, она врач, участковый терапевт, но ее знакомые – какие-то большие шишки, и они помогли ей и соответственно маме пройти обследование как можно скорее и сдать побыстрее все анализы. К сожалению, выяснилось, что подозрения оправдываются, это вирусный гепатит, вернее, вирусный гепатит В.

– Я не очень в этом разбираюсь, – осторожно сказал Иван, – можешь мне пояснить? То есть я, конечно, в курсе, что такое вирусные гепатиты, но чем отличается А от В и от С...

– А – это еще цветочки, – вздохнула Марьяна. – Он не настолько мерзкий, как все остальные, хотя тоже, конечно, приятного мало. Гепатитом А можно заразиться просто через грязные руки, зараженную пищу или воду, но и лечится он легче: достаточно пройти курс в стационаре, и практически сто процентов – это выздоровление и благоприятные прогнозы. А вот В и С... они не имеют таких ярких проявлений, то есть при них не тошнит, как при гепатите А, и вообще после заражения они долгое время могут спать, как...

– Вулкан.

– Да, как вулкан, совершенно верно. Мы даже не смогли установить, где и когда мама могла заразиться гепатитом В. Вариантов множество: она сдавала кровь на анализы, и это могла быть зараженная игла. Она ходила на маникюр, и это могли быть грязные инструменты. Конечно, она ходила к стоматологу лечить зубы, и это могло произойти там. Дело в том, что вирус может не проявлять себя, как я уже сказала, довольно долгое время, а потом – бац, и проявиться. Мама почувствовала себя плохо, начала сдавать анализы, выявили ухудшение и... И с тех пор мы с этим живем, – развела руками Марьяна. Иван слушал ее с каменным выражением лица. – Не нужно опасаться, этот вирус подхватить не так просто. От мамы нельзя заразиться, если, конечно, не специально... Мы с Антоном сразу сдали анализы и получили отрицательный ответ, обновили прививки. Маме со временем стало лучше, и прогнозы у нее благоприятные, но это действительно как жить на вулкане. Гепатит – это в первую очередь поражение печени, и когда ты долго им болеешь, то очень велик риск, что всё закончится циррозом или первичным раком печени, а это, как говорят циничные врачи, несовместимо с жизнью.

Марьяна помолчала и продолжила с ожесточением:

– Я в шоке была. Естественно, сразу полезла в Интернет изучать информацию, смотреть, что я могу сделать, как я могу помочь маме. Узнала просто ужасающую статистику. Эпидемией считается ситуация, когда болезнь в стране охватывает более одного процента населения, а в России

сейчас семь миллионов больных, и получается, что у нас эпидемия, потому что порог превышен в целых пять раз. Но разве кто-то говорит об этом много и открыто? Нет. Так, несколько статей в прессе. Причем семь миллионов – это только официальная статистика... Ладно, пусть это будет на совести российского здравоохранения, меня волновало и волнует здравоохранение моей мамы. А я... я до того момента даже не подозревала, во что это может вылиться, и за последние годы прекрасно выучила, насколько дорого обходится лечение. Насколько тщательным оно должно быть и как человек, который болен гепатитом, должен избегать различных стрессов и переутомления. Он и так переутомляется, потому что болен. У мамы иногда сильно кружится голова, она испытывает слабость, ее посещает бессонница, ее беспокоят боли в суставах. Для того чтобы купировать проявления болезни, нужно знать всё о ее течении, а у нас преступно мало информации об этом, просто преступно. И самое печальное – то, что полностью вылечиться нельзя. Есть куча препаратов, которые облегчают жизнь. Мы все их используем.

– Их выдает государство? – поинтересовался Иван.

Марьяна горько усмехнулась.

– Государство... о чем ты? Государство даже бесплатный талончик на посещение стоматолога не выдаст. Эти лекарства приходится покупать. Но тут я снова должна сказать спасибо маминной подруге Арине Петровне. Все это происходит благодаря ей, благодаря ей мы платим вдвое меньше, чем могли бы платить, она пользуется своими связями для того, чтобы доставать нам препараты, которые в аптеках стоят просто космических денег. Иногда нам нужно просто презентовать бутылку коньяка врачу, который выписал компенсируемый рецепт, иногда требуется больше денег, иногда меньше. Но в любом случае именно благодаря Арине Петровне мы можем ухаживать за мамой так, что она чувствует себя практически нормально. Мы с Антоном вкалываем, – тут она запнулась, – вернее, вкалываю в основном я. Антон долго искал себя, и это совершенно другая история. Но я считаю, что я старшая дочь и должна позаботиться о маме, особенно когда она оказалась в таком положении. Так вот, я вкалываю, а Арина Петровна ездит с мамой на все обследования, возит ее к врачам, выбивает путевки в санатории. Она делает все то, что могла бы делать платная медсестра или сиделка, только не берет за это ни копейки... Ну, хорошо, иногда я оплачиваю ей билеты и путевку в санаторий тоже, но ведь это такой минимум за то, что она делает для нас.

– Действительно, хорошо иметь настолько верную подругу, – согласился Иван. Он хмурился, слушал внимательно, однако пока больше

никак не комментировал.

– Мне даже лекарства покупать не нужно, всё приносит Арина Петровна. Не нужно бегать по аптекам, я привожу продукты и убираюсь у мамы, поддерживаю ее моральный дух. А медицинские моменты ложатся на Арину Петровну. И вроде мы научились жить с этим, только вот... Понимаешь, Иван, я осознаю, что это – навсегда, этот спящий вирус, который иногда проявляет себя слабостью и головокружениями, он может сработать в любой момент – а может и не сработать, и мама, к моему счастью, проживет долгую и счастливую жизнь. Просто я чувствую, что, если я не шагну вверх, если не совершу качественный скачок, не стану больше... собой, не стану больше зарабатывать, не извернусь как-нибудь, моя жизнь такой и останется. Я буду просто зарабатывать на лекарства. На лекарства и санатории, на новые сапоги, на всё остальное. И ты пойми, я не жалею, – сказала она резко, встретившись взглядом с Иваном. Он помотал головой: дескать, да я так совершенно не думаю. – Я не жалею и жаловаться не намерена, я просто рассказываю тебе, отвечая на твой вопрос. Такова моя жизнь. Я каждый день думаю о том, где достать денег. У меня нет таланта для того, чтобы продвигать себя и продавать за большие бабки. Я вообще не умею пиариться. Да и что мне рекламировать?

– Ева сказала, ты ей обещала вместе устроить фотосессию Фельке, и показала на компьютере свои снимки. Говорит, ты хорошо фотографируешь, ей понравилось.

– Ох, Иван! Может быть, я и неплохо снимаю, но пока недостаточно хорошо для того, чтобы всерьез этим зарабатывать. Да и не факт, что мне когда-нибудь это удастся, даже если я внезапно окажусь хорошим фотографом. Вернее, не окажусь, а научусь им быть, потому что это все – результат работы. Кому как не тебе об этом знать. Ты точно так же смог себя построить, просто ты – умный, талантливый, а я... я обычный человек. И как обычному человеку жить в такой финансовой... сжатости? – Она еле-еле подобрала слово. – Да, пожалуй, это так. Я все время чувствую себя, как в тисках. На меня непрерывно давит одно слово: деньги, деньги, деньги. Где взять еще немного денег для того, чтобы оплатить маме ламивудин или энтекавир? Это только два из тех препаратов, которые она принимает. Их много, их реально много, их нужно пробовать, смотреть на динамику, нужно все время заниматься этим. А мама, ты же ее помнишь... она не слишком изменилась с тех времен, когда мы еще все вместе общались. Она человек гордый и о помощи не просит.

– Ну да, – сказал Иван непонятым голосом, – не просит. Она ее принимает, как само собой разумеющееся.

Марьяна посмотрела на него с изумлением.

– Ты же ее сто лет не видел! Откуда... И почему ты так думаешь?

– Я... – он потер лоб, – ладно, извини, потом. Давай, продолжай.

– В общих чертах я всё уже рассказала. Так оно и пошло, это всё уже устаканилось и стало рутиной. И я очень тебе благодарна за то, что ты дал мне возможность здесь отдохнуть. Может быть, перезагрузюсь и наконец придумаю что-то гениальное. – Марьяна печально улыбнулась. – Не факт, конечно, но я все-таки попытаюсь. Ведь если добыть где-то постоянную хорошую зарплату, то, возможно, мне удастся...

– Удастся что? Давать маме больше денег?

– Ну, например, отправить ее на лечение в Германию. Там очень хорошие клиники, и я читала, что они готовы принять больного с вирусным гепатитом В и свести все проявления к минимуму, а риск цирроза печени – практически к нулю. Там какие-то новые препараты, в России их нет. Или, например, Израиль... К сожалению, у меня нет знакомых в Израиле, но и там лечение стоит очень дорого. Там у нас местная Арина Петровна не водится. В общем, вот такая история.

– Ясно, – сказал Иван. – А можно я задам пару уточняющих вопросов?

– Задавай, – со вздохом согласилась Марьяна. Она чувствовала себя опустошенной, так бывает после долгих слез. Она и не подозревала, что ей настолько требовалось выговориться. Или ей требовалось выговориться именно Ивану? Она не понимала и не хотела сейчас об этом размышлять.

– Скажи, где именно лечится твоя мама? Это какая-то частная клиника или государственная?

– Государственная, конечно. Мы не можем позволить себе частную.

– А ты знаешь, по каким программам она проходит?

– Да, мне говорили, но полный список есть у Арины Петровны.

– Послушай, у меня все-таки остались знакомства в Москве. И один из моих бывших одноклассников стал высококлассным врачом. Он специализируется как раз на вирусологии. Как ты смотришь на то, что я попрошу его осмотреть твою маму?

Марьяна оживилась.

– Это, это было бы замечательно! Seriously, ты сможешь это сделать? А, – тут она запнулась, – а сколько это будет стоить?

– Ну, для тебя ничего, считай это подарком по старой дружбе.

– Иван, я так не могу. Ты уже столько для меня сделал, и зарплату мне платишь...

– Марьяна, я тебя выслушал и понял, что ты находишься в очень непростой ситуации. Чисто по-человечески я имею возможность и хочу

тебе помочь. К тому же это касается не тебя, а твоей мамы. Если бы это была ты, я бы взял тебя в охапку, и мы бы с этого самого Крита тут же полетели в Москву. Там я тебя сдал бы самым лучшим врачам и не остановился, пока они не дали бы благоприятный прогноз и не подобрали схему лечения. А надо – и в Германию, и в Израиль, и к черту на кулички. Лишь бы вылечиться. Но с твоей мамой будет дело посложнее. Я так понимаю, что она не очень хорошо ко мне относится, – он говорил осторожно, будто ступая по болоту, – или это не так?

– Это так, – созналась Марьяна. – Я не знаю, почему. Она не хотела, чтобы я с тобой работала, не хотела, чтобы летела с тобой сюда. В день, когда мы прилетели, я позвонила ей и рассказала. Я страшная трусиха, – она покачала головой. – Не смогла сознаться сразу, когда мы уезжали. Мне показалось, что возникнет какая-то причина, и я останусь в Москве. Но теперь она знает, и она очень недовольна, несмотря на то, что сейчас она в белорусском санатории вместе с Ариной Петровной. – Марьяна отпила еще вина и снова посмотрела Ивану в глаза. – Я не понимаю, – тихо сказала она, – просто не понимаю, почему она так относится к тебе. Ведь наши семьи так хорошо дружили, а потом что-то произошло. Ты скажешь мне, что именно? Я бы очень хотела знать. Это годами не то чтобы мучало меня, но сидело, как заноза в душе. Скажи, Иван, пожалуйста!

– Ох, – Райковский вздохнул и наполнил опустевшие бокалы, – ох, для этого надо еще выпить. Черт, я не думал, что мне когда-нибудь придется тебе это рассказывать! И, Марьяна, – он потянулся вперед, накрыл ее ладонь своей, точно так же, как за несколько дней перед отъездом, уговаривая отправиться на Крит. – То, что я тебе сейчас скажу, будет для тебя, наверное, очень неприятным. И если бы была моя воля, ты бы этого никогда не узнала, потому что ты не тот человек, которому нужна подобная грязь, но...

– Иван, о какой грязи идет речь? Я думала, дело в какой-то ошибке или недопонимании.

– Если бы, – горько усмехнулся Райковский, – если бы дело было только в этом, тогда, я думаю, мы бы, эх... – Он махнул рукой. – Да что там говорить о прошлом... впрочем, мы о нем и говорим. Ладно, не буду я ходить вокруг да около, – он глубоко вдохнул, словно перед прыжком в холодную воду, и четко, отдельно произнес: – Марьяна, наши семьи перестали общаться потому, что твоя мама пыталась соблазнить моего отца.

Повисла пауза. Марьяна была в таком шоке, что даже не понимала, следует ей что-то отвечать на слова Ивана или можно сидеть, застыв, как статуя. Слова не укладывались в голове.

Мама пыталась соблазнить дядю Эдика? Что... что за ерунда?

– Иван, – сказала она, – ты уверен в том, что ты мне сейчас сказал?

– О господи, я предполагал, что это будет трудно. – Иван взъерошил волосы и снова отпил вина. – Честно, я не хотел тебе этого рассказывать, но избегание твоих прямых вопросов тоже выглядит по-идиотски. Если б я не был уверен, зачем я бы стал тебе это говорить? Потому наши семьи и рассорились. Вернее, мои родители перестали общаться с твоими. Не знаю, что сказали тебе. Я не мог простить твоей маме такой подлости, она просто недопустимо себя вела.

– Подожди... пыталась соблазнить – это как? Откуда ты-то об этом знаешь?

– От родителей, конечно! У нас с ними секретов друг от друга не было, и, когда папа с мамой сказали мне, что с Ковалевыми мы больше общаться не будем, я спросил: «Почему?» И получил ответ. Я был достаточно взрослым парнем для того, чтобы это понять.

– И как же, по-твоему, происходил этот процесс соблазнения?

– Не по-моему, а так, как папа рассказал, – спокойно произнес Иван. – Ты же помнишь, в тот момент он находился на пике карьеры и был очень-очень успешным ученым? Они с мамой оба были успешными. – Он светло, печально улыбнулся, глядя мимо девушки, как будто родители сейчас стояли за спиной у Марьяны и улыбались ему в ответ. – А твоя мама – она всегда была честолюбива и завистлива. Прости меня за эти слова, Марьяна, я знаю, что ты любишь ее и что она – твоя мама, но я не могу не сказать то, что я о ней думаю на самом деле. Она была таким человеком, и, мне кажется, она такой и осталась. Я не знаю, сделала ли она тебе что-то плохое или твоему брату, это ваши семейные дела, но она совершенно точно пыталась сделать плохо моей семье.

– Каким образом? – повторила Марьяна шепотом.

– Она потихоньку подготавливала почву, старалась остаться с отцом наедине, сесть к нему поближе, прижаться, ты же знаешь, как это бывает. И отец – он просто очень увлеченный человек, он некоторое время даже не замечал. Потом заметила мама и удивилась, ей такое поведение Лии Николаевны показалось странным. Она попросила отца понаблюдать за твоей мамой, чтобы понять, что ей нужно и действительно ли моей маме ничего не кажется. Отец исполнил просьбу и удивился чрезвычайно. Лия Николаевна посылала ему однозначные знаки внимания. Потом написала записку, где признавалась в чувствах. А когда он остался с ней однажды наедине, она попробовала просто опрокинуть его на кровать и заняться с ним любовью. Говорила, что ее муж ее разочаровал, а его жена ничего не

узнает... Он ей, естественно, отказал, он просто встал, сказал: «Лия, это позор!» – и вышел из комнаты. Папа не хотел общаться с ней больше никогда, хотя она что-то говорила ему вслед о своей неземной любви, но он просто не желал этого слушать. Решил поговорить с твоим отцом, дядей Мишей. Думал, хоть дружба сохранится. А дядя Миша сказал: «Понимаешь, Эдик, она моя жена, я ее больше жизни люблю, и дети у нас...» – и всё папе стало ясно. Вот так вот он мне все рассказал. А потом... Лия Николаевна позвонила одному своему влиятельному знакомому, и у папы начались неприятности на работе. И это тоже не подозрения, а факты. Я потом нашел этого знакомого, уже после смерти родителей, припер к стенке. Он мне сознался в том, что Лия Николаевна делала пакости нашей семье. О некоторых мы даже не подозревали, думали, это случайное стечение обстоятельств. И я просто... Марьяна, извини, я не смог, я был раздавлен тогда. Родители умерли и, мне казалось, оставили меня. Это была полнейшая, нечеловеческая несправедливость. Я не мог судить объективно. А вдруг именно козни твоей мамы привели к папиному инфаркту? Мы никогда не будем знать наверняка. Я понимаю, что ты была ни при чем, никогда не держал на тебя зла, просто твоя семья – она словно стала невидимой. У меня не было ненависти, я понимал, что не хочу мстить твоей маме и не буду, но...

– А сейчас? – тихо произнесла Марьяна. – Что изменилось сейчас, если ты предлагаешь помощь?

– Я предлагаю помощь не ей, – так же тихо ответил Иван, – а тебе.

– Мне кажется, что это сон, – произнесла Марьяна после долгой паузы. – Так не может быть.

– Почему? – буднично удивился Иван. – Почему не может? Это случается в жизни. Люди ведут себя совершенно не так, как мы от них ожидаем. Под розовыми очками кажется, будто люди должны быть добрыми, понимающими, честными, вести себя благородно, но правда, Марьяна, состоит в том, что они нам ничего не должны. Каждый человек сам по себе. Когда люди решают быть вместе и любят друг друга – это одно, когда у них настоящая семья, где любовь и поддержка, благодарность друг другу превыше всего, где другой хочет дать тебе больше, чем ты ему, и это постоянно растет, – да, вот это по-настоящему. Но ведь это происходит не так часто. Люди живут в плену своих страхов, ожиданий, сомнений. Люди желают заполучить то, что им не принадлежит, – просто потому, что считают, будто этот мир им должен по умолчанию. И таких огромное количество, тех, кто не видит своих границ, своих реальных возможностей. Это скорее нормально в нашем обществе, хотя это ненормально. И даже

когда оказывается, что наши близкие поступили так... Ну, что ж, они наши близкие, просто они поступили так.

– Боже, – простонала Марьяна и взялась за голову, – боже! Что мне теперь делать с этой информацией?

– Переварить и жить дальше, это не твоя жизнь. Это жизнь твоей мамы. Ее грехи, если она верит в бога. Ну, или ее поступки в прошлом, если в бога она не верит. Это ее совесть, Марьяна, не твоя.

– Да, но из-за этих поступков мы с тобой не общались больше десяти лет, да, Иван? Именно из-за этих поступков.

– Не только из-за них, – сказал Райковский, – но ты права, да, в основном поэтому.

– Как я смогу ей в глаза-то посмотреть? – сказала Марьяна. – Я... Я даже не знаю, смогу ли я спросить когда-нибудь у нее об этом?

– А зачем спрашивать? – удивился Иван. – Это все давно прошло, оно похоронено. Я все это переварил и простил. Простил для себя, мне не надо искать какого-то другого прощения. Я просто это принял. И я думаю, что ты тоже примешь, довольно быстро. У тебя очень пластичная психика. Ты легко приспособливаешься к меняющимся ситуациям. А насчет ее здоровья... Знаешь, Марьяна, твое душевное состояние и твоя жизнь – это важно для меня. И я бы хотел, чтобы ты жила лучше, счастливее, шире, свободней. Понимаешь, о чем я?

– Да, понимаю. Спасибо, Иван, ты отличный друг.

– Посмотрим, кто я такой, – пробормотал Райковский и взялся за следующую бутылку. – Давай-ка мы с тобой еще выпьем.

– Ну, раз пошла такая пьянка, – Марьяна, все еще ошарашенная, пододвинула к нему незаметно опустевший бокал, – и у нас с тобой вечер откровений, тогда я тоже задам вопрос. Просто чтобы знать, Иван. Чтобы не осталось недосказанностей или я действительно не сказала Еве какой-нибудь ерунды. Ее мама?..

– Н-да, – сказал Иван, – да, эта история даже в некоторой степени забавная.

– Забавная, потому что она ушла, как я поняла? Разве в этом есть что-то забавное?

– Ничего, конечно, но со временем, опять же, учишься воспринимать такие вещи философски. – Иван вздохнул. – Кэтрин. Кэтрин, да, так ее звали. Вернее, почему звали? Зовут. Она по-прежнему есть в этом мире и даже, наверное, счастлива. Только отдельно от нас.

Глава 17

Меняя Россию на Америку, Иван немного боялся, что заскучает. Ведь совсем другая страна, где он не бывал раньше, совсем другой менталитет, и люди тоже другие. Пребывая тогда в очень растерянном состоянии, Иван не мог реально оценить, как все будет, приживется ли он в Америке. А сама Америка – приживется ли она в нем? Впрочем, Райковский обладал прекрасной привычкой ничего не планировать заранее, особенно собственные ощущения и переживания, которые могут поменяться на следующий же день.

Поэтому, переехав и начав обустриваться, Иван просто впитывал Америку, внимательно смотрел по сторонам и определял, что ему нравится, а что нет. Он быстро понял, что в маленьких заштатных американских городках ему делать нечего. Там шла привычная, веками сложенная жизнь, люди никуда не стремились и ничего особенного не хотели, а чужак навсегда оставался чужаком. Нет, Ивана по-прежнему манили большие города. Ему требовалось, чтобы вокруг кипела жизнь, и даже если живешь в тихом пригороде, добраться до мегаполиса было легко и быстро.

Поэтому Сан-Диего стал для него идеальным вариантом, да и сам штат Калифорния понравился. Хорошая погода, люди приезжают интересные, большое количество иностранцев. Здесь себя Иван чужаком не чувствовал.

А потом он встретил Кэтрин, или Катьку, как он ее потом называл. Она оказалась дочерью еще довоенных эмигрантов, неким образом успевших уехать в Америку и остаться там вполне легально. За долгие годы эмигранты накопили приличное состояние, поставили на ноги несколько бизнесов, так что их любимая, единственная, обожаемая дочь ни в чем не нуждалась.

Кэтрин в Калифорнии оказалась не случайно. Ее манила актерская карьера, однако прежде чем покорять Голливуд, Кэтрин обосновалась в небольшом театре в Сан-Диего, куда ее согласились взять на вторые роли. Там она и играла. Там-то Иван с ней и познакомился.

Полагая, что должен изучать культурную жизнь страны, в которой теперь, возможно, будет жить до самой смерти, Иван исправно ходил на выставки, различные мероприятия и иногда посещал театры. Родители – большие интеллектуалы – привили ему вкус к прекрасному, и поэтому Иван разбирался в искусстве и умел его прочувствовать.

То, что спектакль, в котором играет Кэтрин, бездарен от первого до

последнего слова, Иван прочувствовал уже на первых пяти минутах. На шестой он подумывал уйти, на седьмой – увидел Кэтрин на сцене и решил, что, пожалуй, останется. Он не знал, что именно привлекло его в ней. Не то чтобы Кэтрин обладала слишком яркой, красивой внешностью или же особым магнетизмом, однако нечто в ней зацепило Ивана. Несмотря на то что он знал: это – актриса, она исполняет роль.

Даже тогда, в первые минуты знакомства, которое еще в общем-то и не состоялось, Иван понимал, что актриса из Кэтрин, скорее всего, неплохая, но не более того. Не было в ней гениальности, не было огромной искры – или даже маленькой, которую можно разжечь до немислимых размеров, но имелось то, что оказалось привлекательным именно для него, Ивана Райковского. Поэтому он подождал, пока закончится спектакль, сдержанно похлопал вышедшим на поклон актерам, а после отправился к служебному входу, где Кэтрин и подстерег.

Он даже не сразу ее узнал. Она вышла без грима, обычная, с волосами, собранными в пучок на затылке, в джинсах, босоножках и простой белой футболке, с какой-то хиппарской сумочкой через плечо. Иван сообразил, что это она, по особому повороту головы: то же самое он только что видел на сцене и запомнил, как актриса чуть склоняет голову набок, будто прислушиваясь к чему-то.

– Привет, – сказал Иван. – Я только что был в зале, мне очень понравилось, как вы играете.

– Привет! – Она улыбнулась широкой американской улыбкой, к которым он до сих пор привыкал и тренировал у себя перед зеркалом. Без такой улыбки в Америке – никуда. – А вы зритель или продюсер?

В слове «продюсер» звучала такая надежда, что Иван поспешил объясниться.

– Нет, я не продюсер, просто зритель. Я русский, приехал в Америку недавно и вот хожу по культурным местам Сан-Диего. Мне повезло, что я попал на этот спектакль.

– Серьезно? – Она сдвинула солнечные очки на лоб, и Иван, посмотрев в ее большие голубые глаза, понял, что пропал окончательно. – Серьезно, вам понравилось?

– Ну-у, – врать настолько Иван не привык, – вообще-то...

– Вообще-то спектакль не очень, – вздохнула Кэтрин, – и необязательно делать вид, что он вам на самом деле пришелся по душе. Я знаю. Просто сейчас это единственная альтернатива. У нас, актеров, жизнь нелегкая.

Естественно, Иван пригласил ее на прогулку, потом в кафе, потом в

ресторан. Ухаживания шли по накатанной схеме, и Кэтрин принимала их с удовольствием. Русские корни все-таки сказывались, она не твердила постоянно о правах женщин, не дергалась, если Иван открывал ей дверь или подавал куртку. С Кэтрин явно было проще, чем с теми американками, с которыми Иван уже успел свести знакомство.

Он ухаживал за ней долго, вдумчиво и красиво. Иван всегда считал, что если случится в его жизни настоящая любовная история, то о ней потом нужно вспоминать с удовольствием, как о хорошем кино. Эдакая жизненная классика, которую тянет иногда пересмотреть, чтобы вновь вспомнить забытые ощущения... Он носил Кэтрин оригинальные букеты, дарил ей журавликов-оригами, сложенных собственными руками во время работы в Гугле, и возил в романтические поездки на побережье. Кэтрин познакомила его с родителями. Те кандидатуру Ивана сдержанно одобрили, и через полгода Райковский сделал Кэтрин предложение, которое она благосклонно приняла. В тот момент Иван ее устраивал.

Он снял хороший дом в Сан-Диего. Его доходы были несоизмеримо выше доходов Кэтрин, получавшей в своем театре не так уж много денег, и с ним было удобно. Богатые родители, заимев состоятельного зятя, в еврейской манере урезали любимой дочке содержание. Иван постарался сделать так, чтобы жена ни в чем не нуждалась. А мечты – мечты можно осуществлять, будучи и замужней дамой.

Забеременела Кэтрин случайно и обнаружила это слишком поздно для того, чтобы делать аборт. Сначала у нее случилась истерика, жена полагала, что это поставит крест на ее актерской карьере. Иван сумел убедить ее: ни на чьей актерской карьере ребенок окончательно и бесповоротно сразу крест не ставил.

– Послушай, – уговаривал супругу Иван, – ну никакой же трагедии не произошло, ты любишь меня, я люблю тебя, мы хотели детей...

– Да, хотели, – рыдала Кэтрин, – но когда-нибудь потом, в отдаленной перспективе, а теперь что?

– А теперь что? Теперь мы стоим перед фактом, – пожал плечами Райковский, – и этот факт называется ребенок. Давай просто смиримся с этим. – Ему самому не требовалось ни с чем мириться, он был безумно рад, что у него появится ребенок от любимой женщины, но, увидев, как убивается Кэтрин, решил ее немножко поддержать. – Послушай, ты ведь уже свела некоторые знакомства. После рождения ребенка ты можешь через пару-тройку месяцев снова работать. Я знаю, насколько это для тебя важно. Мы найдем няню. Я помогу тебе.

– Хорошо. – Кэтрин утерла заплаканные глаза. – Ладно, я ведь... я ведь

тоже его хочу... или ее. А как мы назовем?..

Иван уверился, что все идет нормально. Кэтрин не показывала больше никаких признаков расстройства или депрессии. Беременность протекала легко, и спустя положенное время родилась Ева. Оба родителя ворковали над нею, как голубки, и поэтому для Ивана стало полнейшей неожиданностью то, что произошло потом.

Он помнил о прекрасном намерении запомнить свою историю любви, идеальную историю любви, и тот вечер он точно запомнил навсегда. Иван и хотел бы выкинуть его из памяти, однако иногда этот вечер просто снился ему во всех подробностях.

Тогда Кэтрин уходила куда-то и вернулась домой непривычно возбужденной. Иван сидел с маленькой Евой, к которой не смогла сегодня прийти няня. В Гугле был довольно свободный график, и выпросить денек работы дома не составляло особых сложностей. Иван вместе с дочкой валялся на полу в гостиной, наблюдая, как Ева забавно сжимает и разжимает кулачки, и рассказывая ей какую-то байку, вычитанную в Интернете. Он, конечно, осознавал, что ребенок не понимает всех приколов, однако ему просто нравилось с Евой говорить. Иван уже мечтал о том времени, когда дочка сможет ему отвечать.

Кэтрин влетела в гостиную возбужденная, покрасневшая, с блестящими глазами, бросила на столик сумочку так, что зазвенели стоявшие там стаканы, и выкрикнула:

– Меня берут!

– Куда тебя берут? – Иван поднялся с ковра. Ева все так же лежала на спинке, размахивая руками и сосредоточенно изучая игрушку, зажатую в одном из кулачков. – Где ты была, Кэтрин?

– Я была на собеседовании. – Она покрутилась вокруг своей оси, и широкая юбка взметнулась колоколом. – Меня берут! Иван, понимаешь, меня берут на роль!

– На какую роль? В твоём театре? – уточнил Райковский.

– Нет, конечно же нет. Господи. – Она брезгливо поморщилась. – С театром покончено, ты же знаешь.

– Ты вроде просто взяла там отпуск.

– Да нет, нет. Ну зачем я им после такого перерыва! Нет, я рассылала резюме. И сейчас один продюсер был в Сан-Диего, и меня пригласили на прослушивание. Мы можем поехать в Лос-Анджелес, Айвен! Я буду играть в настоящем театре, в нормальном!

– Подожди, подожди! Ты ходила на прослушивание и ничего не сказала об этом мне? – Иван был действительно удивлен. – Почему?

– Как будто ты не знаешь! – вздохнула Кэтрин. – Ты начал бы нудить и уговаривать меня, что здесь жизнь хороша, а так – это уже свершившийся факт. Ну что? Как тебе перспектива? Лос-Анджелес – отличное местечко!

– А как же моя работа здесь, в Сан-Диего? – спокойно поинтересовался Иван. Он уже начал догадываться, к чему все идет. Ощущение неотвратимости нависло над ним, будто снежный ком, готовый сорваться с горы. Иван сам не понимал и не мог бы объяснить, откуда ему настолько четко известно, что произойдет дальше, но он вдруг словно увидел этот разговор, который должен был состояться, и сейчас просто проговаривал свои реплики, уже заранее зная результат.

– Твоя работа? Да Гугл есть повсюду. Переведись, а? Давай, поехали! В Лос-Анджелесе будет весело!

– У нас ребенок, если ты не забыла.

– Я не забыла, но с ней же может посидеть няня, правда? Ты ведь понимаешь, что ребенок для меня – это слишком рано. Я только начала строить карьеру. Ты свою уже почти построил и просто будешь двигаться дальше. Ты уважаемый специалист, а я... я актриса, мне нужно больше играть. Мне нужно засветиться в как можно большем количестве проектов. Если я сейчас поеду в Лос-Анджелес, то это произойдет, а если нет, я буду корить себя до конца жизни.

– И меня, – сказал Иван.

– Ну и тебя, конечно. Ведь это из-за тебя, из-за нее, – она кивнула на Еву, – я не поехала бы. Но ты же понимаешь, что я поеду.

– Конечно, – сказал Иван. – Я понимаю. Кэтрин, ты действительно всерьез?

– Ну, конечно, – она посмотрела на него, как на полного идиота. – Конечно, я всерьез. Айвен, послушай, если ты не готов переезжать, давай поеду я, а вы с Евой потом приедете. Хорошо?

– Возможно, – сказал Иван. – Возможно, это будет лучшим решением.

Кэтрин очень быстро собрала вещи, Иван понял, что она уже давно готовилась к этому, просчитывала, всегда этого хотела. Он с тоской размышлял о том, где сам сделал ошибку – принудил ее к браку, заставил родить ребенка... Может быть, он в этом виноват, или никто не виноват, или... Он долго размышлял об этом, но, так как прекрасно понимал, чем все кончится, даже не уговаривал жену остаться.

Кэтрин уехала в Лос-Анджелес, уехала быстро и надолго, она вернулась только один раз, чтобы попросить у Ивана развод. Жизнь Евы она почти не интересовалась. О том, чем живет ее почти бывший муж и дочка, тоже. С запозданием Иван сообразил, что карьера всегда стояла для

Кэтрин на первом месте, и если бы он был более чутким, более понимающим, то сообразил бы, что он – всего лишь временный аэродром для дозаправки, а ребенок – досадная помеха, которую можно бросить.

Оказавшись в Лос-Анджелесе, Кэтрин изменилась быстро и неотвратно. И с той женщиной, которая потом приезжала и холодным взглядом смотрела на него и на Еву, Иван не хотел иметь ничего общего. Надавив на свои рычаги, он отсудил полное право опеки над дочерью, да и отсуживать особо не требовалось. Не то чтобы Кэтрин собиралась биться за нее. Ее родители выказали некоторое сожаление, однако тоже не принимали участия в жизни внучки. Иногда звонили на Рождество, да и все.

– А теперь держи его... вот так, да, так, аккуратно и ближе.

Ева послушно подсунула листик, на котором сидела божья коровка, поближе к Фелькиному носу.

Фелька, как обычно, была звездой. Марьяна даже не стала заставлять кошку сниматься, вернее, не пришлось. Фелька, привычная к тому, что хозяйка постоянно прыгает вокруг нее с фотоаппаратом, даже в незнакомом месте решила, что все происходит так, как оно должно происходить. Когда Марьяна усадила кошку на низкую каменную ограду в саду и вежливо, очень вежливо попросила некоторое время не дергаться и побыть самой главной моделью в ее, Марьяниной, жизни, Фелька просто сидела, задумчиво шурясь и созерцая. А когда ей под нос стали совать листочек с божьей коровкой, исправно его нюхала несколько раз подряд. Листочек держала Ева, которой ужасно понравилось быть ассистентом фотографа. Свои обязанности девочка исполняла четко и верно. Она настолько прониклась происходящим, что пообещала Марьяне обязательно стать знаменитым фотографом.

– Ты же вроде ветеринаром хотела стать еще вчера? – вспомнила Марьяна. – Что произошло?

– Ну-у, я могу быть фотографом-ветеринаром.

Марьяна содрогнулась.

– Боже упаси. Лучше тогда уж анималистом. Будешь ездить по всему миру, лежать в кустах с огро-о-омным объективом и ловить в кадр играющих африканских львов.

– А что, так можно? – радостно спросила Ева.

– О-хо-хо, – сказала Марьяна. – Девочка моя, ты живешь в мире неслыханных возможностей.

После разговора с Иваном на душе стало неожиданно легко. Даже

несмотря на то, что рассказал ей старый друг о ее, Марьяниной, матери, все равно это было – будто вскрыть старый нарыв. Да, поболит немного, но потом непременно станет легче. И, как оказалось, уже стало, прямо на следующее утро.

Ева честно поднялась в семь утра, чтобы успеть к мягкому свету, помогала ловить насекомых, фотографировать Фельку, ее пятки, кончик хвоста. Марьяна ловила в объектив то блестящую на солнце паутинку, то капельку, которая повисла на заборе, то любопытный кошачий нос. Здесь, в этом теплом краю, где осень начнется еще не скоро, казалось, будто возможно все: и выиграть конкурс (ха-ха три раза), и вылечить маму, и как-то разрешить свои с ней противоречия. Вернее, свои собственные внутренние противоречия. У мамы-то никаких вопросов к Марьяне, кажется, нету, кроме недовольства ее работой на Райковского.

– А что ты будешь делать с этими фотографиями? – спросила Ева. – Распечатаешь и повесишь на стенку? У нас на стенах много всего висит. – Она задумалась. – Ну, картины там всякие, папа любит картины. Он даже здесь немного купил.

– Да? – удивилась Марьяна. Ей казалось, что картины, которые висели в съемной квартире Райковского в Москве, прилагаются к этому жилищу. – Те, которые в кабинете у него? Пейзажи. Я не очень разбираюсь, но они мне понравились.

– Ага, – Ева кивнула. – Это какой-то модный художник, или не очень модный, но почему-то известный. Папа мне объяснял. Он вроде умер. Или не умер. Короче, это лучше у папы спросить.

– Действительно, лучше спросить у папы. Так что, папа живопись любит?

– Да, он увлекается. Привозит всякие картины, вешает их на стены. Не очень часто и много, но хорошие, мне нравятся.

– А ты сама любишь живопись?

– Папа меня водил в музеи. Мне не нравится всякая абстракция, когда непонятно, что намалевано. Я так в три года рисовала. Пф-ф... – Она гордо помотала головой. – А вот если пейзажи, или город, или животные какие-то – это я люблю. И папа такое любит. Он тоже всякие круги и прямоугольники не очень уважает.

– Понятно, – сказала Марьяна и ответила на более ранний вопрос: – Нет, я не буду эти фотографии распечатывать и вешать на стенку. Я буду участвовать в разных конкурсах.

– Конкурсы? Это как в школе?

– Да, только для взрослых. Взрослые вечно в чем-то состязаются. Еще

хуже, чем дети, так что не думай, будто вырастешь, и конкурсы из твоей жизни исчезнут. Нет, это борьба за выживание. – Марьяна погладила флегматично сидевшую Фельку. – Вот ее снимки, если они получатся хорошими, и я их нормально обработаю, отошлю на конкурсы, может, какой-то приз выиграю. А может, и не выиграю, не знаю. Но поучаствовать я хочу.

– Здорово! А можно посмотреть, как ты обрабатываешь? Мне очень интересно.

– Конечно, – сказала Марьяна, – никакой тайны в этом нет.

Ей было очень приятно, как Ева интересуется тем, что делают взрослые, живо, без малейшей фальши. Неизвестно, кем станет эта милая, чуть застенчивая, а иногда очень бойкая девочка. Это определит только время, но сейчас Марьяне было приятно общаться с Евой. И впервые девушка остро пожалела о том, что Райковские уедут, и общение сведется к перепискам в социальных сетях. Возможно, к редким звонкам по скайпу, но где Америка, а где Москва? Очень далеко, тем более для маленькой девочки.

Глава 18

Как оказалось, возвращаться после такого отпуска – это чрезвычайно трудно. Чрезвычайно.

– Поманили конфетой, дали облизать, а теперь... – вздыхала Марьяна, пока «Мерседес» с Янисом, непрерывно выражавшим сожаления, что замечательные гости так скоро уезжают, вез всю компанию к аэропорту. – Вот как так!

– Ты, судя по твоему загорелому виду, слопала килограмм конфет, – заметил Иван.

– Или даже два кило! – поддакнула Ева.

– Заговорщики! Никакого сочувствия от вас.

– Это точно, – покивал Райковский. – За сочувствием – не к нам. Мы исключительно практичные и даже в некоторой степени коварные люди. Правда, Ева?

– Правда!

Марьяна засмеялась.

Конечно, у нее есть Ленка, самая закадычная подруга на все времена. Однако сейчас, в этот момент, Марьяна вдруг ощутила, что Иван и Ева – тоже если не на все времена, то надолго. Между ними установилась связь. Может, не такая крепкая, еще не проверенная большим количеством лет, но... Если расстояние и годы молчания не смогли порвать нить между нею, Марьяной, и Иваном, то теперь, когда в их отношениях почти не осталось недосказанности, что может помешать?

Почти. История с Антоном. Марьяна не собиралась грузить этим Ивана и очень надеялась, что брат приложит больше усилий для разрешения ситуации. Иначе из ямы еще долго не удастся выбраться.

Крит как будто не хотел их отпускать. Всего лишь десять утра – а температура уже двадцать шесть градусов, на пляжах полно народу, и так хочется забыть обо всем и снова окунуться в волны. Но, как говорил папа, делу – время, потехе – час. Ее час прошел, и Марьяна была за него неистово благодарна.

Москва встретила путешественников ясным солнечным днем, который потихоньку заваливался в вечер. Подползали сиреневые сумерки, и остро пахло опавшей листвой. Никакого тимьяна и шалфея, зато привычный аромат выхлопных газов, хмурые таможенники в зоне прилета и вставшие

в мертвую пробку такси. Здравствуй, родина.

Угодили в пик трафика и до дому добирались почти три часа. Измученная Ева уснула, обняв переноску с Фелькой; кошка не спала и изредка издавала недовольный мяв, который Марьяна расшифровывала как «какого черта вы привезли меня обратно». Фелькины заунывные жалобы девушка полностью разделяла. Она любила Москву, но, видимо, слишком давно не покидала ее. Контраст оказался очень ярким.

Наконец приехали. Марьяна помогла Ивану втащить багаж на крыльцо, и тут из будки вышел охранник. Марьяна уже была с ним знакома – Василий Валерьевич, начальник смены.

– Добрый вечер, господин Райковский. – Он кивнул Ивану и Марьяне и даже подмигнул Еве. – Можно вас на пару минут задержать? Тут такое дело...

– Только побыстрее, если можно. Мы очень устали.

– Конечно. Просто вам знать нужно. История приключилась, пока вас не было. Буквально пару дней назад. Поймали у вашей квартиры подозрительного человека. Ну как поймали... Вежливо спросили, что он там делает.

– А что он там делал? – заинтересовался Иван.

– А черт его знает, – в сердцах произнес Василий Валерьевич. – Дверь рассматривал. В форме курьера, говорит, что приехал по заказу и ошибся адресом.

– Я никакого курьера не приглашал.

– Да вот и у нас в списках его не было. Мы его вежливо оттуда и попросили. Но подозрительно это как-то...

– Как он мимо поста прошел? – спросила Марьяна.

– Тут наш косяк, – вздохнул Василий Валерьевич. – Я машину проверял, привезли мебель на седьмой этаж. А напарник мой, Федя, значит, отлучился... – он бросил взгляд на Еву, – по нужде. На минуту буквально. Я ему выговор вкатил уже, конечно... Думаю, тогда он и прошел, этот курьер.

– Может, и правда ошибся адресом?

– Может, и так. Только я в охране давно работаю, Иван Эдуардович. Я подвох за версту чую. В общем, такие дела. Крутилась около вашей квартиры подозрительная личность. Может, прослышал где или в Инстаграме увидел, что хозяйева в отъезде, да и решил проверить, не забыли ли дома чего ценного. – И припечатал, как гвоздь забил: – Сети эти социальные – зло да мракобесие. Для преступности рассадник. Вот так.

– Спасибо за предупреждение, – сказал Иван. – Если заметим что-то

подозрительное, сразу вам расскажем.

Когда поднимались в лифте, Марьяна спросила:

– А у тебя, может, остались там действительно ценные вещи?

– Полно, – согласился Иван. – Я с собой золотой запас Америки привез, чтобы не скучать. Охрана проявила бдительность, и хорошо. Пусть теперь нас с удвоенным усердием охраняют, а я хочу в душ и спать.

Утром Марьяна сидела на кухне, просматривала на ноутбуке список дел и с тоской поглядывала в почтовый ящик. Пока никаких ответов от организаторов конкурсов не было. Марьяна вместе с Евой еще на Крите отобрали самые удачные снимки и отправили их, пришло уведомление, что фотографии загружены и – все. Ладно. Это было бы слишком легкой победой.

– Покой нам только снится, да, Фелька? – сказала Марьяна кошке, которая, как обычно, отиралась рядом. – Ну ничего. Мы сейчас посмотрим, нет ли чего вкусенького на «Воркспейсе».

Не успела девушка открыть сайт с подработкой, как в дверь позвонили. Марьяна никого не ждала. Курьеры с едой уже приехали, а клининговая служба обещала быть завтра. Пожав плечами, Марьяна отправилась открывать.

На пороге обнаружился Василий Валерьевич, а рядом с ним – Антон. Брат стоял, ссутулившись и засунув руки в карманы. Начальник смены кивнул.

– Доброе утро. Вот, утверждает, будто ваш родственник, а в списках его нет. Решил проводить и поинтересоваться.

– Это правда, родственник. Мой брат.

– Ну ладно. А то подозрительный. Честь имею.

Антон и вправду должен был вызвать у бдительной охраны подозрения: куртка старая, черная шапка надвинута на глаза... Эх, непутевый братец.

– Заходи. – Марьяна посторонилась, пропуская Антона в квартиру. – Ты почему не позвонил? Я бы с тобой где-нибудь встретила.

– Потому что... дело срочное. – Антон огляделся. – Н-да... Слушай, а Иван дома?

– С утра дома был. Он тебе зачем?

– Поговорить надо, – решительно произнес брат. – С ним и с тобой. Позови его, ладно?

– Антон, – предупреждающим голосом заговорила Марьяна, – если ты решил, что надо просить у него денег в долг...

– Не в этом дело. Позови, ладно? Я объясню.

Озадаченная девушка провела брата на кухню и постучала к Ивану в кабинет. Райковский заканчивал разговор по скайпу и махнул ей – сейчас подойду, дескать.

На кухне Антон взгромоздился на стул у стойки и выглядел, как гигантский нахохлившийся воробей. Не спрашивая больше ни о чем, Марьяна сделала брату кофе и сама уселась напротив.

– Ничего не хочешь мне объяснить?

– Ивана подождем.

Райковский появился через несколько минут и, увидев нежданного гостя, удивился.

– Антон? Узнал тебя по фоткам в Фейсбуке. Когда я уезжал, ты еще мелкий был. – Он протянул брату руку, и тот вяло ее пожал. Марьяна немедленно соорудила еще чашку кофе. – Зашел сестру навестить?

– Поговорить зашел. – Брат сидел, сгорбившись, сцепив пальцы. – Марьян, Иван в курсе наших с тобой проблем?

– Нет. – Начало разговора ей совсем не понравилось. – И не хотелось бы впутывать.

– Во что это вы не хотите меня впутывать? – поинтересовался Райковский подозрительно.

– В неприятную историю. Я сейчас расскажу. – И, несмотря на безмолвный протест Марьяны, объяснил сжато: – Я задолжал много денег одному криминальному приятелю. Он такой... гопота, конечно, но под серьезными людьми ходит. Я брал на развитие нашей группы. Альбом записали, с гастрольями ездили, но не получилось ничего. Долг повис, проценты капают. Марьяна помогает мне отдавать.

– Seriously? – Иван посмотрел на нее с непонятым выражением. – И ни слова мне не сказала?

– А ты бы сказал? – Марьяна взъерошила волосы. – Это... очень неприятно. И стыдно. И глупо. И уж точно тебя не касается. Я по доброй воле согласилась Антону помочь, он мой брат, мне его жалко. Прости, что скрывала. Потом бы рассказала, наверное.

– Могу понять, – медленно проговорил Иван, пристально смотрел на нее в течение нескольких секунд, а потом отвел взгляд. – Родственнички у тебя... Любящие и нежные. Хорошо, парень, ты кому-то должен, и что? Вернее, сколько?

– Было больше миллиона, – вздохнул Антон, – сейчас уже меньше.

– Ого! Горазд ты брать долги, братец! Ещё и на сестру вешать. – Марьяна видела, что Иван разозлился. Почему он так переживает за нее?

Но, кажется, она начинала догадываться.

– Да, я сглупил, – четко произнес Антон, не отводя взгляда, – да, был дурак, я и сейчас не очень умный, но, может быть... Короче, дело вот в чем: ты коллекционируешь картины, да?

– Ну да. – Райковский явно не ожидал такого поворота в разговоре. – А это тут при чем?

– Ты недавно в Москве купил несколько полотен одного художника, Вавилов его фамилия, Михаил Вавилов. Есть такое дело?

– А, да. Увидел аукцион еще в Америке и, собственно, купил онлайн. Подумал, все равно лечу, почему бы и нет. А что? Какие проблемы? Я их отсюда вывезу в США по всем правилам, как полагается. Я уже на них документы оформляю.

– Это те пейзажи, что у тебя в кабинете висят? – уточнила Марьяна. Она вспомнила, что Ева ей говорила об этом.

– Да, совершенно верно, те самые пейзажи. При чем тут они?

– А ты знаешь, что этот Вавилов, с-сука, очень дорогой? – почти выкрикнул Антон. – Ты знаешь об этом?!

– Дорогой, конечно, но я могу себе это позволить. А в чем дело-то?

– Дело в том, что есть один человек... К тебе не подходили с вопросом, вернее, с просьбой продать эти картины?

– Было что-то такое, да. – Иван пожал плечами. – Звонил какой-то мужик, говорил, что ему эти картины дороги как память, какие-то у него сентиментальные воспоминания с ними связаны. Я с ним побеседовал, конечно, но я честно выкупил их на аукционе. Захотел бы он их сам купить, предложил бы лучшую цену. Антон, я все равно не понимаю, к чему ты завел разговор о картинах?

– В общем, дело такое, – вздохнул брат. – Москва – город маленький. Червонец, Витька, это тот тип, которому я задолжал, связан с ребятами, которые занимаются вот этим самым, произведениями искусства.

– Коллекционеры, что ли? – насмешливо спросил Иван.

– Угу, коллекционеры, – кивнул Антон, – конечно! Работают они на коллекционеров, причем на тех, кто не остановится перед покупкой или добычей вождеденных предметов искусства любой ценой. Вот и дошли до Червонца слухи, что у некоего Ивана Райковского, гражданина, вернее, почти гражданина США, приехавшего в Москву ненадолго по делам, есть несколько картин, которые одному из заказчиков очень нужны, а у меня, – тут он посмотрел на Марьяну, – у меня есть сестра, которая с означенным Райковским знакома. А Райковский как раз ищет себе помощницу.

– Подожди-подожди, – до Марьяны доходило медленно, но верно, –

подожди, ты что, не просто так меня Ивану порекомендовал?

– Seriously? – спросил Райковский, глядя на Антона даже с некоторым уважением. – Seriously? Это крутой план?

– Ну, в общем, да, – вздохнул Антон и снова сгорбился, – был крутой план. Я рекомендую тебя, Марьяна, работать к Ивану. И через некоторое время уговариваю тебя открыть дверь некоторым моим друзьям, они просто забирают картины и уходят, а долг с меня списывается. Вот и все.

– Ух ты, как продумано! – Иван покивал. – Точно голливудское кино! Вы случайно фильмов не пересмотрели, молодой человек?

– Слушай, это все не шутки, – устало сказал Антон, – они меня реально к стенке прижали, грозились убить. Убить меня, девушку мою, Катю. И тебя, Марьяна, маму обещали пристукнуть. Я честно тебе скажу, я испугался, я поэтому согласился, но... но сейчас я больше не могу. Я знаю, что здесь ты и что у Ивана дочка маленькая, я просто не могу запустить их сюда, зная, что они вам могут навредить. И я понимаю, если я сделаю так, поступлю, как они хотят, я всегда буду у них на крючке, всегда, понимаете, всегда! Я никогда с этого не слезу, а я очень хочу слезть, – он снова посмотрел на Райковского, и его плечи расправились. – Да, я ошибся, Иван, вот реально ошибся. Мы с тобой сто лет не виделись, да и я мелкий был, когда ты в Америку уехал, но, блин, ты же знаешь, что люди имеют свойство ошибаться. И, конечно, я оболтус, конечно, я раздолбай, я это все прекрасно про себя знаю, и Марьяшка мне постоянно об этом говорит, и мама тоже намекает, хотя и любит очень. Но я... я не преступник, я не хочу им становиться, правда, и когда они меня об этом попросили, меня все время совесть страшно мучила. Я все думал, а вдруг они решатся все проверить без меня и как-то тебя, Марьяна, прижмут, как-то заставят силой пропустить их в квартиру...

– Подожди, так это не твои ли дружки вокруг нашего дома крутились, пока мы на Крите были? – сообразил Иван.

– Угу, они, разведывали обстановку. Под видом курьера Червонец сам пошел. Умудрился замок на черной лестнице вскрыть, а потом застрял. Не обломалось ему естественно, он, как увидел здешние замки, так развернулся и обратно отправился.

– Все ясно, – протянул Иван, – все с вами ясно, криминальные элементы.

– Антон, ты вот сейчас меня поразил до глубины души. Хотя, казалось бы, я удивляться уже не могу. – Марьяна глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. – Они действительно грозились всех убить?

– Они не грозились, Марьяна, они обещали. И это абсолютно разные

вещи. Когда ты видишь пустые угрозы, когда понимаешь, что тебя просто немножко пугают, – это одно. Так было раньше, но тут на кону очень серьезные деньги. Там на каждого за эти картины несколько миллионов полагается, понимаешь, на простых исполнителей! Ты ведь осознаешь, насколько высоки ставки, а дело-то всего – в квартирку впустить, замки вскрыть, я не знаю, девчонку прижать, тебя... Но я так не хочу, я не преступник, я не хочу им становиться. – И он заключил совершенно беспомощным голосом: – Помогите мне, пожалуйста.

– Интересное кино, – пробормотал Иван, – очень интересное. То, что ты явился к нам с повинной, уже говорит в твою пользу, оболтус, – он посмотрел на Антона со странным выражением на лице. – Пожалуй, если над тобой поработать, человек еще выйдет. Хочешь над собой поработать, Антоха Ковалев?

– Слушай, я вообще не понимаю, о чем ты. – Брат еще больше ссутулился и в конце концов уткнулся лицом в ладони. – Я просто хочу, чтобы это все как-то закончилось. Проснуться, а ничего нет. Ни долгов, ни Червонца.

– Ладно, – сказал Иван практически весело. – Мечты сбываются! Проснешься – и этого всего не будет.

Конечно, всем хотелось посмотреть на спецоперацию по захвату преступников. Когда еще такое увидишь не в кино, а в жизни! Даже Ева сказала, что не боится и что будет защищать папу, Марьяну и Фельку изо всех сил. Но суровый капитан, руководивший процессом, был непреклонен. Нет, и всё. Будьте любезны уйти с линии огня, штатские. Пришлось отправляться в «Якиторию» и заказывать самый большой сет роллов, чтобы себя занять.

Чуть раньше Антон под руководством сотрудников доблестной полиции, которой позвонил Иван сразу после разговора на кухне, связался с Червонцем. Марьяна не слышала их беседы, но брат пересказал, о чем шла речь. Антон заявил Червонцу, что припугнутая сестра открыла доступ в квартиру. В определенное время она отвлечет охранников, и те оба уйдут с поста. Код от двери известен, карточка и ключи от лифта будут ждать за мусорным ящиком в соседнем дворе. Сестра обязуется задержать охрану на полчаса, квартира пуста. Заходите, берите картины, дорогие товарищи.

План выглядел хлипким, Иван так и сказал. А что, если Червонец и его подельники заподозрят что-то? Как можно отвлечь охрану на полчаса, когда они и на пять минут не могут оставить пост? Но приободрившийся Антон усмехнулся.

– Не великого ума там люди, – объяснил он. – Я тоже не светоч мысли, но по сравнению с Червонцем практически Эйнштейн. Простые исполнители, шестерки. Ты, Иван, слишком долго в Америке жил. Кино там у вас хорошее делают, аж веришь, что преступник может быть умным. А потом видишь Червонца и понимаешь, где кино, а где жизнь. Вот жизнь – она такая.

Показаний Антона было недостаточно, чтобы привлечь банду, полицейские хотели взять их с поличным. Так что компания сидела в «Якитории», вяло жевала роллы и ждала звонка от капитана: тот обещал уведомить, когда можно будет вернуться. Фельку Марьяна оставила у соседей, любезно согласившихся присмотреть за кошкой несколько часов.

– Похоже, спишется твой долг сегодня вечером. – Иван бросил на стол бамбуковые палочки, которые крутил в руках, и в упор посмотрел на Антона. – Станешь свободным, как птица. Чем займешься?

– Работу найду, – тут же откликнулся брат, и по его тону Марьяна поняла: это не отговорки, это искренне. И нытья о том, что в приличное место его не берут, больше не будет. Видимо, и вправду встряхнула Антона эта история... – С чего получится, с того начну. Музыкой пока для себя заниматься стану, заодно пойму, что мне точно нравится, а что нет. Как выяснилось, я пока не разобрался. Потом, может, на Катьке женюсь... А то я ведь ее люблю.

– Это хорошо, что любишь, – согласился Иван. – Для любимой женщины многое можно сделать. Для себя – и для нее, чтобы вам обоим хорошо жилось. – Он подумал немного и произнес: – Вот что, Антон. Если ты серьезно настроен, если действительно хочешь что-то изменить, не так, чтоб понарошку, а кардинально... Могу тебя порекомендовать одному моему московскому знакомому.

– Иван, – предостерегающе начала Марьяна, однако Райковский остановил ее взмахом руки.

– Понимаю твои сомнения. Боишься, что брат твой опять ударится в криминальные истории, и получится неловко, меня подставит. Не беспокойся. Со знакомым моим отношения не испортятся, я его предупрежу, что парень идет на испытательный срок. Если захочешь учиться, Антон, то там есть такая возможность. Будешь учиться, смотреть, работать – и, возможно, тогда у тебя будет та жизнь, какую ты захочешь.

– Я согласен, – твердо сказал брат. – Что нужно делать?

Иван захохотал.

– Последовательность неправильная! Сначала надо спрашивать, что делать, а потом уже соглашаться... Знакомый мой – владелец заводов, газет,

пароходов. Не знаю, куда он тебя пристроит. Пойдешь к нему на собеседование, сами определитесь.

– Хорошо, – кивнул Антон и хотел что-то добавить, но тут у Ивана зазвонил телефон. Все подпрыгнули, даже Ева, которая разговор взрослых почти не слушала – снова складывала слова на планшете. Иван посмотрел на определившийся номер, приподнял брови и, извинившись, отошел.

Отсутствовал Райковский минут двадцать.

– О чем так можно долго трепаться с полицией? – Антон ерзал, как будто сел на ежа.

– Думаю, это не полиция, а частный звонок. Полицейские бы просто сказали: «Возвращайтесь».

– Ну или что Червонец сбежал. Так себе перспективка.

– От того количества народу, которое туда нагнали его ловить? Вряд ли.

– Ага. Если у нас бандиты тупые, так, может, полицейские тоже неумные?

Дискуссию прервал вернувшийся Иван, которого встретили вопросительными взглядами.

– Нет, это не наши доблестные штурмовики. – Райковский выглядел странно, и взгляд, брошенный на Марьяну, тоже был непонятным. – Это... Я потом вам расскажу. Сейчас давайте дождемся, пока нас домой пустят.

Капитан позвонил только через час и недовольным тоном велел возвращаться. Банду Червонца повязали в полном составе.

Глава 19

Марьяна проснулась и долго лежала, глядя на лучик света, пробивающийся между занавесками. Часы показывали почти одиннадцать. Вчера все так утомились, что было принято решение сегодня утром отсыпаться до упора. Даже Антон не поехал домой – позвонил своей Катке и долго с ней ворковал, успокаивая. Хотя брату предстояли еще довольно долгие объяснения с полицией и дача показаний, выглядел Антон теперь не в пример лучше. Как будто раньше на шее у него болтался камень, а теперь веревку обрезали, и от навалившейся легкости можно взлететь в небеса. Жить, просто жить без оглядки. Бесценный подарок.

Вернувшись от соседей Фелька проснулась раньше Марьяны и теперь, когда хозяйка открыла глаза, недовольно мявкнула. Девушка села и притянула кошку к себе.

– Прости! Я тебе, наверное, мало корма насыпала вечером, да?

«Не очень много. И спишь. А я тут скучаю».

– И все остальные небось спят.

«Может быть. Я не проверяла. Пойдем есть?»

– Сначала я в душ. Потерпишь?

«Ладно. Только ты быстро».

Вокруг могло происходить что угодно, а между кошкой и хозяйкой по-прежнему царил полная гармония.

С душем Марьяна управилась за десять минут, а потом, кое-как расчесав мокрые волосы и одевшись, спустилась вниз. Фелька скакала за ней.

Девушка думала, что станет первой проснувшейся в сонном царстве, и с удивлением обнаружила внизу Ивана. Тот сидел за столом-стойкой на кухне, крутил в руках телефон и выглядел очень задумчивым. Перед Райковским стояла чашка с кофе, безнадежно остывшим еще в каменном веке. Марьяна вылила гадость в раковину, ополоснула чашку и быстро соорудила новую порцию, не забыв и о себе.

– Ты почему такой смурной? Картины на месте, даже мой брат подался на путь истинный. Или... Ты сердисься на меня за то, что я не сказала тебе о проблемах Антона? Но я правда не хотела тебя втягивать...

– Что за ерунда. – Иван отхлебнул кофе, но видно было, что думает он вовсе не о вкусе любимого напитка. – Я тебя прекрасно понимаю. В такие вещи не хочется вмешивать никого, кроме тех, кто и так уже, вольно или

невольно, в них увяз. Больно, проблемно и даже стыдно. Не извиняйся за это, Марьян. Я совершенно не обижен.

– Тогда... в чем дело? Или это меня не касается, и мне не нужно приставать с вопросами?

Иван невесело улыбнулся, криво, уголком рта.

– Тебя... Ты знаешь, у меня в последние дни ощущение, что теперь на этом свете все так или иначе касается тебя. На моем свете, – подчеркнул он и посмотрел на Марьяну так, как, кажется, ни разу не смотрел раньше. А может, она не видела. – Я хочу быть с тобой откровенным. Ты мне нравилась тогда, много лет назад. Нравилась очень сильно. А потом – вся та история, и я... убедил себя, что это было правильно – вот так уехать, расстаться с тобой. Так не будет больно. Потом закрутилось... Но где-то в глубине души я всегда помнил о тебе. Глупо это отрицать. И сейчас... Мы встретились, мы уже другие – и те же. Во многом изменились, но остались неизменные вещи. Понимаешь, о чем я?

– Да, – медленно произнесла Марьяна, – понимаю.

Фелька рядом сосредоточенно хрустела кормом, и этот привычный звук возвращал в реальность.

– Я не знаю, что из этого получится. Не хочу загадывать. Как всегда. Но если бы я тебя спросил... Да вот, я спрашиваю. Ты бы не отказалась дать нам второй шанс? Мы первый толком не использовали, так что, может, этот и есть первый.

Марьяна потянулась вперед и накрыла своей ладонью руку Ивана.

– Я в деле.

Райковский закрыл ее ладонь своей, и некоторое время молча сидели так, привыкая. Потом Иван тряхнул головой и встал.

– Что ж... В новую жизнь нужно вступать с чистой совестью. Мне тоже необходимо тебе кое в чем признаться. Вернее, поделиться кое-какой информацией, и, боюсь, она тебе по вкусу не придется. – Он скривился, словно надкусил лимон. – Антона это тоже касается. Сходи, пожалуйста, разбуди его, если он спит, и приходите оба сюда. К полудню кое-кто подъедет, разберемся со всеми делами.

– В чем это ты хочешь мне признаться? – замороженно спросила Марьяна. – Ты дон Корлеоне, да? Ты вовлекаешь меня в липкие мафиозные сети?

– Ну вот, ты сама обо всем догадалась. Позови Антона, пожалуйста.

– А Еву?

– Ева давно проснулась и читает в своей комнате. Я ее накормил завтраком и попросил пока нам не мешать.

– Ого. – Вот тут Марьяна и правда забеспокоилась.

Антон, как выяснилось, уже встал и даже умыться успел, хотя и выглядел заспанным. Вместе с братом Марьяна вернулась на кухню и бросила взгляд на часы. Почти полдень. И тут же зазвенел звонок.

– Ага, даже чуть раньше назначенного времени. – Иван двинулся в прихожую. – Я сам открою, подождите здесь.

Стукнула дверь, слышались голоса, показавшиеся Марьяне знакомыми. Антон вытянул шею, словно любопытный журавль, прислушиваясь.

– Марьяшка, что происходит? Ты знаешь?

– Не-а. Иван загадочен, как склеп на старом кладбище.

Фелька вспрыгнула на стойку и стала неторопливо умываться. Марьяна посмотрела на кошку и внезапно, словно заразившись ее настроением (в любой непонятной ситуации – умывайся, спи или ешь!), спросила у Антона:

– Хочешь кофе? Капучино, с пенкой и корицей.

– Может быть, – кивнул брат.

Взяться за приготовление Марьяна не успела. Иван вернулся, а за ним шли... мама и Арина Петровна.

– Мам? – удивился Антон. – А ты что здесь делаешь?

При виде детей Лия Николаевна остановилась, но потом пожала плечами и пошла дальше. Арина Петровна выглядела несколько растерянной и озиралась, поджимая губы. Марьяна почти слышала, какие мысли крутятся у нее в голове: «Ишь, хоромы отгрохали! Буржуи!»

Маму Марьяна после приезда еще не видела. Позвонила ей, коротко сообщила, что добралась до Москвы, пообещала заглянуть на следующей неделе. Вроде давно не виделись, надо подойти, обнять, поцеловать... Но, во-первых, мама не терпит публичных проявлений чувств, а во-вторых, Марьяна ощутила: не хочется. Просто не хочется. Почему?..

– Я пригласил вашу маму, а заодно и ее подругу, о которой ты мне, Марьяна, любезно рассказала, – произнес Иван. – Нам есть о чем поговорить. Давайте присядем. Не здесь, у нас есть гостиная.

В гостиной крупными ломтями лежало на полу позднее октябрьское солнце. Даже большой фикус с лаковыми листьями, неизменный атрибут советских детских садов, смотрелся растением экзотическим и в некоторой степени загадочным. Мама и Арина Петровна сели вдвоем на диван, Марьяна опустилась в кресло, Антон встал у нее за спиной. Иван тоже остался стоять, засунув руки в карманы. Вид у Райковского был задумчивый.

– Как вам у меня в гостях, Лия Николаевна? – поинтересовался он предельно вежливо, и Марьяна чуть приподняла брови: тон этот был насквозь фальшив.

Мама обвела взглядом гостиную и кивнула.

– Что ж, могу признать, ты достиг определенных высот в жизни. Твои родители были бы рады.

Марьяна вспомнила о том, что рассказал ей Иван тогда на террасе, ночью, под красное вино, и едва не закричала: «Мама, как же так, как ты могла? Что должно было случиться в твоей голове, чтобы ты так поступила?»

– Конечно, были бы. К сожалению, их уже нет на этом свете. Впрочем, речь пойдет не о них и не обо мне, а о вас. Я вас пригласил сюда, потому что Марьяна поведала мне обстоятельства вашего заболевания. Не смотрите на нее так, она выдала эту тайну только под пытками. К тому же, что ни делается, всё к лучшему, да?

Марьяна только вопросительно на него смотрела.

– Возможно, вы сами расскажете своим детям, зачем сегодня пришли сюда?

– Хорошо, – пожала плечами Лия Николаевна. – Иван позвонил мне вчера вечером и пригласил приехать, так как узнал о моей болезни. Он сказал, что хочет выделить большую сумму на лечение. Без возврата.

– Ты правда это сделаешь? – Марьяна смотрела только на Райковского.

– Нет.

Слово упало, будто камень с горы.

– Это что, дешевый розыгрыш? – брезгливо спросила Лия Николаевна.

– Безобразие! Молодой человек! – Арина Петровна вскочила и ткнула в Райковского пальцем. – Как вы можете подвергать Лию такому стрессу! Ваши дешевые шутки...

– Сядьте, – сказал Иван таким тоном, что Шавкута плюхнулась назад и глупо приоткрыла рот, как аквариумная рыба. – Я балагана тут не потерплю. Из этой квартиры без моего разрешения никто не выйдет, пока мы не достигнем полной ясности.

– Полной ясности в чем? – тихо спросил у Марьяны за спиной Антон.

Неведомо откуда возникшая Фелька вспрыгнула девушке на колени, и Марьяна невольно прижала кошку к себе. Лия Николаевна взглянула на эту скульптурную композицию с некоторым любопытством.

– Это и есть твоя оборванка?

– Это Фелька, мам. Она нормальная кошка.

– О кошках побеседуем в другой раз. – Райковский сделал шаг

вперед. – Я, как в гоголевской пьесе, пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор. Вернее, он уже приехал. Им случайно оказался я.

Иван почесал бровь, вздохнул и заговорил уже более спокойно.

– Хочу рассказать вам одну историю. Жила-была на свете девочка, был у нее младший брат, мама и папа.

«Я героиня дурной сказки», – подумала Марьяна. По ее ладоням от Фельки растекалось успокаивающее тепло.

– Папа любил обоих детей, а вот мама... Я бы сказал, что она любила сына, но на самом деле это не так. Мама не любила никого, кроме себя. Все остальные, думала она, созданы для того, чтобы удовлетворять ее потребности.

– Перестань нести чушь, Иван, – сказала Лия Николаевна, – что это за детские выступления!

– Не хотите сказку? – усмехнулся Райковский, и тут Марьяна сообразила, что с ним не так. Иван был зол, очень зол. Она просто ни разу до сих пор не видела его таким, а потому не распознала... – Буду обращаться адресно. Вы, Лия Николаевна, всегда очень переживали о своей не вовремя закончившейся карьере. Даже Марьянку винили в том, что больше не смогли петь. Это мне мама рассказала, уже потом, после вашего... конфликта. Не о нем речь, а о том, что дальше было. Время шло, дети росли, потом ваш муж умер. Мне очень жаль, правда, – повернулся он к Антону и Марьяне. – Дядя Миша мне всегда нравился, хорошим он был человеком. Он вас, Лия Николаевна, всю жизнь обеспечивал, дружбой ради вас поступился, а после его смерти вы остались практически ни с чем. Работать вы уже не хотели, да и кем? Уборщицей идти? Это не про вас. Так что дети вас обеспечивали, подкидывали денежек, особенно Марьяна, которая тогда уже начала работать. Но немного – так, на выживание хватало. А вам другого хотелось. Дядя Миша и на курорты вас возил, и подарки дарил, и тут в одночасье все исчезло.

– Ничего ты не знаешь. – На щеках мамы горели алые пятна, хотя говорила она по-прежнему с достоинством пленной герцогини. – Ни о желаниях моих, ни обо мне, ни о детях.

– Кое-что узнал. Ваша дочь, в которой вы наверняка пестовали чувство вины, из кожи вон лезла, чтобы вас обеспечить. К Антону вы были более снисходительны, да? Я еще с тех времен помню, что ему многое прощалось. Не в обиду, Антоха.

– Без проблем, – буркнул брат. – Тем более что... ну... это и правда так. Мам, ты всегда Марьянку ругала, а меня хвалила.

Лия Николаевна промолчала.

– Если бы речь шла только о непонимании и разборках, тут требовался бы семейный психолог. Но дело гораздо хуже. Внезапно выяснилось, что отец оставил Марьяне денег на покупку квартиры. Именно Марьяне! Несколько миллионов рублей! Лакомый кусок, Лия Николаевна?

«Откуда он знает подробности?»

– Это были мои деньги, – отчеканила мама. Марьяна едва плечами не пожалала: ничего нового. – Они должны были достаться мне.

– А ваша дочь вам их не отдала. Марьяна, почему?

– Мне обязательно отвечать? – тихо спросила она.

– Пожалуйста.

– Хорошо... Я подумала: если папа хотел сделать подарок именно мне, значит, это была его четкая воля. Я до сих пор не знаю, почему мне и почему не пополам нам с Антоном... Но завещание было написано настолько однозначно, что я не могла не согласиться с ним. Папа так хотел. Я очень по нему скучала. И я приняла это, хотя и не понимаю, что он имел в виду...

В горле стоял комок.

– А я понимаю, – негромко произнес Иван. – Дядя Миша очень любил вашу маму. Но вместе с тем он прекрасно знал, какой она человек. И примерно предполагал, как поведет себя после его смерти. Дядя Миша видел, как Лия Николаевна обращается с собственной дочерью, как требует с нее, ничего не давая взамен. Ты попадала все глубже и глубже в эти сети. Если бы не квартира, свалившаяся как снег на голову, возможно, ты никогда не нашла бы в себе сил переехать. Так и оставалась бы на Водном.

– А что в этом плохого? – поинтересовалась мама. – Это наш дом – мой, Марьяны и Антона. Я и сейчас готова их обоих принять.

– Ты просила меня уговаривать Марьяну продать квартиру, – вдруг сказал Антон. – Мам, зачем? Ты же и правда по ней не скучала.

– По деньгам она скучала. По деньгам. – Иван выразительно потер друг о друга большой и указательный пальцы. – Несколько миллионов! На пару лет безбедной жизни хватило бы. Но Марьяна отказалась отдавать наследство и переехала. Вот тогда вы и забили тревогу, да?

– Не понимаю, о чем вы.

– Сейчас поймете. Время шло, ваша дочь жила теперь в другом месте и постепенно отдалялась от вас. Может, начала встречаться с парнями, может, как-то свободнее себя почувствовала, я не знаю таких подробностей, могу лишь предполагать. Антон искал себя и денег вам почти не приносил. И вы запаниковали. Вы уже на пенсии, а она небольшая, для ваших нужд –

и вовсе крохи. Вам же хотелось путешествовать, смотреть мир. Вы долго обсуждали это со своей подругой, которая сейчас рядом с вами сидит и делает вид, что не понимает, о чем я. Да, Арина Петровна?

Шавкута отвернулась.

– Так чья была идея? – спросил Иван. – Ваша или Лии Николаевны? Или это, так сказать, совместное творчество?

– Не понимаю, о чем вы, – повторила мама, однако Марьяна видела: она нервничает. Ей же нельзя...

– Ладно, хватит тянуть резину, – сказал Иван. – Сойдемся на совместном творчестве, так как в дальнейшем эти две замечательные дамы действовали в сговоре. Вашей маме требовались деньги, Арина Петровна тоже не против покутить. В определенных кругах она печально известна тем, что без небольшого денежного взноса нормально она вас лечить не будет...

– Клевета!

– Но это, так сказать, мелкие шалости. Они нас не касаются. Денег хотелось, а добыть было негде. И тогда эти дамы придумали план. Обсудили, что и как станут делать, и сообщили детям новость. О том, что у Лии Николаевны – гепатит В.

– Она же и правда больна, – сказала Марьяна. – Иван, зачем...

– Затем, что твоя мама абсолютно здорова. Ну, может, какой-никакой артрит у нее имеется, но гепатита точно нет.

Повисла тишина. Марьяна посмотрела на маму, затем перевела взгляд на брата – у Антона натурально отвисла челюсть.

– Как... нет?

– А вот так, – развел Иван руками. – Нет и не было никогда. На Крите ты мне рассказала о болезни, я обещал помочь, хотя не слишком уважаю твою маму по известной тебе причине. Позвонил своему приятелю, главврачу одной из московских больниц. Он пообещал мне поднять историю болезни. Потом перезванивает мне и говорит: «А знаешь, Иван, ты ошибся, наверное! Не состоит у нас Лия Николаевна Ковалева на учете. То есть карточка ее медицинская есть, конечно, однако никакого гепатита там не наблюдается». Тут я заинтересовался. Марьяна уверяла, что ее мама сдала все тесты, проходила официальные обследования, получала компенсируемые лекарства, а раз так, это должно быть где-то отображено. Заинтриговал меня этот феномен. Потому позвонил я в одно агентство и нанял парочку детективов. Они-то мне все и раскопали. Даже особо рыть не пришлось, все на поверхности.

– Мама? – жалобно спросил Антон, словно ожидая опровержения. Лия

Николаевна молчала. Шавкута так и смотрела в сторону.

– Хороший был план, верно, дамы? У Арины Петровны масса знакомых, слегка нечистых на руку, как и она сама. Она уверила Марьяну, что сделает всё для подруги наилучшим образом. На обследования пристроит, везде съездит – не надо контролировать, только работай и деньги давай. Пузырьки пустые брали из-под лекарств от гепатита, насыпали туда витаминки. Рецепты подделывали. Да и не вчитывалась Марьяна в эти рецепты, ведь Арина Петровна с ними сама куда надо ходила. Но на всякий случай, вдруг дочка решит поинтересоваться – пожалуйста, тут вам и результаты исследований, и прочие бумажки. Удобная болезнь – гепатит! Годами может не проявляться. Только волновать больного лучше не стоит, а стоит ублажать и делать его жизнь максимально комфортной. – И, глядя только на младших Ковалевых, Иван заключил: – Собственно, чем вы и занимались.

– Подожди... – Марьяна не могла поверить. – Как это может быть? Все рецепты, лекарства – всё поддельное? А как же санаторий, путевки?

– А не было никакого санатория. Вернее, ездили они, конечно, но совсем не туда. Поднакопят денежек – и летят в Европу гулять. Давно ты мамин загранпаспорт видела? Там французский шенген на два года стоит... в отличие от твоего. В последний раз во Францию, правда, не полетели, денег, видимо, не хватило. В Праге погуляли. Пива выпили, кнедликов поели. Жили в отеле «Арко» на Высочанской, семьдесят семь. Мне продолжать или хватит?

Солнце все так же лежало на полу толстыми лоскутами, и Марьяна подумала: «Наверное, они очень мягкие, не зря же Фелька именно эти места выбирает, чтобы валяться. Надо будет тоже попробовать».

В той жизни, которая была до сих пор, Марьяна многое попробовать просто не успевала. Она четко знала, что делает: старается выжить сама и помогает своей семье. Балбесу Антону, вляпавшемуся в неприятности, и маме, которую поразила одна из серьезнейших болезней на свете. Несколько лет Марьяна изворачивалась, думала о том, как облегчить маме жизнь, как помочь человеку, которого любишь. А этот человек лгал тебе в лицо. Лгал о важном – о здоровье. Лгал так, чтобы ее, Марьянина, жизнь полностью подчинилась маминой. Иван прав: гепатит – удобный диагноз.

– Я сама виновата, – медленно произнесла Марьяна, ни на кого не глядя и поглаживая Фельку. – Я должна была вникнуть. Хоть раз поехать к лечащему врачу. Но Арина Петровна так меня уговаривала...

– Ты даже мысли не допускаешь, что твой приятель может врать? – холодно спросила мама. Марьяна подняла на нее взгляд. – Что он пытается

очернить меня в твоих глазах из-за давних разногласий между нашими семьями?

– Я не знаю, зачем бы Ивану это делать. Но если ты утверждаешь, что лжет он, а не ты... Давай поедem на Водный, возьмем твои таблетки и отдадим их на анализ. Я позвоню в санаторий, пребывание в котором оплатила тебе и Арине Петровне, и спрошу, были ли вы там. А потом ты познакомишь меня со своим лечащим врачом. Впрочем, с него можно начать, и тогда не нужны звонки и анализ. Когда мы можем с ним встретиться?

– Марьяш, не надо, – сказал Антон и положил ей руку на плечо. – Ты же сама все понимаешь. Да?

– Да, – согласилась она. Мать молчала, поджав губы. – И я даже не буду задавать вопрос: «Как ты могла?» Он поистине глупый. Я, кажется, понимаю, и как, и зачем. И даже Антона практически пощадила. Ты никогда не могла простить мне своей потерянной карьеры. И отца в этом обвиняла, просто ему не говорила никогда – он был в семье главным и приносил деньги. Но папа знал. Именно поэтому он оставил мне квартиру. Он знал, что однажды я всё пойму о тебе.

Лия Николаевна встала, и Арина Петровна тут же вскочила, словно верная собачонка.

– Ничего ты не докажешь, мальчишка, – презрительно сказала мать Ивану. – Да и не станешь возиться, руки не будешь марать. Любопытство твое – как у свиньи: измажется по уши, чтобы достать желудь. Сидел бы в своей Америке и к нам не совался.

– И мне было приятно пообщаться, Лия Николаевна. – Иван сделал широкий жест. – Выход там.

– Так что? – мать повернулась к Марьяне. – Все-таки ему веришь?

Девушка не успела ответить. Фелька, мирно сидевшая у нее на коленях, вздыбилась и зашипела, глядя на Лию Николаевну бешеными глазами – да так внезапно, что мать сделала шаг назад.

– И кошка эта вонючая. Утопить бы. Как же вы мне все осточертели.

Она развернулась и пошла к выходу, Арина Петровна побежала за ней. Иван задумчиво проводил их взглядом.

– Пойду прослежу, чтобы из квартиры ушли и ничего не прихватили. Мама ваша, может, и побрезгует, а вот подруга ее... – Он скрылся.

Антон обошел кресло и присел на корточки перед Марьяной. Фелька успокоилась и только обнюхала руки брата, когда он потянулся к сестре.

– Марька... Не плачь, а? Я тоже в шоке, конечно. Мне даже в голову не приходило...

– Как можно было нас так ненавидеть, Антон? Почему? Что мы ей сделали?

– Не думаю, что она нас ненавидит, – сказал брат. – Просто очень любит себя. Ладно... Нелегкий денек, конечно. Ну, папа говорил: перемелется – мука будет. Давай кофе поьем. Кофе – он от всех бед спасает, ты сама всегда утверждала.

– Давай, – согласилась Марьяна, и тут в ее кармане грянул мелодию телефон. Фелька, недовольная громким звуком, мяукнула, спрыгнула на пол и ушла на кухню. Наверное, стресс заедать.

Антон прав. Надо стресс запить кофе, а потом немножечко заесть. Сейчас очень грустно, со временем станет легче. Мир обрушился, как карточный домик – мираж, морок, развеялся, и бог бы с ним.

– Ты отвечать собираешься? – Антон кивнул на телефон, исправно продолжавший сообщать миру, что «we will rock you».

Номер был незнакомый. Марьяна утерла нос и нажала на кнопку.

– Да?

– Я говорю с Марьяной Ковалевой? – послышался веселый женский голос.

– Да, это я.

– Ой, как хорошо, я вам с первого раза дозвонилась. Меня зовут Ангелина, я секретарь устроителей конкурса «Best Russian Photography». Вы ведь отправляли нам снимки, верно? В категорию «Макро», фото кошки и кузнечика. И еще божья коровка на маленьком листке плывет по волнам. Работы «Первая встреча» и «Отважный путешественник».

– Отправляла.

– И выиграла. – Голос Ангелины истекал энтузиазмом. – Поздравляю! Я фотки видела, они отличные. Мне бы с вами договориться, когда вы можете к нам в офис подъехать. Вы указали, что в Москве живете. Это хорошо. Завтра, например, смогли бы?..

Марьяна посмотрела на Антона, выразительно сообщавшего ей что-то бровями, на возникшего в дверях Ивана с чашкой кофе в руке (опять все остыло же!), на солнечный лоскут. День продолжался.

– Смогла бы, наверное. Куда надо ехать?

Эпилог

– Какой он огромный, – сказала Ева. – Больше всего самого большого на свете, правда, пап?

– Ну нет, – возразил Иван. – Земля больше. А еще есть Марианская впадина. Глубина одиннадцать километров. Темная – жуть.

– Марианская? Это ее в честь Марьяны назвали?

– Много чести мне было бы, – пробормотала Марьяна. Она стояла, вцепившись в перила, и смотрела вдаль. – Слушайте, это что, орел?

Некоторое время все вглядывались в далекую точку и пришли к выводу, что, несомненно, орел. Потому что самолеты над Гранд-Каньоном не летают.

На смотровой площадке оказалось удивительно мало туристов. Их тут вообще было немного, несмотря на сезон. За полтора года жизни в Америке Марьяна привыкла, что если приезжаешь к какой-то значимой достопримечательности – будешь толкаться в очереди. Казалось бы, такая страна большая, столько места, а толпятся, как за колбасой по талонам. Особенно грустно оказалось в Йеллоустоне, где с толпой пришлось ходить гуськом.

Зато дома хорошо. Дома – простор, из окон видно море, и в зоопарк можно ходить сколько хочешь раз, если домашний надоест.

– Поедем дальше? – Ева дернула за рукав отца, а потом Марьяну – для справедливости. – Надо Фельку выгулять и сфоткать. А то я сегодня еще ничего не постила в ее Инстаграм.

– Типичное дитя двадцать первого века, – посетовал Иван. Он жевал неизвестно где сорванную травинку и в клетчатой рубашке выглядел, как ковбой. «Шляпы не хватает, – подумала Марьяна. – Подарю ему на Рождество ковбойскую шляпу». – Гаджеты и социальные сети. А вокруг красота какая!

– Я же не для себя! Я для Фельки! Поклонники ждут ее фоток!

– Сколько уже набралось? – поинтересовалась Марьяна, притягивая Еву к себе.

– Десять тысяч двести восемь, – сообщила девочка. – С утра столько было. Может, прибавилось. У нас лучшая кошка-путешественница!

– У нас лучшая дочка-путешественница! Посмотри хоть на Гранд-Каньон! Когда еще сюда выберемся... Любовь моя, а ты же снимать хотела.

– Точно, – спохватилась Марьяна.

Фотографическое оборудование лежало в багажнике джипа. Марьяна открыла дверцу, отложила в сторону большой синий мяч с принтом толстого кота Гарфилда (вечно эти кошки лезут под руку), открыла кофр и, придирчиво изучив ассортимент, выбрала «тушку» фотоаппарата и объектив. Просто несколько снимков каньона – как падает свет, как парит вдалеке маленькая точка – однозначно, орел! Потом, утром, в отеле, можно выйти поснимать росу на траве, и еще вчера Марьяна видела отличную бабочку – местные говорят, таких тут немерено. Узор на крыльях – как лабиринт: найди выход, и получишь свободу.

Фелька мяукнула с заднего сиденья.

– Сейчас, – сказала ей Марьяна, – сейчас поедem... Ребята, а вы в курсе, что кто-то из нас забыл закрыть сумку-холодильник? Мороженое скоро в кашу превратится. Нужно срочно его спасать.

– Ма-ам! А можно Фелька вылизет сумку? А я сфоткаю для Инстаграма!

– О господи, – сказал Иван. – А если я вылизу сумку, то наберу столько же лайков, сколько кошка?

– Не-а, – сказала Ева. – Ты, папа, прекрасен. Но...

– Но есть кошка по имени Счастье, – вздохнул Иван. – Так и быть, признаю свое поражение. Конкуренция бесполезна. Иди сюда, хвостатое животное. Пришло время исполнять свой долг перед обществом.

---

notes

Примечания

1

#макромир (*англ.*).

2

Всегда (англ.).

«San Diego Zoo Safari Park» – большой парк дикой природы недалеко от американского города Сан-Диего.

4

Lucky (*англ.*) – счастливая.